

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В.И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 24 (65). № 3

Серия:

Философия
Культурология
Политология
Социология

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, 2012

Редакционная коллегия:

Багров Н.В. - главный редактор
Шульгин В.Ф. - заместитель главного редактора
Дзедолик И.В. - ответственный секретарь

Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»**Редактор серии:**

Шоркин А. Д., - доктор философских наук, профессор

Редакционный совет серии:

Артюх П. И.,	доктор политических наук, профессор
Берестовская Д. С.,	доктор философских наук, профессор
Зарапин О.В.	кандидат философских наук, доцент
Кальной И. И.,	доктор философских наук, профессор
Катунин Ю. А.,	доктор исторических наук, профессор
Коротченко Ю.М.	кандидат философских наук, доцент
Кузьмин П. В.,	доктор политических наук, профессор
Лазарев Ф. В.,	доктор философских наук, профессор
Николко В. Н.,	доктор философских наук, профессор
Рыскельдиева Л. Т.,	доктор философских наук, профессор
Сенюшкина Т. А.,	доктор гос. управления, профессор
Тимохин А. М.,	кандидат философских наук, доцент
Хриенко Т. В.,	доктор социологических наук, профессор
Чемшит А.А.,	доктор политических наук, профессор
Швецова А. В.,	доктор философских наук, профессор
Юрченко С. В.,	доктор политических наук, профессор

Выпуск печатается по решению Ученого совета философского факультета ТНУ им. В.И. Вернадского

© Таврический национальный университет, 2012 г.

Подписано в печать 0.0.2011. Формат 70x100 1/16
 11 усл. п. л., 12 уч.-изд. л. Тираж 150. Заказ № 175-о.
 Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія». Том 24 (65). №3.

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2012

Журнал заснований у 1918 р.

Раздел I

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРА, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ДУХОВНОСТЬ

УДК 316.32:316.34

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОПЫТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ

Муза Д.Е.

В статье рассмотрена проблема дифференцированного мирового опыта гражданской самоорганизации. Показано, что главные соперники Запада – Китай, исламский мир и Россия, имеют достаточный социокультурный ресурс для самостоятельного гражданского строительства.

Ключевые слова: гражданское общество, самоорганизация, социокультурный опыт не-западных цивилизаций.

В своей программной работе, посвященной истории и перспективам гражданского общества, американские авторы Джин Л. Коэн и Э. Арато подчеркнули заветную мысль подавляющего числа западных интеллектуалов и политиков: в отличие от государств советского типа западные либеральные демократии при всем своем несовершенстве являются гражданскими обществами как таковыми [1, с. 580]. Вместе с тем, искус экстраполировать этот тезис на постсовременность, и подчеркнуть отсутствие «имманентного критицизма» в незападных обществах – на фоне сверхэффективности западных либеральных демократий – велик и неизбытен.

К примеру, американский прогностик Дж. Фридман, как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе мировой динамики, склонен видеть в Китае очень слабые ростки гражданской самоорганизации, которые постепенно сведут на нет «китайское экономическое чудо». В частности, он утверждает: «азиатская система семейных и социальных уз», плюс «коммунистическая система политических взаимоотношений» блокируют нормальное кредитование (сумма невозвращенных кредитов составляет 600 -

900 млрд долларов), а значит ставят под сомнение саму систему кредитования Китая [2, с. 127]. Шаблонность подобных представлений, думается, не требует особых комментариев.

Внимание привлекает другое. Большой интерес к проблемам гражданского общества в Украине и на постсоветском пространстве, и, в частности, на Украине вызван объективными причинами – поиском нового общественно-нормативного идеала. В этом направлении работают такие авторы, как А. Горбань, А. Ермоленко, И. Кальной, А. Карась, Е. Карпенко, М. Култаева, С. Пролеев, В. Степаненко и др. При этом, главной трудностью, с которой сталкиваются исследователи феномена современного гражданского общества, является отсутствие единой метатеории, которая бы снимала ограниченность структурно-функционального, феноменологического, коммуникативного и иных подходов, а также теории действия, социальной этики и аксиологии. Эта трудность не маскирует, а засвечивает проблемы релевантности заемных конструктов – нынешним украинским реалиям.

Попробуем убедиться в том, что отечественный дискурс о гражданском обществе страдает легко узнаваемой несамостоятельностью концептуальных положений, некритической (без надлежащей фильтрации) рецепции и экстраполяцией их в социальные ткани и сам дискурс. Для примера укажу на работу Я. Пасько, где заявлено буквально следующее: «в украинской философской рефлексии почти не исследован европейский контекст (Старого и Нового света) сосуществования разных моделей социального и социально-правового государства с институтом гражданского общества, на основе которого развивалась и развивается украинская гражданская и социальная история» [3, с. 11]. Конечно, вопрос о «неисследованном европейском контексте» можно ставить и так, но разве самоорганизация в Запорожской Сечи, украинских колхозах и на «Майдане» может быть охвачена деонтологическим либерализмом и коммунитаризмом, происхождение

которых имеет принципиально иную социокультурную основу, а предмет находится в США и Великобритании?

Поэтому, в рамках статьи (цель) я планирую обрисовать возможные варианты самоорганизации в не-западных обществах, и указать на отсутствие той парадигматичности, которая приписывается моделям западного гражданского общества.

При анализе состояния заявленной проблемы внимание привлекает такая сторона современных дискуссий, которая посвящена возможности гражданского общества за пределами западной цивилизации, причем, без её оплодотворяющего и «позитивного» воздействия. Во многом благодаря усилиям Ф. Закарии, эта дискуссия началась на самом Западе. Речь идет о его книге «Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за её пределами» (2003). В ней автор привлек внимание к самой констелляции либерализма и демократии в Америке, которая, прежде всего, «замешана» на свободе, а гражданское общество – суть та форма, которая обеспечила «поступательный прогресс свободы» [4, с. 11 - 14]. К сегодняшнему дню, во многом избыточной! Причем, существует и достаточно нестандартное объяснение таковой. Я имею в виду аргумент Дж. Голдберга о современном либеральном фашизме, процветающем именно в США, и имеющем свои истоки в социальных проектах В. Вильсона и Ф. Рузвельта, а развернувшегося в полную мощь при Б. Обаме и Х. Клинтон. Помимо «либеральной унификации» и культа «прогресса» во имя «разнообразия» и «освобождения», современная «бессознательная цивилизация», сформированная Америкой, тяготеет к «потребительскому христианству» [5, с. 316, 327, 331 - 373]. Каковы его перспективы догадаться нетрудно (о чем писал ещё Ж. Бодрийяр в своих путевых заметках «Америка»), как нетрудно предвидеть реализацию (на государственном уровне) идеи однополых браков, озвученную президентом Б. Обамой 10. 05. 2012 года.

Однако существует и более системный взгляд на происходящее, принадлежащий лингвисту, политическому мыслителю и общественному

деятелю Н. Хомски. Выступая в роли неутомимого критика внутренней и внешней политики своей родины – США, он подчеркивает их крайне парадоксальную природу: «нарастающий в Соединенных Штатах дефицит демократии сопровождается провозглашением мессианских задач по принесению демократии страдающему миру» [6, с. 389]. Конечно, речь идет о сдвигах во внутренней и внешней политике после 11 сентября 2001 года.

Вернемся к Ф. Закарии и его работе. С другой стороны, он показал, что в принципе в мире возможны нелиберальные демократии – в большинстве посткоммунистических государств (включая Россию), Индии, Китае, Латинской Америке, частично, в исламском мире. Причем, число таких демократий, с различными принципами и механизмами самоорганизации с 1990 года, как правило, увеличилось с 22 до 50 % [4, с. 99]. Если это так, то обычных средств анализа тут недостаточно, напротив, нужны более адекватные средства фиксации опытов не-либеральных демократий и коррелирующихся с ними способов гражданской самоорганизации.

Следует заметить, что осмысление данной проблемы нужно вести с позиции цивилизационной теории, которая прямо указывает на возможность альтернативного социального конституирования, корнями уходящего в социокультурный код той или иной цивилизации. Например, иницирующей самоорганизацию не индивидов, но этнических, религиозно-культурных и иных социальных групп. Напротив, американская модель, выдаваемая за универсальный стандарт, может быть рассмотрена как исключительная. Вспомним хотя бы, факт колонизации Северной Америки европейцами и героическое (370 - летнее) противостояние туземного населения, имевшее собственный опыт построения жизненного процесса, интересы которого так и не были представлены в различных демократических процедурах.

Горькая ирония истории здесь, по видимому, состоит в том, что страна, олицетворяющая свободу, сама нуждается в серьезной коррекции со стороны демократических институтов (в этом отношении весьма показательна обложка книги А.А. Зиновьева «Запад», на которой дан вполне

натуралистический шарж на эту тему). При том, что глобализация имеет явно американское лицо (!).

В связи с этим думается, что противоречивый опыт западной цивилизации может быть возведен к точке бифуркации – 1968 году, или поиску реальных гражданских альтернатив капиталистическому (рыночному) тоталитаризму, помноженному на технологический тоталитаризм. Дело не только в идеях Франкфуртской школы, воплощенных в вопросе: в чем заключаются исторические цели общества, которое было создано в ходе реализации проекта модерна? Оно также и в том, что молодежные движения явились тем субъектом, который искал ответ на данный вопрос на Востоке, в т.ч. в социальном опыте таких государств как СССР и Китай, не говоря уже о восточных религиозно-культурных традициях, но в меньшей степени, в собственном социокультурном коде. Ответ, как известно, был дан, но и то эскизно и второпях.

Рефлексия над теми событиями говорит о следующем: в цивилизационных основаниях истории хранятся разнообразные альтернативы, способные заблокировать не только консюмеризм и гедонизм, но и предложить стратегии, не связанные с самовыврождением общества и «самоампутацией человека» (М. Маклюэн). Как указывает немецкий мыслитель Г. Рормозер, «мы осуждены на консерватизм, у нас нет иного пути, чтобы преодолеть экологический кризис, стабилизировать по возможности демократию, сохранить социальный этос, сохранить культурные основы взаимопонимания и поддержание консенсуса в обществе» [7, с. 179]. Таких интеллектуально и морально взвешенных призывов можно найти немало в странах нелиберальной демократии (вспомним хотя бы работу покойного А.С. Панарина «Искушение глобализмом»).

Тем не менее, не-западные общества во многом представляют собой «травмированные» западными социальными технологиями площадки. Данные рассуждения опираются также на аргумент С. Коэна, а именно, о

транзите американской «лже-идеи» – о возможности перехода России и других постсоветских республик – на рельсы капитализма и демократии американского образца [8]. При этом, как показал в своё время А.П. Паршев [9], особые экономико-географические условия России сформировали неповторимый (мобилизационный) опыт самоорганизации, который не может быть произвольно отброшен или трансформирован в капиталистическую матрицу с её законами.

Здесь хотелось бы сделать некоторое методологическое отступление. Несмотря на бытующее мнение о том, что почти все не-западные цивилизации пошли по пути догоняющего развития (хотя и не все в равной степени здесь преуспели), сегодня большинство из них пытается выстроить баланс между западными технологиями, рынком и демократией, – с одной стороны, и автохтонными институтами, традициями и психологией, – с другой.

Для нашей темы наиболее важен опыт Китая и исламской цивилизации, против которых Запад, если прислушаться к А.А. Зиновьеву [10], ведет «горячую войну», перед тем одолев в «холодной» СССР.

Итак, если оконтурить состояние социальной системы китайской (конфуцианской) цивилизации, то здесь нужно выделить тот факт, что при сохранении родимых пятен социализма, ограниченной государственным регулированием сферы рыночного хозяйства, довольно последовательно реализуется позиция по воспроизводству традиционных цивилизационных институтов и образа жизни через исходный цивилизационный текст – китайское пятикнижье, трактаты Конфуция, Лао-Цзы. Востребованная из цивилизационного текста (теперь уже легендарным лидером – Дэн Сяопином), идея «общества сяокан» (=«уютного для жизни» и «упорядоченного» общества) строиться на превосходстве государства; опирается на ценности мира, порядка и традиции; через ритуал культивирует принципы иерархии, актуальности прошлого и этического центрирования жизненного процесса.

Однако при созидании «общества сяокан» особым образом был интерпретирован коммунистический идеал, допускающий (согласно Конституции КНР от 2004 года) от имени КПК представительство интересов народа, объективных потребностей развития производительных сил и передовой китайской культуры [11, с. 591]. При этом способы социальной самоорганизации тут по-прежнему определяются традиционными мировоззренческими и нормативными аспектами. Так, американский политолог Дж. Киндж, достаточно критично относящийся к нынешнему «китайскому экономическому чуду», одним штрихом обозначает нормативно-институциональную сторону жизни Китая, а именно, в его жизни имеют место «взаимные сочетания» Инь и Ян, распространяющиеся, как минимум, на бизнес и политику [12, с. 295]. Между тем, доказательством наличия такого опыта является визит лидеров ЕС в 13-14 февраля 2012 года в Поднебесную за стабилизационным кредитом!

Жизнь исламской цивилизации также отличается умеренным отношением к методам и ценностям модернизации, поскольку в исламских обществах по-прежнему работает принцип всеобщности и нераздельности религии и общественного бытия. Отсюда вытекают следствия практического характера, касающиеся всей цивилизационной системы: науки, искусства, школы, семьи, а также политики, экономики и образа жизни. Разумеется, от страны к стране их содержание варьируется (этому в немалой степени способствуют четыре толка суннитской версии ислама, различающиеся по степени «внутреннего» либерализма – ханафизм (Турция, Центральная Азия, Россия, Украина), шафиизм (Юго-Восточная Азия), маликизм (Северная Африка) и ханбализм (Саудовская Аравия), как и идея иранской революции, распространившаяся в виде политического ислама в Умме). И воздействие прагматизма пришедшего с Запада рынка (напр., как в ОАЭ), или специфической формы демократии (напр., как в Турции), не отменяет, а напротив, усиливает эффекты собственных традиций.

В такой ситуации, А.В. Малашенко находит, что оба обозначившихся в исламском мире подхода к демократии (созвучный идеологии и философии Запада и традиционно исламский), являются одновременно продуктивными и контрпродуктивными, поскольку «каждый по отдельности не дает ответа на вопрос о синтезе демократии и исламской традиции» [13, с. 149]. Но этот синтез, по мнению А.Д. Воскресенского, должен вообще учитывать племенной и клановый факторы, которые имеют огромное влияние в Афганистане, Северном Йемене и Центральной Азии [14, с. 58 - 60]. При этом, для уяснения состояния обсуждаемой проблемы наиболее интересной представляется как наследие М. Хатами [15], так и его фундаментальная идея межцивилизационного диалога. Идея, нужно заметить хотя и институционализированная ООН в виде программы «Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями» (2001), но выражающая способность и готовность Востока к построению отношений глобальной справедливости и участия. К ним, между тем, оказывается неготовым именно Запад, породивший феномен «твиттерных» революций на Ближнем Востоке и Северной Африке, вообще, реализующих проект «глобальной демократической революции». Но сам этот проект, опирается на исламских радикалов [16, с. 96 - 105], а не на все социальные слои торпедируемых стран.

И, наконец, несколько слов о России и постсоветских государствах, где также мучительно идет поиск модели самоорганизации (вспомнить хотя бы «Право и правда» Н. Михалкова). Но я хочу обратить внимание на позицию «позднего» А.А. Зиновьева, который разработал идеологию «Партии будущего». Последняя не есть представительский орган левой части российского общества; она, как это не парадоксально, выразитель исконных чаяний всего человечества, несогласного с предложенной Западом общественно-исторической формацией и маршрутом. Поэтому он бросает: «у неё (Партии – Д.М.) более значительная цель эпохального масштаба, а

именно – положить начало борьбе человечества за социальный идеал, альтернативный западнизму» [17, с. 237].

Подобная ригидность, тем не менее, имела собственное объяснение. Речь идет о зинovieвской интуиции о двух различных способах организации жизни, в основе которых лежат два социально-онтологических момента: коммунальный и деловой. Но если в клеточке коммунистического общества все пронизано и опутано отношениями коммунальности, то в деловой клеточке Запада можно наблюдать предельное ослабление, а то и исключение коммунальности из жизненного процесса. И наоборот, если деловая клеточка западнизма пропитана правилами наилучшего исполнения деловых функций, то в деловой клеточке коммунизма данные функции ослаблены вплоть до их трансформации в чистую формальность.

Парадокс тут, очевидно, состоит в том, что соотношение клеточек, обеспечивающих общество пищей, одеждой, жильем, средствами коммуникации и иными средствами удовлетворения потребностей, и клеточек, обеспечивающих целостность и охрану общественного организма, общественный порядок, выработку и соблюдение правил поведения людей и их объединений друг с другом, выглядит как соотношение законов делового и коммунального планов социального бытия. Тем не менее, в глобальном историко-эволюционном аспекте они некомплиментарны, коль скоро Запад отрицает возможность самостоятельной самоорганизации за его пределами (!).

Конечно, можно и дальше не воспринимать приведенных выше аргументов, можно по-прежнему смотреть на мир сквозь монокуляр глобализации по-американски и утверждать парадигматичность рынка, рациональности и дискретности, но вопрос о цефализации социальных процессов – объективен, и не подлежит произвольной перелицовке в духе неолиберальной догматики.

1. Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория / Д.Л. Коэн, Э. Арато. – М.: Изд-во «Весь мир», 2003. – 784 с.
2. Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века / Дж. Фридман. – М.: Эксмо, 2010. – 336 с.
3. Пасько Я.І. Соціальна держава і громадянське суспільство: співпраця versus протистояння. Монографія / І.Я. Пасько. – К. ПАРАПАН, 2008. – 272 с.
4. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. – М.: Ладомир, 2004. – 383 с.
5. Голдберг Д. Либеральный фашизм / Д. Голдберг. – М.: Рид Групп, 2012. – 512 с. (Серия «Политическое животное»).
6. Хомски Н. Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию / Н. Хомски; пер с англ. В. Панова. – М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. – 480 с. – (Точка зрения).
7. Рормозер Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер. – М.: ИФ РАН, 1996. – 292 с.
8. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России / С. Коэн. – М.: АИРО-XX, 2001. – 304 с.
9. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь / А.П. Паршев. – М.: Крымский мост-9д; Форум, 2001. – 412 с.
10. Зиновьев А.А. Русская трагедия. Гибель утопии / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, 2002. – 480 с.
11. Гудошников Л.М. Эволюция политических институтов Китая во второй половине XX и начале XXI вв. / Л.М. Гудошников // Политические системы и политические культуры Востока / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – С. 577 – 611.
12. Киндж Дж. Китай, который потряс мир / Дж. Киндж. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 380, [4] с.
13. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламский проект / А.В. Малашенко. – М.: Изд-во «Весь мир», 2006. – 221 с.
14. Воскресенский А.Д. Политические системы и модели демократии на Востоке: Учеб. пособие / А.Д. Воскресенский. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 190 с.
15. Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество / М. Хатами. – М.: РОССПЭН, 2001. – 242 с.
16. Политическое цунами. Аналитика событий в Северной Африке и на Ближнем Востоке / С. Кургиян, Я. Бялый, А. Кудинова и др. – МОФ ЭТЦ, 2011. – 288 с.
17. Зиновьев А.А. Идеология партии будущего / А.А. Зиновьев. – М.: Алгоритм, 2003. – 240 с.

Muza D.E. The globalization and experience of differentiation of civil.

In the article is considered the problem of the differentiated world experience of civil self-organization. It is shown that main rivals of the West are China, islam world and Russia, have a sufficient sociocultural resource for independent civil building.

Keywords: civil society, self-organization, sociocultural experience of not-western civilizations.

Муза Д.Є. Глобалізація та досвід диференціації громадянської самоорганізації.

У статті розглянуто проблему диференційованого світового досвіду громадянської самоорганізації. Показано, що головні суперники Заходу – Китай, ісламський світ та Росія, мають достатній соціокультурний ресурс щодо самостійного громадянського будівництва.

Ключові слова: громадянське суспільство, самоорганізація, соціокультурний досвід не-західних цивілізацій.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Юрченко С.В.

В статье дан анализ противоречия феномена глобализации и предложена авторская концепция перспективы мировой политики и международных отношений.

Ключевые слова: глобализация, мировая политика, международные отношения, мировой порядок.

Особенностью современной международной системы является константа флюидности - стабильность с распадом биполярной системы заменяется масштабными и бесконечными изменениями. «Мы вступили в период великих потрясений, и непонятно, как долго он продлится, - подчеркивает американский политолог Т. Грэм. - Хотя биполярная система закончилась вместе с холодной войной почти два десятилетия назад, борьба вокруг формирования новой мировой системы только началась» [1, с.49].

Определяющей тенденцией современного мира стала глобализация. Этот процесс, полагает известный немецкий исследователь К.Кайзер, «де-факто стал необратимым мегатрендом, определяющим все остальные тенденции» [2, с.9]. Настоящим певцом глобализации выступил американский автор Т.Фридман, который видит в ней доминирующую характеристику XXI века, в соответствии с которой расширяются мировые рынки; для государств устанавливаются единые правила игры; формируется мировая «электронная» экономика. По его мнению, «глобализация – это не просто сила, которая оказывает влияние на события в современном мире, но и, в известной степени, путеводная звезда и всемирная направляющая сила» [3, р.XVIII]. Эта сила и определила актуализацию проблем соотношения глобализации и процессов модернизации и вестернизации в 1990-е годы. Однако, этот период не стал временем постепенной модернизации и растущей интеграции, когда все пользуются одинаковыми преимуществами.

Напротив, мир был поставлен перед альтернативой: конфликт либо ассимиляция.

Противоречия глобальных процессов вызвали и пессимистические подходы, позиционируемые в рамках «антиглобалистского направления исследований» [4, с.32-34]. «Глобализация – это самый амбициозный проект западной цивилизации, это объективная неизбежность и... абсолютная невозможность», - отмечает президент Фонда поддержки законодательных инициатив Г.Томчин (Россия) [5, с.68]. Стремление к переосмыслению феномена глобализации в первое десятилетие XXI века нашло отражение в мыслях американского исследователя И.Валлерстайна: широко распространенное мнение о том, что глобализация меняет все и вся оказалось «гигантской ошибкой при осмыслении реальности – обман, спровоцированный на нас мощными своекорыстными группами – и, что еще хуже, этот дискурс оказался самообманом, поскольку он игнорирует реальность и ложно трактует исторический кризис, в центре которого мы оказались» [6, р.45]. Директор ИМЭМО НАН Украины Ю.Пахомов заключает, что «глобализация во многих своих аспектах – явление объективное, продукт глобальной информатизации и изменения роли финансов», однако она «не только объективна, но и «субъективна», поскольку «в глобализации, наряду с объективной заданностью в виде мощнейшей составляющей, наличествует и западный проект. Дело в том, что Запад, особенно в лице доминирующих в мире Соединенных Штатов, способен не только пользоваться дарами глобализации, но и умело оседлать глобализационные волны, что дает наибольший доход» и приумножает коллизии мира [7, с.4-5].

Глобальные процессы вызвали и изменения мировосприятия у миллионов людей, как правило, в тех странах и регионах, которые по разным причинам не воспользовались благами глобализации.

Фундаментальным фактором, меняющим мир, выступает наступление новой эры, о которой американский исследователь Ч.Капхен писал: «В

настоящее время на пороге новая эпоха – цифровая эра... Индустриальное общество разрушается все очевиднее по мере того, как происходит внедрение цифровых технологий... «Рассвет» эры цифровых технологий и закат индустриальной эпохи оказывают значительное воздействие на основные политические и социальные институты, явившиеся плодом индустриализации. Закат индустриальной эпохи и переход к цифровой экономике способны серьезно пошатнуть основы демократической государственности», ибо «переход от эпохи к эпохе, как правило, сопровождается «смутными временами», из чего следует, что завершение нынешнего исторического цикла ознаменуется не столько демократическим миром и глобальным консенсусом, сколько грандиозными переменами в политической и геополитической жизни», и эта турбулентность будет сопровождать возврат к мультиполярному миру и обеспечивать растущее напряжение между лидерами и аутсайдерами цифровой технологической гонки [8, с.526].

На протяжении последнего столетия были зафиксированы футуристические порывы к новому мировому порядку: их диапазон - от идеи и практики перманентной коммунистической революции, реализовавшей себя в конце концов в аморфном организме «мировой социалистической системы», до не слишком внятных, но достаточно мрачных планов установления на планете нацистского *Ordnung'a*» [9].

В настоящее время идеи глобального управления структурируются в рамках нескольких основных подходов: управление мира единственной сверхдержавой; международной организацией; мировым правительством; совокупностью усилий государств, межгосударственных образований и негосударственных акторов. Поэтому в настоящее время существует несколько моделей организации глобального управления, которое, при наличии различных механизмов и уровней коррелируют с геополитической структурой мира, представленной несколькими моделями.

Специфику американского миропорядка историки Ч.Мейер и Г.Людстад акцентировали в категориях «консенсуальной империи» и «империи приглашения». О «либеральной гегемонии» говорит Дж.Айкенберри подчеркивая, что США «формируют миропорядок и главенствуют в нем, гарантируя определенные преимущества другим странам в обмен на их молчаливое согласие. В отличие от имперского, этот американский мировой порядок определяется договорами, регламентирующими правила игры между лидером и всеми остальными [10]. Страны тесно связаны экономически. Вместе они формируют политический порядок, который держится на взаимовыгодных торговых отношениях, теснейшем взаимодействии, целом ряде межправительственных институтов и специальных рабочих связях. Это не империя, это Новый миропорядок при лидерстве США, который не имеет названия и исторических аналогов».

Большинство исследователей солидарны и в том, что *Rex Americana* – «мир по-американски» - во временном отношении будет менее продолжительным, чем кое-кому представлялось. Еще в 1994 г. Г.Киссинджер отметил, что в XXI веке «Америка останется великой и могущественной страной, но нацией, с которой уже будет кому равняться; *«первой среди равных»*, но тем не менее одной из ряда подобных» [11, с.737].

«Сегодняшние империи - особенно если они не признают себя таковыми - непрочны, но по особым причинам, отличающим нашу эпоху от предыдущих, - подчеркивает гарвардский профессор Н.Фергюсон. - В случае с американской империей ее эфемерность связана в первую очередь не с враждебностью покоренных народов или угрозой со стороны держав-конкурентов..., а с внутривнутриполитическими ограничениями. Эти ограничения проявляются в трех главных формах. Первую можно назвать «дефицитом войск»... Вторым сдерживающим фактором для американской «неофициальной» империи служит бюджетный дефицит США... Наконец, и это, пожалуй, самое важное, американское общество воспринимает имперскую политику без энтузиазма... [12]

Исследователь Ч.Джонсон опасается, что США превратились в «военную машину, стремящуюся к мировому господству», и их имперско-милитаристские амбиции приведут к вырождению демократии, спровоцируют противодействие и, в конце концов, увенчаются банкротством и развалом Америки, подобным коллапсу Советского Союза. М. Мэнн предостерегает от опасной империалистической тенденции во внешней политике США, согласно которой одностороннее применение Америкой военной силы способствует господству США и наведению порядка на мировой арене, но милитаризация политики приводит к формированию «рыхлой империи», которая дискредитирует страну как мирового лидера.

Запад в течение пяти веков развивался по восходящей. Начиная с эпохи великих географических открытий, он завоевывал все новые и новые высоты. Сейчас перед ним встала другая проблема – как отступить, чтобы сохранить главное. Этой традиции нет на Западе, но ее нет и в американской культуре» [13, с.12].

Еще одна модель глобального управления связана с формированием мира, в котором роль арбитра выполняет всемирная организация, в качестве которой может выступить реформированная ООН. Рассуждая о возможностях формирования мирового правительства, И.Бестужев-Лада отмечает: «...Если мировое правительство станет ширмой-марионеткой вашингтонских бюрократов, то не стоит и огород городить. Но нет ли и здесь реальной альтернативы такой перспективе? На наш взгляд, такая альтернатива имеется и сводится к развитию структур ООН таким образом, чтобы повысить эффективность этой организации без превращения её в орудие американского диктата» [14]. Однако, отмечает В.Иноземцев, «история показывает, что, теряя способность ограничивать действия своих наиболее могущественных членов, международная организация теряет и смысл своего существования. С ООН это уже произошло, и она вступила в период медленного умирания, которое к 2020 году может завершиться и формальным роспуском» [15, с.34]. Поэтому, в реалиях современного мира,

при ослаблении роли ООН в решении многих международных проблем практическая реализация этой модели представляется достаточно проблематичной. Здесь, однако, следует упомянуть о резерве и вариантах развития ситуации, отмеченных американским футурологом Э.Тоффлером: «Чем менее отзывчивыми становятся правительства и межправительственные структуры к нуждам транснациональных фирм, тем больше вероятности, что последние отвернутся от правительств и потребуют прямого участия в глобальных институтах [16, с.565].

Новую парадигму глобального управления предложили российские исследователи В.Иноземцев и С.Караганов: «Суть ее состоит в следующем: передовые и наиболее мощные нации должны навязать неблагоприятным государствам элементарный порядок...» [17, с.20]. Это «коллективное управление, осуществляемое группой ведущих демократических государств», которую составят США, ЕС, Япония и Россия и, может быть, Китай и Индия, будет иметь основной задачей «цивилизовать «периферийные» территории, помочь их народам достигнуть уровня развития, позволяющего им реализоваться в качестве полноправных суверенных государств. Лишь для некоторых падающих и несостоявшихся государств придется восстановить статус подмандатных территорий с внешним управлением, используя для этого нормы, подобные тем, что были прописаны в Уставе ООН. Поэтому «мировой порядок XXI века не будет походить на прежний, столь привычный для политиков прошлого столетия. Основное его отличие станет заключаться в том, что незыблемый на протяжении последних трехсот лет принцип баланса сил утратит свое былое значение. Снижение вероятности конфликта между великими державами и сближение их позиций по большинству спорных международных проблем приведут к формированию альянса развитых стран, мощь которого не может быть уравновешена никаким объединением сил «периферийных» государств» [17, с.25].

В качестве еще одной модели мироустройства выступает многополярный мир, в котором ряд государств - США, Япония, Китай, Россия, Германия, Индия, Бразилия - будут иметь свои сферы влияния. «Глобальный мир, - подчеркивает В.Кувалдин, - строится на базе крупных политико-экономических блоков, макрорегионов, объединяющих группы государств. Даже самые большие и влиятельные страны участвуют в создании разного рода интеграционных группировок, стремясь усилить свои позиции в мире глобальной конкуренции» [18, с.31]. При этом, по всей видимости, будет вестись поиск альтернативы концепциям, постулирующим императив интеграционных процессов государств с одинаковым уровнем экономического развития, что даст перспективы значительного расширения масштабов интеграции и ее перевода на континентальный и трансконтинентальный уровень. В характеристике этой модели мироустройства выделяются: географическая близость стран, формирующих окружение соответствующего регионального лидера; осуществление скоординированной военной и экономической политики; замкнутость на решение внутрорегиональных проблем и относительно инертная реакция на большинство вопросов международной жизни [19, с.208].

Ещё одна модель геополитического устройства мира представлена «цивилизациями» американского исследователя С.Хантингтона, полагающего, что структурируемые на основе общности культуры, религии и языка, в мире будут взаимодействовать западная, синская, японская, индуистская, исламская, православная, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. «В возникающем мире, - отмечает он, - отношения между странами и группами из различных цивилизаций не будут тесными и зачастую будут антагонистическими» [20, с.281]. «Сценарий «столкновения цивилизаций» маловероятен, - полагает, в свою очередь, К.Кайзер, - но ограниченный конфликт между радикальным исламом и Западом начался, и, по всей вероятности, он будет только нарастать» [2, с.13].

Специалистами рассматривается и модель нового биполярного противостояния. Оригинальный подход к проблеме формирования биполярности продемонстрировал А.Панарин, подчеркивавший, что «принципиальная неадекватность стратегического анализа, ныне преобладающего в среде профессиональных экспертов и разработчиков доктрин, состоит в пренебрежении гуманитарным измерением и духовно-гуманитарной подоплекой современных эпохальных сдвигов. Эксперты..., говоря о раскладе мировых сил, остаются в плену техно- и экономикоцентризма... Все это, собственно, и означает позитивистскую деформацию мышления, разучившегося принимать во внимание собственно гуманитарные ценности и духовные факторы» [21, с.230]. В его понимании, США, «победившая в холодной войне сверхдержава, не довольствуясь этой победой, продолжает свое наступление на все независимые государства во имя осуществления гегемонистской программы полного контроля над миром». «Война, которую уже фактически начала сверхдержава, - это мировая гражданская война, разделяющая экспроприруемых и экспроприаторов», которая выдается за «борьбу мировой цивилизации с мировым варварством», скрытый смысл которой заключается в войне «преуспевших против непреуспевших, требования которых преуспевшим сильно наскучили» [21, с.50, 234]. «Ставкой новейшего мирового противоборства является вся планета как среда жизни и кладовая ресурсов. Поэтому и стратегический ответ на вызов глобального агрессора должен предусматривать глобальную солидарность потерпевших» [21, с.62-63]. Таким образом, грядущая биполярность интерпретируется «не в геополитической, а в социальной и моральной логике. Действительным оппонентом гегемонистской сверхдержавы может выступить не новая сверхдержава-гегемон, соревнующаяся в физическом величии, а держава – социальный антипод, представляющая интересы униженных и оскорбленных» [21, с.374]. В практико-политическом плане «сверхдержава

обездоленных» может возникнуть либо в «форме нового красного интернационала или форме новой красной сверхдержавы».

Суммарные оценки будущего мировой политики и международных отношений также воспроизводят широкий диапазон мнений. Мэйнстрим здесь – прогнозирование мировой ситуации со значительной степенью турбулентности и неуправляемости, возникающими региональными конфликтами, но не приводящей к мировым катаклизмам. Однако существуют и пессимистические прогнозы. «В основных сценариях на 30-50 лет вперед,- подчеркивают исследователи, - нет сигналов о «конце света», но они характерны предсказанием масштабных конфликтов вплоть до мировых войн» [22, с.449]. При этом в качестве основных конфликтогенных факторов называют усиление соперничества за пространство и невозполнимые ресурсы; разрыв в уровнях экономического развития между богатыми и бедными обществами; естественный процесс упадка мировых лидеров, ведущий к дезорганизации мирового хозяйства и системы международных отношений; цивилизационные противоречия; международный терроризм и распространение ядерного оружия. И.Валлерстайн полагает, что «мы имеем дело еще не с полной анархией, но с массовым геополитическим беспорядком, который усугубляется пугающей неопределенностью состояния мировой экономики» [23, с.9].

«Смутное время» рубежа веков демонстрирует, таким образом, ряд достаточно четко выраженных процессов. Ожидания глобализации мира под эгидой США успехом не увенчались, возвратное движение маятника, в условиях дискредитации либерально-демократической доктрины, представляются логичными. Однополярный мир не состоялся, и в современной международной системе происходит становление новых глобальных центров силы и экономического роста. Все в большей мере актуализируется вопрос о необходимости встраивания интересов формирующихся центров силы – Китая, Индии, Бразилии – в структуру международных режимов и институтов. Эти процессы будут протекать в

ближайшие полтора-два десятка лет в мире, где будет сохраняться убывающее доминирование США. В условиях возрастающей турбулентности и снижения уровня управляемости международными процессами значительную стабилизирующую роль может сыграть неформальное коллективное лидерство ведущих государств мира, что будет, в определенной степени, компенсировать известное несовершенство созданных во второй половине XX века международных институтов. Развитие цифровых технологических процессов станет одним из факторов формирования более конкурентной среды, важнейшим признаком которой станет взаимодействие различных моделей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности.

Список литературы

1. Грэм Т. Диалектика силы и слабости// Россия в глобальной политике.- 2007.- Т.5.- № 3.- С.48-56.
2. Кайзер К. Взаимоотношения крупных держав в XXI веке//Россия в глобальной политике.- 2007.- Т.5, № 5.- С.8-21.
3. Friedman Th. The Lexus and the Olive Tree.- N.Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1999.- 394 p.
4. Бебик В.М. Сучасна глобалістика: провідні концепції і модерна практика: Навчальний посібник/В.М.Бебик, С.О.Шергін, Л.О.Дегтерьова.- К.: Університет «Україна», 2006.- 208 с.
5. Томчин Г. Почему Россия – не Китай//Стратегия России.- 2007.- № 5(41), май.- С.67-76.
6. Wallerstein I. The Decline of American Power. The U.S. in a Chaotic World.- N.Y.: The New Press, 2003.- 336 p.
7. Пахомов Ю. Геоэкономические и геополитические истоки глобального терроризма//Институційне облаштування глобальної економіки: цивілізаційний вимір: Матер. Міжвід. наук.-теорет. конф./Відп. ред. О.О.Шморган/К.: Інститут світової економіки і міжнародних відносин НАН України, 2007.- С.3-8.
8. Капхен Ч. Закат Америки: Уже скоро.- М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004.- 636 с.
9. Александр Неклеса. Логика глобальной трансформации.- <http://mcgpi.narod.ru/MCGPI10.htm>
10. Дж. Джон Икенберри. Химеры империи: что такое новый американский миропорядок.- <http://www.inosmi.ru/print/209587.html>
11. Киссинджер Г. Дипломатия.- Пер с англ.- М., Ладомир, 1997.- 848 с.
12. Найэлл Фергюсон. Империя: срок годности ограничен.- <http://www.inosmi.ru/print/230004.html>
13. Кувалдин В. Оценить негативный опыт//Стратегия России.- 2006.- № 8.- С.12-13.
14. Бестужев-Лада И.В. Глобальные проблемы современности и пути их решения <http://mcgpi.narod.ru/MCGPI38.htm>
15. Иноземцев В. What Will Be?//Введение в будущее: Мир в 2020 году/Научный редактор М.Б.Ходорковский.- М.: Алгоритм, 2006.- 384 с.
16. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Пер. с англ./ Э.Тоффлер.-М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.-669 с.
17. Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века//Россия в глобальной политике.- 2005. - Т.3. - № 1.- С.8-26.
18. Кувалдин В. В поисках сути российской внешней политики//Международная жизнь.- 2007.- № 6.-С.21-34.
19. Ивашов Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России.- М.: Изд-во Эксмо, 2002.- 416 с.
20. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/С.Хантингтон; Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.- 603 с.
21. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке.- М.: Алгоритм, 2003.- 560 с.
22. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века.- М.: Издатель Соловьев; Алгоритм, 2001.- 480 с.
23. Валлерстайн И. Куда идет наш мир? Многополярность и относительный закат американской мощи//Россия в глобальной политике.- 2008.- Т.6, № 5.- С.8-11.

Юрченко С.В. Суперечності глобалізації та погляд у перспективу.

В статті дається аналіз суперечностей феномену глобалізації й запропонована авторська концепція перспективи світової політики та міжнародних відносин.

Ключові слова: глобалізація, світова політика, міжнародні відносини, світовий порядок.

Yurchenko S.V. The contradictions of globalization and look in the future.

The article analyzes the phenomenon of globalization and the contradictions offered editorial concept perspective of world politics and international relations.

Keywords: globalization, world politics, international relations and world order.

ПОВОРОТ К ДОБРОДЕТЕЛЯМ: МИССИЯ ФИЛОСОФИИ В РАЗДЕЛЕННОМ МИРЕ

Чукин С.Г.

В статье рассматриваются практические и теоретические следствия того, что ценности стали реальным фактором социальной жизни. Автор критикует эмотивизм, утверждающий невозможность рационального обоснования ценностей, и противопоставляет ему концепт трансверсального разума.

Ключевые слова: философия; разум; ценности; добродетели; трансверсальность.

Когда из жизни людей исчезает сила объединения, а противоположности утрачивают свои жизненные связи и взаимодействия, приобретая статус самостоятельности, возникает потребность в философии.

Гегель

Однажды появившись, философия закрепила в интеллектуальном пространстве человеческого бытия, заняв в нем свою нишу, параметры которой периодически меняются. Сам факт её устойчивого существования на протяжении столь длительного отрезка духовной истории служит основанием для утверждения о том, что она выполняет важную роль в жизни отдельного человека и людских сообществ. Эту роль определил Гегель в словах, взятых в качестве эпиграфа к статье: быть последним интегрирующим центром мысли, отыскивать и показывать возможность единства там, где другие инстанции видят лишь противоположности.

Задача философии изначально виделась не в том, чтобы вырабатывать положительные знания о мире: эту потребность на то время вполне удовлетворяли обыденный рассудок и зарождающаяся наука. Равно как и

цельность картины мира обеспечивали миф и религия. Проблема, которую не могли решить названные познавательные практики, возникла вследствие фрагментации социального и культурного пространства. В отличие от природы, где все происходит строго определенным образом, подчиняясь закону, у людей дела могут обстоять так, а могут – и иначе, руководствуясь специфическим представлением о благе: «Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок и сознательный выбор, ... стремятся к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремится» [1]. Поскольку представления людей о благе разнятся, то социальный мир оказывается плюральным, а значит - потенциально конфликтным.

Греки не опасались конфликтов, считая их нормальным явлением, и изобрели трагедию - замечательный художественный жанр, в котором столкновение противоположных персон и образов жизни, завершается катарсисом. Они же, в лице Сократа, создали философию как интеллектуальную практику, способную трансформировать противоположные позиции в общее определение блага. Разбирая имеющиеся в его распоряжении ресурсы, которые можно было задействовать для концептуализации и обустройства общественной жизни, Аристотель остановился на трех возможностях: научная рациональность (*episteme*), рассудительность (*phronesis*) и философский разум (*sophos*). Наука в таких случаях случае мало что может, поскольку «видит» вещи строго определенным образом и предлагает только одно, единственно верное с её позиций решение. Фронезис связан с человеческими делами и с тем, о чем можно принимать решение: «Рассудительным кажется тот, кто способен принимать верные решения в связи с благом и пользой для него самого, однако не в частностях – например, что полезно для здоровья, крепости тела, - но в целом: какие вещи являются благами для хорошей жизни» [2]. Таким образом, фронезис представляет собой практическую рациональность, ситуационное мышление и действие, позволяющее найти истину для «здесь и

сейчас». Если наука обобщает, то фроне́зис – индивидуализирует ситуацию, «... начальствует как творческая способность и отдает приказания для частных случаев» [3]. Действующий человек решает практический силлогизм, где в качестве большей посылки выступает знание о том, что нечто является благом, в качестве меньше – желание обладать этим благом, а заключением становится действие. Благом является не всякая цель, а только добродетельная.

У древнегреческого мыслителя встречается выражение «око души», под которым он понимает обобщенный орган, помогающему человеку не сбиться с пути добродетели. Этот образ, скорее всего, заимствован у Платона. В «Государстве», рассуждая о благе и его роли в познании и делах человека, философ сравнивает его с Солнцем. Только в свете Солнца мы видим предметы в их истинном бытии. Если же наступают сумерки или ночь, то острота зрения уменьшается и предметы предстают в искаженном виде. Так бывает и с душой: «всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, что показывает её разумность. Когда же она уклоняется в область смещения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их так и этак, и кажется, что она лишилась ума» [4].

И здесь мы подходим к ключевому для Аристотеля и античной мысли в целом пониманию предназначения философии: она должна вырабатывать общую концепцию блага, позволяющую соединять разрозненные и фрагментированные действия отдельных субъектов социальной жизни в цельную и гармоничную картину общества. Цементирующими элементами античного полиса были добродетели – положительные нравственные качества отдельного человека, проявляющиеся через его социальные роли и обеспечивающие успешную интеграцию индивида в общую среду.

Для античной и средневековой философии не существовало проблемы, которую породила и безуспешно пыталась решать философия Просвещения, а именно: разделения сущего и должного, аналитического и нормативного

дискурсов. Философы традиции были убеждены, что жизнь пропитана нормативностью, в ней онтологическое и феноменальное представлено в неразрывном единстве вещи, которая есть не «чтойность», а «этость». Для традиции характерно отношение к жизни как ситуации, в которой присутствует неразделенность глубины и поверхности, понять её можно только в контексте, в истории, через описание и анализ жизни сообщества, распределения ролей и приоритетов. Философская мудрость в традиционном её видении проявляется в способности к анализу, то есть к прояснению того что есть, но нагляднее всего – в способности создавать концепты [5]. Наука и рассудок разрывают ткань общей жизни на куски, уровни, срезы, выделяют и разделяют предельные (метафизические) и повседневные вопросы. Отказ науки видеть «глубину» вполне естественен, однако из этого вовсе не следует, что глубины нет, и что она не составляет содержания жизни. Философия и выступает в качестве инстанции, способной понять жизнь в её неразделенности, целостности, «этости». В её распоряжении есть своего рода «клей», позволяющий соединять разнородное, состыковать края, выравнивать поверхности. Этим «клеем» является знание общего блага. Философия способна его увидеть или создать, артикулировать и обосновать. Содержание этого блага носит ситуационные характеристики, оно может меняться, однако важно не столько его содержание, сколько факт существования в качестве общего блага. Общее благо – это, разумеется, не то, что для всех хорошо. Такое невозможно. С точки зрения философии, оно представляет собой конституирующую ситуацию идею или ценность, принятие которой одинаково необходимо и важно и для индивида и для социального целого. Из этого вытекает понимание философии как «эпохи, схваченной в мысли».

Эта способность – «схватывать» ситуацию как единство должного и сущего – задействуется философией тогда, когда это единство является фактом самой жизни, когда ценности признаются важным компонентом того состава, который скрепляет общество. Когда нет принципиальных

разногласий по поводу того, что есть «хорошо», а что – «плохо», какое поведение одобряется, а какое – осуждается. Это имеет место в небольших и гомогенных в культурном отношении социальных образованиях. По мере расширения социального пространства и углубления социальной и культурной дифференциации, происходит ослабление связей между частями целого, утрачивается чувство единства, сопричастности общему проекту. Создается впечатление, что общее исчезло, и вместо него появилось множество разнородных и не связанных друг с другом компонентов. М. Вебер назвал этот процесс ценностной рационализацией и пришел к выводу, что его результатом стало повторное «заколдовывание» действительности, которая, казалось, была «расколдована» в ходе модернизации. Собственно, он подчеркнул то, о чем подозревали уже отцы-основатели «проекта Просвещения». Ценности могут не только интегрировать, но и дезинтегрировать общество. Когда они общие и понятные для людей, то способствуют консолидации и выполняют социально-образующие функции. Когда же они разные и их много, то они фрагментируют социальное и культурное пространство, умаляя или упраздняя общее.

Практическим подтверждением разобщающей роли ценностей стали религиозные войны периода Реформации, расколовшие европейские государства изнутри и ставшие причиной межгосударственной вражды. Оснабрюкское и Мюнстерское соглашения, принятые в рамках Вестфальского мира, среди прочего отменили принцип «*cuius regio, ejus religio*» (чья власть – того и религия), установив вместо него принцип веротерпимости.

Таким образом, с середины XVII столетия публичное пространство постепенно и неуклонно «зачищалось от нормативных элементов, которые вытеснялись в приватное пространство, с площадей – на кухню. Произошло разделение должного и сущего, онтологического и феноменального. Должное, глубинное, метафизическое отвергалось не потому, что его существование ставилось под сомнение, а потому что культура утратила

способность обращаться с ним. В ней исчезли социальные и культурные институты, интегрирующие ценностное разнообразие в общее благо, а философии, которая в лице схоластов-концептуалистов нашла способ и форму репрезентации вещей в единстве сущего и должного (Haecceitas), Д. Юм и утвердившийся после него эмотивизм отказали в этом праве.

Принцип Юма, жестко разделивший дескриптивные и нормативные суждения, базировался на убеждении шотландского мыслителя в том, что в основе ценностных предпочтений лежат страсти, а не разум. Разум не в состоянии мотивировать волю или сопротивляться аффектам. Его функции исчерпываются в этом отношении тем, что он ищет средства для заявленных в аффекте целей. Разум, таким является рабом аффектов, служит им и повинуется: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец» [6].

Парадоксально, но факт: причиной изгнания нормативного из сферы общественной жизни стало не уменьшение его значения, а то, что культура стала неспособной синтезировать разнородные ценности, искать или конструировать обобщенную ценность или общее благо. А.Макинтайр констатирует: «В мире секулярной рациональности религия больше не дает общего фона и основания для морального дискурса и действия; и неудача философии в обеспечении того, что не могла уже сделать религия, была важной причиной потери философией ее центральной культурной роли и превращение в маргинальную, узко академическую дисциплину» [7].

Это повод для возникновения вопроса, как может быть устроена совместная конструктивная жизнь людей, если из состава социального «цемента» удалить ценности, в том числе – добродетели? Ответить на этот вопрос довольно просто, достаточно проанализировать современные общества, созданные в рамках «проекта Просвещения». Их можно уподобить социальному браку, заключенному не по любви, а по расчету. По мнению умудренных жизнью людей, браки только по любви чаще всего

недолговечны, и куда крепче являются союзы по расчету, с хотя бы небольшой толикой чувств. То же самое можно сказать о «социальном браке». Заключившие его люди рассчитывают на то, что получают в итоге не меньше, чем пожертвуют. Несмотря на то, что здесь все друг друга цинично используют, без минимума общих добродетелей никак не обойтись. Даже преступное сообщество предполагает, что его члены друг перед другом честны, ответственны, готовы придти на выручку. Перечень добродетелей и их содержание меняются, но их необходимость для любого общества не вызывает сомнений. Они обнаруживают себя через определенные социальные роли и профессии, которые фокусируют общественную мораль. Артикулировать такие профессии, роли, статусы, - значит назвать положительные нравственные качества, предпочитаемые в конкретном обществе. Это может быть учитель, врач, священник, армейский офицер, судья и т.д. Люди считают их носителями таких значимых добродетелей, как честность, доброта, отзывчивость, мужество, справедливость и обращаются к ним, как авторитетам по «щепетильным» вопросам.

С помощью простых социологических методов в любом обществе легко обнаружить типичные профессиональные предпочтения и характеры. Если дети не хотят быть космонавтами, военными и инженерами, а стремятся к карьере менеджера, банкира, государственного чиновника или биржевого аналитика, значит, в качестве эталонных «добродетелей» выступают предприимчивость, богатство и креативность, а самоотверженный труд, доброта, милосердие и бескорыстность – не в чести. Они, по мнению последователей Юма, не могут быть учтены как значимые факторы социальной жизни, поскольку являются слишком неопределенными, не поддающимися калькуляции. Для того, чтобы общество успешно существовало, оно должно строиться не на этих «песчаных» опорах, а на взаимовыгодном для людей сотрудничестве. Это и есть «благо для всех», выразителем которого Вебер объявил чиновников-бюрократов.

Бюрократ – это человек, не только имеющий специальные управленческие знания, но также обладающий очень важной способностью - «не видеть» содержащиеся в социальной жизни нормативные имплантаты. У него нет симпатий и антипатий. Он руководствуется одним критерием – эффективностью, которая определяется превышением результатов над издержками, а значит, предполагает наличие промежуточных показателей, которые доступны подсчету, влиянию и контролю. Чиновник-бюрократ – это человек со стороны. Он не врач, но может руководить больницей или медицинским департаментом. Он не работал учителем, но знает, как организовать работу школы. Он не имеет инженерно-технического образования, но разбирается в финансах и полагает, что способен сделать завод прибыльным. А что еще требуется от эффективного управленца? Сделать людей счастливыми? Или превратить школу в место инкультурации и социализации человека в соответствии с высшими гуманистическими идеалами? Это некорректно сформулированная и потому недостижимая управленческая задача. А вот уложиться в выделенный бюджет и заработать дополнительные средства – вполне решаемая проблема.

«Зачищать» социальное пространство от ценностей – значит уподобляться страусу, который прячет голову в песок. Из тезиса о том, что ценности являются дезинтегрирующим фактором, вовсе не следует вывод о том, что их следует изгнать из публичного пространства и сделать персоной нон грата для научного исследования. Они есть и оказывают все более возрастающее влияние. Отказываться от этих ценностей только на основании того, что нет возможности их концептуализировать, является плохим решением.

Веберовский бюрократ и его потомки не претендуют на проникновение в глубины общественной жизни, к её онтологии. Они обращаются к феноменальной стороне бытия, к так называемым «предпоследним» вопросам, которые вполне согласуемы и по которым существует просчитываемая возможность соглашения. Чиновник-бюрократ делает это посредством аналитического прояснения стандартных позиций. На уровне

онтологии такое аналитическое прояснение невозможно, потому что там слишком плотный метафизический туман, рассеять который могут только особые фары.

Поствеберовское общество характеризуется тем, что в нем уже нет такого разграничения онтологических (последних) и феноменальных (предпоследних) вопросов. И то, что еще вчера было несущественным моментом, сегодня становится очень даже важным. Современный человек имеет повышенную чувствительность, его идентичность более сложна, чем идентичность его предшественников. Привычная социальная стратификация исчезает на глазах, общественное пространство имеет иной рельеф и для навигации требуются другие карты. Прежние дороги заканчиваются тупиками, а самый короткий путь предполагает обход. Длившийся более трехсот лет эксперимент по научному решению социальных проблем на наших глазах завершается неудачей.

Важной особенностью нынешней эпохи является скепсис относительно возможности публичного обсуждения фундаментальных вопросов, к числу которых относится и вопрос о нравственных добродетелях. Можно назвать два следствия этого пренебрежения. Во-первых, нарастание культурных противоречий в жизненных пространствах, где, по разным причинам, вынуждены сосуществовать индивиды и группы с разными наборами ценностных стереотипов. Речь идет о европейских государствах, которые долгое время придерживались политики мультикультурализма в отношении мигрантских групп, не желающих культурно ассимилироваться. Вторым следствием стала деградация традиционных добродетелей внутри до этого более или менее гомогенных социальных групп. Она проявилась в ослаблении доверия между людьми, выхолащивании содержания таких качеств, как честность, благородство, бескорыстие, самоотверженность, когда место другого занял чужой. Закон как универсальное средство «выравнивания» различий не может заменить доверие и честность. Автор «Протестантской этики и духа капитализма» вспоминает, как однажды, во

время поездки по США, которую он предпринял в начале XX века, он оказался в железнодорожном купе с человеком, представившимся как коммивояжер. В разговоре М. Вебер упомянул о том, что в Америке очень большую роль играет принадлежность человека к церкви и получил ответ: «По мне, сударь, каждый может верить или не верить, однако если я имею дело с фермером или купцом, который вообще не принадлежит ни к какой церкви, то я не доверю ему и 50 центов. Что побудит его отдать мне долг, если он ни во что не верит?» [8].

Пренебрежение добродетелями ведет к существенному «удорожанию» жизни. Например, в охранном бизнесе современной России занято около двух миллионов человек, которые «производят» охранные услуги. Их стоимость включена в стоимость приобретаемых всеми товаров и услуг. Установка веб-камер на избирательных участках России для обеспечения прозрачности и честности президентских выборов обошлась бюджету в сумму около 13 млрд. рублей. Надзорные и контролирующие инстанции, число которых увеличивается в геометрической прогрессии, являются зримым воплощением того, к чему может привести отсутствие доверия и ослабление общественной и частной морали. Во сколько обходится содержание тюрем, детских домов, приютов для стариков? А их существование – прямое следствие эрозии нравственности. Эмотивисты утверждают, что добродетели выражают наши чувства, их невозможно рационализировать и рационально обосновать. Так ли это? Достаточно постоять тридцать минут возле входа в метро, там, где люди вынуждены открывать тяжелые двери с сильной возвратной пружиной, и посмотреть, какая часть из них придерживает дверь, не допуская, чтобы она ударила того, кто идет следом. Это проявление уважения друг к другу, которое вполне эмпирически фиксируется, как и многие другие добродетели, и позволяет сделать вывод относительно общего состояния морального климата.

Для преодоления ценностной разобщенности современного мира и поиска такой формы единства, в которой входящие в его состав элементы сохранили

бы свою особость, требуется особая разновидность разума, сочетающая дескриптивную и прескриптивную способности. Современный германский философ Вольфганг Вельш называет такой разум «трансверсальным». В классической традиции разум понимается как способность, целью которой является отыскание или конструирование единства, снимающего, поглощающего все различия. Поскольку различие признается как ценность, нуждающаяся в защите и сохранении, то задача заключается в том, чтобы разместить разнообразные ценностные миры в одном социальном пространстве, не допуская конфликтов между ними. Идея трансверсального разума состоит в том, что, несмотря на кардинальные различия между жизненными мирами, *всегда* существует возможность отыскания общего между ними. Это общее всякий раз будет другое, а потому его поиск, артикуляция и обеспечение требуют постоянных усилий.

Трансверсальный разум – это философствующий ум, возвращающийся к своей первоначальной и главной функции – производству мудрых советов, то есть таких, которые были бы практически полезны и уместны. Здесь и сейчас. Современная философия должна покинуть «башню из слоновой кости» и обратиться к актуальным жизненным проблемам. Не оправдывать и не критиковать, а прояснять. Не призывать под чьи-либо знамена, а показывать, к какому результату приводит принятие той или иной ценностной позиции. Не устранять различия, а выискивать возможности единства при сохранении этих различий. Иными словами, выполнять философскую работу, но при этом не забывать о своем гражданском долге. Примером могут быть мыслители, которые ведут философские колонки в газетах, выступают по телевидению, обсуждая актуальные мировые, региональные или местные проблемы. Статьи Ж.Дерриды, У.Эко и Ю.Хабермаса по поводу войны в Ираке всколыхнули общественное мнение в Европе и Америке, способствовали прояснению и уточнению позиций Старого и Нового Света по многим вопросам. Приоритетным объектом философствования должны стать добродетели как начала совместной жизни

людей, без которых жизнь общества деградирует и превращается из гражданского общества в поле гражданской войны.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика, 1094а, 1-5.
2. Там же, 1140а, 26-29.
3. Там же, 1143b, 35.
4. Платон. Государство. 508 d.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?. Пер. с фр. – М.: Академический проект, 2009, С.6.
6. Юм Д. Сочинения в двух томах. Изд. 2-е. Т. I. М.: Мысль, 1996. С.458
7. Макинтайр А. После добродетели. Пер. с англ. – М.: Академический проект, 2000, С. 72.
8. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 275.

Чукін С.Г. Поворот до чеснот: місія філософії в розділеному світі.

В статті розглядаються практичні та теоретичні наслідки того, що цінності стали реальним фактором соціального життя. Автор критикує емотивізм, що стверджує неможливість раціонального обґрунтування цінностей, та протипоставить йому концепт трансверсального розуму.

Ключові слова: філософія, розум, цінності, чесноти, трансверсальність.

Chukin S.G. Turn to virtues: mission of philosophy in the divided world.

In article are considered practical and theoretical that consequence, that values became the real factor of a social life. The author criticises emotivism confirming impossibility of a rational substantiation of values, and opposes to it concept transversality reason.

Key words: philosophy; reason, values; virtues; transversality.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Буряк В.В.

Наиболее важной и социально востребованной деятельностью демократизации социума является построение и укрепление структур гражданского общества. Социокультурный ресурс гражданского общества необходимо исследовать и оптимизировать с целью ускорения прогресса в рамках осуществления демократизации постиндустриального глобализирующегося общества.

Ключевые слова: глобализация, гражданское общество.

В транзитивных обществах, к каковым можно отнести Украину, процессы интеграции в состоявшиеся продвинутые европейские экономические, социальные и культурные системы представляет собой совокупность шагов, предусматривающих адаптацию локальных социокультурных практик к региональным и глобализированным социально-политическим трендам. При этом предполагается, что экономическая специализация, социо-культурные и национальные приоритеты не должны быть утрачены, а напротив, может быть достигнут комплексный эффект результативности. В ходе европейской интеграции многое зависит не только от генерации ценностей в рамках национальных культурных проектов, но также от рецепции инновационных тенденций в политико-правовых, экономических и культурных сферах жизнедеятельности. Горизонтальный, межгосударственный трансфер знаний и практик обеспечивает ускоренную социокультурную динамику.

Актуальность исследования особенностей формирования современного гражданского общества определяется потребностью выделить условия оптимизации демократических преобразований и преодолеть антропологический кризис техногенной цивилизации. Глобализация в качестве контекста социокультурных трансформаций рассматривается как многоуровневый, многомерный объект. Основная проблема представляется

как поиск новых гражданских форм демократизации и социальных практик в условиях глоболизирующегося мира. Цель исследования заключается в определении основных тенденций развёртывания инициатив гражданского общества, в том числе и на глобальной шкале. Под глобальными трансформациями понимается объективный процесс стандартизации и унификации норм, технологий, практик, направленность которых очевидна – минимизация государственных барьеров для ускоренного перемещения финансов, товаров, услуг, рабочей силы, идей, образов, а также других материальных и символических ценностей. Двигателем глобальных трансформаций выступает глобализм как идейно-политический комплекс, фундированный ценностями неолиберализма. Идеология и практики неолиберализма служат комплексным средством для продвижения и оправдания капиталистической, империалистической экспансии в планетарном масштабе. В методологическом интервале глобализация – это эпистемологический конструкт, идеологический инструмент глобализма. Можно сделать вывод о том, что глобализация позиционируется в духе доктрины неолиберализма как «объективный», исторически необходимый процесс, как новейший этап всемирной истории. Диаметрально противоположным феноменом является антиглобализм, который представляет собой сложный конгломерат антикапиталистических, анархических, антикорпоративистских настроений, идейных движений и социальных практик, в том числе связанных с формированием гражданского общества.

Как всякое сложное явление, а глобализация представляет собой многоуровневый, динамичный и турбулентный объект исследования, нуждается в междисциплинарном подходе. Современные глобальные трансформации представляют собой продолжение ноосферогенеза. Все частные методологии изучения глобальных трансформаций могут быть интегрированы на теоретико-познавательной основе ноосферологии, как дисциплины, сформировавшейся на пересечении естествознания, философии,

социальных наук и гуманитарных дисциплин. Среди многообразия концепций истории глобализации необходимо выделить одно общее положение, а именно: глобализация – это не новейшая и уникальная эпоха в мировой истории, но продолжение тенденций столкновения, взаимодействия этносов, а позднее и национальных государств в направлении достижения геополитического и социокультурного доминирования. В более «мягкой» форме это проявляется в стремлении обретения баланса сил мирными или немирными путями.

Очевидно, что «ареной» конфликтующих политизированных общностей является социокультурное пространство, которое представляет собой сложнейшую гибкую сеть коммуникативных, поведенческих, образовательно-воспитательных практик. Для углублённого понимания природы гражданского общества в современном академическом дискурсе социальной философии акцентируется внимание на генезисе социокультурных форм, прагматике циркуляции ценностей и смыслов в глобализованном коммуникативном пространстве. В центре этого континуума смыслов и ценностей находится человек, который благодаря присущей только ему креативности и инновационности формирует, конструирует это пространство, структурирует ноосферу.

Динамика глобальных трансформаций разнонаправлена и многовекторна, именно поэтому общество и культура в эпоху глобализации рассматриваются в контекстах экономического, политического, технологического и коммуникативного пространств, их трансверсальности, гибкости и взаимодополнительности. Комплексный характер планетарных процессов требует выделения соответственно-глобального, регионального и локального (и глокального) уровней социокультурной динамики. Здесь необходим учёт двух противоречивых тенденций: межкультурного взаимодействия, «гражданского синтеза» (с вариантами культурной интеграции, на основе взаимодополнительности, «гибридизации», «креолизации» и «ассамбляжности») и, напротив – осуществление сценария столкновения

культур (столкновения цивилизаций, конфликта идентичностей), обострение «культурных войн».

Поэтому все значимые социокультурные трансформации необходимо рассматривать в глобальном контексте. Наиболее важным и динамичным сегментом глобализации, на наш взгляд является сфера формирования гражданского общества, поскольку именно она в конечном счёте определяет социетальные, индивидуальные, этические и эстетические параметры человеческого бытия. Современное общество мультикультурно в силу глобализированных миграционных, экономических и медиа-потоков. Разнообразный, но ускоренно глобализирующийся мир нуждается в таких научных, идеологических, политических дискурсах и практиках, которые бы учитывали наличие мультикультуральных систем ценностей и специфических локальных интересов населения нашей планеты.

Глобализация потенциально содержит в себе как позитивные качества, так и опасные тенденции. Предчувствия, интуиции и прогнозирование позитивных или же негативных сценариев будущего человечества определено прогнозами планетарного изменения климата, нарастающими геополитическими противоречиями и энергетическим кризисом. Различные аспекты глобального постапокалиптического будущего анализируют Джозеф Тэйнтер [1], Пол Эрлих [2], Джаред Даймонд [3] и Крис Мартенсон [4]. В нынешнее турбулентное время точные прогнозы рискованы, тем не менее, прогнозирование и достоверные сценарии необходимы с целью минимизации рисков.

Феномен глобальных трансформаций, их резонансный характер и возможные риски в течение последних десятилетий привлекают внимание исследователей различных специальностей: философов, социологов, экономистов, экспертов, изучающих международные отношения, политологов, культурологов, антропологов и представителей многих других дисциплин. В течение последних десятилетий планетарные явления, связанные с ускорением интеграции региональных экономик в единую

финансово-промышленную систему, стали предметом многочисленных экспертных, научно-популярных и медийных исследований. Особое внимание учёных, практических экономистов, политиков и журналистов привлекает быстрота изменений в социальном и культурном пространстве. Суть этих перемен состоит в стандартизации и унификации коммуникативных и культурных практик. Средствами социологического анализа, методами политической теории, антропологической тематизации и с помощью исторических методов изучается природа конфликта между государственной политикой и гражданским сообществом. Речь идёт о конфликте и политических взаимоотношениях между официальной политикой и гражданским обществом. Главной онтологической особенностью глобальных трансформаций несомненно является их многомерность. Модели глобализации конструируются с учётом открытий в области экологии, экономики, развития высоких технологий, благодаря расширению информационного общества. Теория глобализации постоянно нуждаются в уточнениях. Первостепенная задача в исследовании многомерных процессов глобальных изменений заключается в интеграции уже существующих знаний и методологических стратегий, предметом которых являются планетарные трансформации в культуре, экономике и международной политике.

Глобальные трансформации не являются однозначно позитивным феноменом. Очевидным критическим трендом с противоположным знаком оказывается антиглобализм. Глобальные изменения осуществляются в более широком контексте – трансформации ноосферной реальности. По существу, фундаментальным основанием глобальных трансформаций является именно ноосфера. А ноосферный характер событий, размещённых на планетарной шкале в течение нескольких десятилетий к. XX – н. XXI столетий, может прояснить выбор стратегий, контрольных механизмов и последствий глобализации. Начало исторической глобализации и её периодизация – весьма противоречивый вопрос. Дискуссии возникают ввиду

противоречивых методологических подходов, осложняются из-за наличия различных концепций мировой истории. Глобализация не есть изобретение европейских идеологов, это не историческая игра случайных обстоятельств, а скорее всего объективная реальность, следствие планетарной экспансии *homo sapiens*. Теоретические предпосылки мыслить глобализацию как продолжение универсальной единой мировой истории существовали уже со времён Канта, Гегеля, Кондорсе и Конта.

Определение начальной фазы глобализации является весьма важной задачей. Создание релевантной периодизации глобальных трансформаций необходимо для понимания современных тенденций и рисков. Хопкинс выделяет три основные фазы глобализации: 1) архаическая глобализация (*archaic globalization*); 2) прото-глобализация (*proto-globalization*) и современная глобализация (*modern globalization*) [5]. В другой исторической таксономии можно выделить «три волны глобализации». Различия терминологические и хронологические коренятся в специфической концептуальной оптике, в зависимости от того, что исследователи считают значимым историческим фоном (*background*) для глобальных изменений.

Для того, чтобы локализовать глобальные изменения и специфицировать индивидуальные особенности необходимо учитывать фактор социокультурной идентичности. Сейчас наблюдается поворот от узкодисциплинарных исследований к междисциплинарным работам, от сугубо теоретических исследований культуры к прикладным. Формируются и реализуются новые подходы для того, чтобы перейти от чистой деконструкции к реконструкциям и конструированию уже новых, например, постколониальных или гибридных идентичностей. Тема идентичностей в эпоху глобализации представляет собой широкое поле для междисциплинарных исследований. Формирование новых идентичностей, как результат адаптации к унифицирующим глобализованным практикам происходит в условиях господства турбулентных планетарных потоков, под воздействием кросскультурных эффектов гибридизации, в силу

нарастающего конфликта между вертикальным и горизонтальным трансферами ценностей. Пока глобализация продолжается, социокультурная динамика во многом зависит от стратегий выбора идентичности индивидуумов и культур.

Формирование гражданского общества во многих странах мира и расширение глобализированных социальных сетей оказались ключевыми составляющими осуществления проекта – «глобальное гражданское общество». Философские и моральные идеалы, юридические практики и информационные технологии исторически обусловили особенности теоретических подходов и практик глобального гражданского общества. В последние годы граждане, использующие социальные сети, получили новые возможности высокотехнологичной коммуникации. Специфической особенностью современного этапа становления гражданского общества стало взаимодействие и взаимодополняемость интернетизированной мобильной телефонии и социальных сетей. Идеология и осуществление практик гражданского общества были основаны на постоянном стремлении индивидуумов к легитимации общественных свобод, защите человеческого достоинства от произвола государственных институтов и чиновников.

Один из важнейших принципов реализации гражданских инициатив – создание условий для максимально прозрачных контрольных механизмов осуществления государственной власти. На планетарной шкале деятельность гражданских объединений координируется Центром изучения глобального управления [6].

Успешность реализации гражданских инициатив в современном мире зависит от работы трёх значимых объективных факторов: глобальных многоуровневых трансформаций («глобализации»), технологической инфраструктуры для успешной гражданской коммуникации – планетарной информационной сети (интеграции Интернет с мобильной телефонией) и экспоненциального расширения национальных и транснациональных социальных сетей. Глобальные потоки труда и капитала, планетарная инфо-

медийная сфера и гражданские инициативы, направленные на формирование демократической среды, особенно посредством социальных сетей, обеспечили предпосылки для ускоренного формирования глобального гражданского общества.

Экономические, технологические, политические и социальные процессы в современном мире во многом определяются глобальными трансформациями, их направленностью, интенсивностью и скоростью. Весь этот сложный комплекс изменений часто обозначается словом «глобализация». За этим академическим и публицистическим клише скрывается, с одной стороны, упрощение сложнейших, порой разнонаправленных, противоречивых явлений, а с другой стороны – лоббирование интересов неолиберальных акторов планетарной унификации и стандартизации. Принятие «глобализации» как «природного» закона, социально-экономической неизбежности в ходе эволюции человечества ведёт к снижению социально-политической активности граждан. Формирование гражданского общества в одной отдельно взятой стране происходит в специфичных культурно-исторических и социально-экономических условиях, и некоторым образом уникально. Намного более сложен процесс создания глобального гражданского общества, поскольку требуется синхронизировать действия культурно и исторически различающихся общественных объединений. Это, пожалуй, одна из существенных причин, в силу которых «глобальное гражданское общество» скорее проект, чем реальность.

Современное общество – это результат эволюции тысячелетних культурно-исторических, социально-экономических процессов. Одной из важнейших проблем исследования феномена гражданского общества является изучение его трансформаций в условиях глобализирующегося мира. Необходимо выявить баланс между внутренней самоорганизацией гражданских объединений и внешними манипулятивными действиями по отношению к индивидуумам и общественным организациям. Необходимо

выделение перспектив расширения глобального гражданского общества, установление возможностей перехода к авторитету негосударственных организаций как альтернативной легитимной формы социальной власти.

Понятие «гражданское общество» и его смысловые характеристики значительно модифицировались в ходе социокультурных и исторических трансформаций европейской цивилизации. Выражение «гражданское общество» формировалось от античности до современности. На этом длительном и противоречивом пути смыслового генезиса от термина к понятию уточнялись ключевые смыслы, которые затем опосредованно легли в основание понятия «глобальное гражданское общество». Для понимания существа гражданского общества необходим глубокий анализ его истоков и связи с современностью, отмечает И. И. Кальной [7]. Вне исторического контекста любые формы теоретизирования на тему «гражданское общество» могут стать некими абстракциями. Эта линия, нацеленная на конкретизацию, «опредмечивание» темы «гражданское общество и современность», выявление прикладных аспектов и связь теории с практикой, продолжена в рамках международного комплексного исследовательского проекта «Гражданское общество и современная интеллигенция». В экспертной коллективной монографии «Роль интеллигенции в формировании среднего класса» под редакцией И. И. Кального [8] авторы исследований развивают и уточняют тему историчности гражданского общества, описывают и анализируют предпосылки становления гражданского общества, рассматривают интеллигенцию в качестве субъекта идеологии среднего класса. Фундаментальным образом изучен феномен среднего класса в его становлении. Социально-философский анализ многомерной темы «гражданское общество» развивается с учётом современных социокультурных реалий.

Гражданское общество имеет определённые спецификации. Например, А. Д. Шоркин доказывает, что гражданское общество является некоторым эксклюзивным социальным образованием [9]. Исходя из того факта, что

новейший этап эволюции идеи гражданского общества и соответствующих тенденцией к ускоренному конструированию глобального гражданского общества включает в себя исторический анализ идеи гражданского общества, важен переход от термина «гражданское общество» к его понятию. Тема гражданского общества сегодня заявляет о себе в глобальном контексте [10]. Существует не только доктринальная и организационная традиция понимания института демократии, осуществления гражданских прав и свобод, но здесь также присутствует преемственность философской рефлексии от Аристотеля и Цицерона вплоть до современности. Констатируя факт происходящих общественно-политических трансформаций, необходимо расширять границы гражданского общества. Укрепление демократических традиций позволяет говорить о единстве идеи гражданского общества и реалиях социального гражданского активизма. Исследование феномена глобального гражданского общества происходит в условиях цифровой эпохи и заключается в изучении способов проявления гражданского активизма посредством социальных сетей. Перспективы глобализации современного социума открываются также через практики глобального гражданского общества [11]. Используя технологии социальных сетей, граждане объединяются на основе сходных ценностей, идеологических предпочтений и социокультурных целей. Социальные сети и социальные медиа востребованы не только для повседневной коммуникации, но также весьма перспективны для реализации гражданских инициатив.

Феномен гражданского общества и его актуальная теоретическая рефлексия связаны с расширением демократических движений в глобализирующемся мире. Идеи и идеалы гражданского общества, также как осуществление практик гражданского общества могут быть описаны скорее как «тенденции», «проекты», «утопии», в большей степени, чем наличная, очевидная, эмпирически обоснованная социально-политическая реальность.

1. Tainter, J. A. The Collapse of Complex Societies (New Studies in Archaeology) / Joseph A. Tainter. – Cambridge.: Cambridge University Press; 1990. – 264 p.
2. Ehrlich Paul R., Ehrlich Anne H. The Population Explosion / Paul R. Ehrlich, Anne H. Ehrlich. – Clearwater, Florida, Touchstone Books, 1991. – 320 p.
3. Diamond, J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed / Jared Diamond. – L.: Penguin (Non-Classics); 2011. – 608 p.
4. Martenson, C. The Crash Course: The Unsustainable Future Of Our Economy, Energy, And Environment / Chris Martenson. – Hoboken, NJ.: Wiley; 2011. – 317 p.
5. Hopkins, A. G. (Ed.) Globalization in World History / A. G. Hopkins (Ed.). – London: Pimlico, 2002. – 352 p.
6. Global Civil Society 2001 / Centre for Civil Society and Centre for the Study of Global Governance LSE. – Oxford .: Oxford University Press, 2001. – 348 p.
7. Кальной И.И. Гражданское общество: истоки и современность / Игорь Иванович Кальной. – Симферополь, 2006. – 490 с.
8. Роль интеллигенции в формировании среднего класса (Научн. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань). – Симферополь.: Синтагма, 2010. – 468 с.
9. Шоркин А. Д. Гражданское общество как особый вид обществ // Гражданское общество: истоки и современность : Коллективная монография / Науч.ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – С-Пб: Юридический центр ПРЕСС, 2006. – С. 339-348.
10. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации: [монография] / Научн. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь.: ИТ АРИАЛ, 2011. – 648 с.
11. Буряк В.В. Глобальное гражданское общество и сетевые революции. / Виктор Буряк. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. – 152 с.

Буряк В.В. Громадянське суспільство в епоху глобальних трансформацій.

Найбільш важливою й соціально затребуваною діяльністю демократизації соціуму є побудова та зміцнення структур громадянського суспільства. Соціокультурний ресурс громадянського суспільства необхідно досліджувати й оптимізувати з метою прискорення прогресу в рамках здійснення демократизації постіндустріального глобалізованого суспільства.

Ключові слова: глобалізація, громадянське суспільство.

Buryak V. Civil society in the era of global transformation.

The most important and socially popular activity of the democratization of society is to build and strengthen civil society structures. Socio-cultural life of civil society is necessary to investigate and optimize in order to accelerate progress in the democratization of post-industrial globalized society.

Keywords: globalization, civil society.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПРОЕКТ ИЛИ ПРОЖЕКТ

Лопушанский И.Н.

Гражданское общество на постсоветском пространстве реально. Оно проявляет себя во взаимоотношениях с властью в формах диалога (идеал), противостояния (реальность кризисов прошлого, настоящего и будущего), сосуществования (повседневная реальность). Состояние сосуществования разочаровывает и раздражает ученых, политиков и обывателей, но потенциально способно вести к диалогу с готовой к этому властью при решении общезначимых задач.

Ключевые слова: *власть, гражданское общество, квазиорганизации гражданского общества, псевдоорганизации гражданского общества*

Уже два десятилетия категория «гражданское общество» вызывает неоднозначную реакцию ученых, политиков, обывателей. От призывов формировать оное со стороны власти и части ученых до «анафемствования» со стороны другой части ученых и политиков, обвиняющих оппонентов в следовании в «хвосте» у западных либералов. Эти различия в подходах проявились и в ходе Международной Интернет-конференции 12 апреля 2012 г., координаторами которой стали ученые Таврического Национального университета им. В.И. Вернадского (г. Симферополь) И.И. Кальной и А.В. Горбань.

Стоит, видимо, напомнить о том, что для отечественного обществознания категория «гражданское общество» не нова. Еще в конце советского периода в курсе теории государства и права при анализе политической системы ее формально не обходили вниманием. Но в доживавшей свой век тоталитарной реальности свои функции эта составляющая политической системы выполнять, естественно, не могла. Требовалось существенное расширение прав и свобод граждан.

За рубежом интерес к категории «гражданское общество» потускнел, появились попытки ее подмены «хорошим обществом» и другими концептами. Только перемены в СССР и странах Восточной Европы способствовали тому, что взаимоотношения власти и гражданского общества вновь попали в зону внимания ряда ученых [1]. Появились в русском

переводе классические работы, затрагивавшие эти вопросы [2]. При всем многообразии подходов преобладают представления о возможности переноса опыта гражданского общества стран с развитой демократией в другие страны, в частности, на постсоветское пространство. В этих бесспорно значимых работах возникает дидактический акцент. Когда речь идет о «новых демократиях» (это о нас и наших соседях), нередко выделяются две крайности. По мнению одних, наши страны должны пройти путь формирования гражданского общества с азов, включающих не только наши ценности и традиции, но и часто преступные формы первоначального накопления капитала, передела собственности и т.п. Создается впечатление, что нас пытаются примирить с тем, что якобы всегда на этом пути эгоизм перевешивает солидарность. Другая крайность состоит в перенесении в нашу реальность, обладающую рудиментами этатизма и чертами нового патернализма, готовых форм отношений власти и общества, характерных для развитых демократий (при этом также отличающихся друг от друга).

В отличие от этих мнений Дж. Коэн и Э. Арато предложили «весьма детальный политический проект демократизации существующих гражданских обществ, сформулированный в терминах продолжения (при наличии должной рефлексии) демократической революции и государства всеобщего благосостояния...Такой проект позволил бы странам Восточной Европы переосмыслить свою стратегию. Вместо недостижимого (а на наш взгляд, и нежелательного) стремления стать такими же, какими были или являются в настоящее время страны Запада, им следовало бы обратиться к модели, основанной на возможном (и, по нашему мнению, нормативно желательном) общем будущем» [3]. Конечно, авторы фундаментального труда не дают каких-то рецептов по формированию гражданского общества, «встроенного» в существующие отношения, традиции, ценности, историю, но приведенные в нем концепты и критика чрезвычайно полезны.

Открытым остается и вопрос о том, нужно ли гражданское общество формировать, или оно уже реально существует в ряде стран Восточной

Европы и постсоветского пространства. На наш взгляд, существуют доказательства его наличия в виде разнообразных ассоциаций активных граждан, правового обеспечения их деятельности, их взаимодействий между собой и с властью, причем как на основе консенсуса, так и в конфликтной форме.

Институты гражданского общества многообразны и далеки от идиллического согласия и единства. Это предопределено различием корпоративных интересов и целей каждой составляющей. Демонстрируя более или менее внутреннее единство, во взаимоотношениях между собой они выступают как независимые ассоциации граждан, и нужны какие-то условия, при которых эти ассоциации, не сливаясь (что, в принципе, не исключено), выбирают единый вектор взаимодействий. Границы подобного единства подвижны, поскольку определяются принципами существования гражданского общества, с одной стороны, принципами самоорганизации и независимости ассоциаций, с другой – принципом толерантности во взаимоотношениях между собой.

Будучи политически нейтральными (за исключением политических партий, что подталкивает ряд авторов к выводу, что партии не должны включаться в состав гражданского общества, как неполитической, частной сферы общественной системы), организации гражданского общества обладают вместе с тем весомым политическим потенциалом. Это показывает исторический опыт социальных революций, где политическая составляющая завоевания власти, как с применением насилия, или только с его угрозой, всегда связана с приоритетным участием организаций гражданского общества. Это показывает практика политических «цветных» революций, как на постсоветском пространстве, так и в арабских странах, где кроме проплаченных участников массово используются различные организации гражданского общества. Это, наконец, объясняет интерес политических вождей в странах СНГ к потенциалу членов ассоциаций гражданского общества как электората на выборах. По нашему мнению, члены

гражданского общества отличаются от атомизированных членов общества в целом своей общественной активностью, приводящей их к объединению на базе солидарных интересов.

Реальная значимость политического потенциала гражданского общества выше, чем его оценка со стороны не только населения, но и многих политиков и ученых. Подавляющая масса населения представляет общество в целом как общество гражданское и либо предъявляет к нему завышенные требования, либо, напротив, отказывает ему в какой-либо значимости. Многие политики призывают к формированию гражданского общества на постсоветском пространстве, забывая, что собственно этим пространством они уже обязаны национальным и сепаратистским организациям кризисного переходного периода 1980-1990-х гг., и что уж власть не должна быть обременена вопросами его формирования.

Эрозия коммунистических режимов в конце 80-90-х годов XX века привела к обновленному интересу к возможностям гражданского общества противостоять тоталитаризму, сначала у диссидентов, затем у политиков и теоретиков из числа разочаровавшихся марксистов. Для одних – это был рецидив индивидуалистического и конституционного либерализма, для других – признание превосходства свободного рынка над централизованной плановой экономикой. Как эхо это отразилось и на Западе, где в большей или меньшей степени гражданское общество существовало несколько столетий, но само понятие и его идея крайне редко использовались средствами массовой информации или академическими политологами [4]. Популярность идеи в странах бывшего коммунистического мира способствовала ее общему ренессансу в странах либеральной демократии или движущихся в ее направлении.

Возможно, историк находится в более выгодном положении в процессе анализа гражданского общества, поскольку в этом анализе рассматривает разные временные пласты, а именно переходный период в жизни каждого общества (не только российского). Этот период характеризуется наибольшей

степенью гражданского согласия, концентрацией усилий слабых (в их разрозненном и зачастую еще не сформировавшемся до конца состоянии) ассоциаций гражданского общества в достижении единой для них цели: разрушения прежнего режима и установления нового. В созидании, как это и предсказывал Гегель, составляющие гражданского общества, обладая множеством разнонаправленных идеалов, не являются солидарными. В современном состоянии гражданского общества, пожалуй, доминирует толерантность, и в сравнении с кризисными условиями переходного периода взаимодействия гражданского общества с властью выглядят вялотекущими, чем отвращают от себя исследователей (как у нас, так и за рубежом, оживляющихся только на время кризисов). Потенциал гражданского согласия, проявив себя в России и Восточной Европе (в Грузии, Украине, Киргизии), ждет новой возможности своего осуществления.

Заинтересованность власти в конструктивных отношениях с организациями гражданского общества заключается в реализации ее функции управления. Следует учитывать, что общественно-политические тенденции изменчивы. Временами государство стремится с неоконсервативных позиций наступать на социальные права населения, но иногда, напротив, отечественный избиратель (в том числе входящий в ассоциации гражданского общества) выражает желание «покончить с хаосом», «восстановить порядок». Вектор управления в таких ситуациях может быть усилен или ослаблен. Усилия власти могут выглядеть легитимными или, напротив, нелегитимными для различных секторов гражданского общества.

Можно выделить несколько направлений осуществления властью функции управления. Прежде всего, это создание «правил игры», то есть законодательное оформление деятельности гражданского общества, границ независимости его организаций, функций государственных органов, контролирующих как содержание уставных документов вновь создаваемых ассоциаций, так и соответствие реальной практики уже существующих

организаций содержанию этих документов, санкций со стороны государства по отношению к нарушителям.

Анализ правовых документов на постсоветском пространстве показывает, что и в странах, пошедших по самостоятельному пути, и в странах, подчинившихся декларациям европейского сообщества, немало законодательных ограничений свободному функционированию организаций гражданского общества.

Другим направлением реализации заинтересованности власти в отношении гражданского общества является собственно управление, как в виде деклараций, так и реальных действий. Нередко декларации трудно отделить от реальных действий навстречу обществу, например, повышение пенсий и монетизация льгот для пенсионеров и инвалидов повышение денежного содержания и пенсий военнослужащим, борьба с организованной преступностью, с преступностью «в погонах», с коррупцией, проведение административной реформы и реформы ЖКХ (жилищно-коммунального комплекса).

Однако, в большинстве случаев дальше деклараций, ставящих благородные цели, дело не идет: создаются многочисленные государственные структуры по исполнению поставленных задач и контролю за исполнением (за десятилетие административной реформы в Россия, по данным ВЦИОМ, количество чиновников выросло почти на миллион; за реформу ЖКХ беремся вторично и опять за счет населения; по уровню коррупции, по данным международной аналитической организации «Transparency International» Россия на 154 месте в мире). Участие же организаций гражданского общества заключается в лучшем случае в виде представительства с совещательным голосом. Условием же перевода этих деклараций в реальные дела со стороны гражданского общества является наличие альтернативных проектов, оппозиционных структур, создаваемых политическими партиями («теневых кабинетов»), независимых организаций гражданского контроля, не контролируемых (за исключением

государственной тайны и экстремизма) государством средств массовой информации (прежде всего телевидения, играющего основную роль в информационном пространстве стран СНГ). Пока это не будет достигнуто, все действительно необходимые программы и действия государства будут приобретать «косметический» характер.

В стремлении обеспечить легитимность действий государства и показать их поддержку со стороны общественного мнения во многих странах (не только на постсоветском пространстве) создаются «квазиорганизации» гражданского общества типа Общественной палаты, Комитета по помилованиям, Комитета по правам человека, института омбудсменов. Назвать их «псевдоорганизациями», видимо, нельзя – они реально в меру своих возможностей и способностей выполняют задачи консультирования власти, предоставления рекомендаций. Эти организации скорее действуют для решения государственных задач, хотя по форме, они выразители общественного контроля и общественного мнения в глазах собственного населения и некий «камуфляж» для зарубежных политиков и СМИ.

Зато «псевдоорганизациями» гражданского общества вполне можно считать партии, созданные в РФ после принятия закона 2001 г. Как уже отмечалось выше, ограничения этого закона таковы, что без помощи власти и, особенно в субъектах федерации, создать новую (или сохранить старую) сложно. Однако такие партии были созданы.

Власть проявляет интерес к гражданскому обществу как к части электората на выборах, значимой в силу ее организованности и позволяющей вести мониторинг общественных настроений в большей мере, чем осуществлять выявление приоритетов разрозненных индивидов. Растущая авторитарность власти в странах СНГ приводит к осуществлению патерналистских схем ведения предвыборной пропаганды, часто сводящейся к традиции «сильной руки», к вине демократии и либеральных реформаторов в распаде ранее единой страны, и экономических трудностях и социальной несправедливости переходного периода. Такие тенденции неизбежно ведут к

ослаблению самой идеи гражданского общества как проявления демократии и правового государства.

Таким образом, интерес власти к гражданскому обществу носит вполне прагматический характер. А есть ли заинтересованность гражданского общества во взаимодействии с властью? Несомненно, ожидания институтов гражданского общества, прежде всего, связаны с созданием властью поля их независимого существования. Государство устанавливает законы – пределы активности индивидов и ассоциаций, но внутри этих пределов существует свобода действий, ограничиваемая уже по правилам гражданского общества – договором о соблюдении интересов или распоряжением конституирующегося коллектива. Это – идеал, но между ожиданиями и реальностью существует (и всегда существовал) разрыв, ширина которого непременно своя в каждой стране, строящей свое гражданское общество.

Развитому гражданскому обществу недостаточно «замкнутого пространства», многие его организации стремятся к большему влиянию на политическую (такие как партии, органы местного самоуправления), экономическую (общественно-экономические ассоциации), культурную «сферы», выделяемые Дж. Коэн и Э. Арато (вслед за А. Грамши и Ю. Хабермасом) в качестве трехчастной модели промежуточных «камер» взаимодействия с органами власти в политике (бюрократия), экономике, духовной жизни [5].

При этом, с одной стороны, квази- и псевдоорганизации гражданского общества усиливают иллюзию участия всех ассоциаций в законотворчестве и контроле государственных структур, с другой – часть организаций (чаще всего правозащитных и радикальных), напротив, всячески доказывает, что «заметность» возможна только в столкновениях с властью («марши несогласных» в крупных городах России выглядят в этой ситуации функциональными), что подкрепляется обращениями к западным СМИ и Интернету.

Большая часть институтов гражданского общества предпринимает усилия для установления конструктивных отношений с властью. Во взаимоотношениях с государством наиболее значимыми выглядят политические партии. Если говорить о политической сфере общества, то здесь партии выглядят своеобразными мостиками от гражданского общества к государству. И правящие и оппозиционные – они являются «своими», как для гражданского общества, откуда ведут происхождение, так и для законодательной и исполнительной ветвей власти (что заставляет некоторых авторов сомневаться, стоит ли их включать в структуру гражданского общества).

Политическая организация общества (не следует путать с политической системой) практически во всех странах постсоветского пространства страдают, по крайней мере, двумя недостатками: ограничениями в свободе создания и функционирования партий и, соответственно, политической монополией правящей партии, а также, перефразируя классика, «детской болезнью» предпочтения принципиальной самоизоляции поиску объединяющих программ и лозунгов в оппозиционном демократическом лагере. На наш взгляд, правящие партии часто являются, по сути, большими (иногда гигантскими) клиентами, объединяющими политиков, желающих реально участвовать в управлении государственными политическими и экономическими структурами, но руководствующимися различными побуждениями (от психологического «властного» синдрома до корыстных интересов, от получения привилегий до депутатского иммунитета). В перспективе возможны, по крайней мере, три варианта отношений партий и власти.

Во-первых, это реализация программы-идеала политической организации общества, когда создание и функционирование партий не ограничивается властью; когда уменьшение числа партий в политическом спектре связано не с произволом власти, а с прагматическими центростремительными тенденциями в самих партиях, как составляющих

гражданского общества, руководствующихся его принципами независимости и толерантности; когда «циркуляция элит» (по выражению В. Парето) становится результатом конкуренции идей, а не политических технологий. Однако, на наш взгляд, возможность приближения к идеалу в обществе возникает либо в неподходящий момент выхода из социально-политического кризиса, когда идеальные представления еще не выветрились из общественного сознания, а растущее разочарование происходящим институционализировалось в действенную оппозицию (такой вариант был возможен, но не реализовался на постсоветском пространстве), либо в условиях осознания конкурирующими элитами необходимости соблюдения баланса интересов в обществе.

Во-вторых, это дальнейшее вытеснение из политического пространства оппозиционных и малочисленных партий растущей партией власти, движение, обратное процессу демократического транзита. Растущая авторитарность лидеров в странах постсоветского пространства является необходимым и достаточным условием такого прогноза.

Наконец, это возвратно-поступательный процесс в духе античных представлений о чередовании форм власти, но с применением современных технологий. Менталитет нового поколения не сможет долго мириться с навязываемыми представлениями о традиции «сильной руки», преимуществах государственной в основном экономики, искаженной демократии. Чем завершится новый демократический транзит, будут ли установившиеся отношения государства и гражданского общества прогрессивны и стабильны, сегодня вряд ли можно сказать.

Политические движения во взаимоотношениях с властью внешне имеют меньше возможностей влияния. Эти отношения слабо структурированы в сравнении с взаимодействиями «партия – власть». Программы движений менее детально проработаны, размыты. Однако в кризисных для общества условиях, когда напряжение в массах нарастает, опираясь в основном на лозунги, понятные массам более, чем даже

перспективная модель той или иной партии, движения быстро набирают силу. «Политический плюрализм», «возрождение национальной культуры», «национализм» и «сепаратизм» - лозунги, возникшие в условиях демократизации в советских республиках конца 1980-х годов, сделали политические движения такими мощными, что перед ними не устояли ни силы защиты режима, ни армия, ни 19-миллионная партия коммунистов (конечно, следует учитывать, что линия раскола в условиях расширившегося информационного потока прошла и по этим властным структурам).

Подтверждение этой силы наблюдается и в весенних событиях 2011 года в ряде арабских стран с авторитарными режимами. Можно сомневаться о том, что за этим стоит: исламский фундаментализм (все-таки в этих странах преобладала власть светских структур при поддержке армии), социальные проблемы, стремление к демократизации, смена элит, геополитические интересы стран НАТО, а может быть, и все вместе взятое, - нельзя не отметить ожесточенность части гражданского общества в столкновениях с властью за свои лозунги.

Кроме отмеченных движений, набирающих силу в периоды кризисов, в гражданском обществе распространены перманентные антивоенные (пацифистские) и антиядерные, экологические движения, получившие «подпитку» активности в связи с весенней ситуацией 2011 года в атомной энергетике Японии; феминистские движения, которые от суфражистских лозунгов уравнивания в избирательных правах женщин с мужчинами, оставшимися в основном в прошлом, и требований осуществления справедливой гендерной политики, перешли к борьбе с насилием в семье и сексуальными притязаниями коллег по работе. Наиболее серьезные и перспективные противоречия с властью правозащитных и анти- и альтерглобалистских движений, чья деятельность нередко выходит за национальные границы и координируется их международными объединениями.

Многие общественные организации (спортивные, по интересам, благотворительные и т.п.) не нуждаются в каких-либо отношениях с государством, поскольку декларируют не вовлеченность в политику (именно «декларируют», поскольку в реальности избежать этого нельзя). Политическая, экономическая и правовая стабильность лежат в основе их существования и функционирования. Понимание этого обстоятельства заставляет электорат в их составе голосовать за партию власти; непонимание – ведет к абсентеизму в рамках избирательной кампании. Столкновения с властью здесь возникают скорее по вине самой власти, когда градостроительные прожекты или мелкие привилегии чиновников и депутатов политизируют общественное мнение.

Религиозные организации гражданского общества находятся в особом положении к власти. Они отделены от государства. Однако роль религии в постсоветском обществе вне зависимости от страны существенно повысилась в сравнении с советским периодом. Это заметно по довольно существенному ряду взаимных контактов: от неперемного присутствия государственных руководителей в храмах во время церковных праздников до возвращения зданий, церковной утвари, икон, возобновления деятельности монастырей. Власть явно нуждается в церкви той или иной конфессии для заполнения освободившейся после крушения коммунистического строя ниши в общественном сознании. Похоже, православный клир вполне это осознает.

Анализируя роль средств массовой информации, приходишь к печальному выводу, что в наших странах СМИ за некоторыми исключениями долгое время не могли считаться институтом гражданского общества. Пожалуй, период между февралем и октябрём 1917 года, демократизация конца перестроечного периода (с 1987 г.) и 1990-е гг. в Российской Федерации можно считать такими исключениями, когда соблюдались принципы независимости и альтернативности прессы, а с 1988 г. и электронных СМИ. Последнее десятилетие дает примеры только

альтернативной партийной прессы, но она охватывает мизерный круг читателей, и относительно независимые сайты Интернета.

Интернет можно считать важнейшим современным средством коммуникации и информации, значимым для организаций гражданского общества, но как мобилизующий коммуникационный канал воздействия он требует распространения не только в крупных городах стран СНГ. Компьютерная насыщенность, как показывают события в Арабском мире и тем более в Европе, имеет следствием более высокую динамику коммуникаций. Хорошо это или плохо, зависит от условий применения и возможности использования этих средств экстремистскими группами.

Подводя черту под этими размышлениями о взаимоотношениях власти и гражданского общества, естественно, стоишь перед выбором: противостояние, диалог или сосуществование. В нашей совместной истории противостояние, насилие (или угроза насилия) со стороны политизированных движений показали наиболее высокий уровень активности гражданского общества по отношению к власти в ходе революционных преобразований соответствующего исторического периода и соответствующей страны в уже постсоветских условиях. Одной из форм противостояния стало гражданское неповиновение, имеющее разнообразные проявления: от «стояния на майдане» до перекрытия автотрасс.

Диалог возникал только в относительно стабильных условиях. Он также может рассматриваться как возможная перспектива отношений власти и гражданского общества. Однако, в прошлом и настоящем власть чаще рассматривает возможность диалога в собственных интересах, как правило, при приближении выборов. В Российской Федерации для этого применяется и мониторинг общественного мнения, и создание квазиорганизаций гражданского общества и другие шаги. Полноценный диалог не возникает в отсутствие альтернативных независимых СМИ, ограничений в партийном строительстве, отказа власти от предвыборных дебатов в прямом эфире. От давления «снизу», подталкивающего к диалогу, власть ограждает

относительно стабильная экономическая и социальная ситуация, во многом связанная с высокими мировыми ценами на энергоресурсы.

Поэтому нынешнее состояние отношений и ближайшую перспективу в большинстве случаев приходится характеризовать как условия сосуществования власти и гражданского общества, когда активность проявляется, пожалуй, лишь партиями и правозащитными организациями, а власть не слишком обеспокоена этой активностью.

Список литературы

1. Shils Ed.A. The Virtue of Civility: Selected Essays on Liberalism, Tradition, and Civil Society. - Indianapolis, 1997; Кин Дж. Демократия и гражданское общество. – М., 2001; Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М., 2003 и др.
2. Вебер М. История хозяйства. Город. – М., 2001; Даль Р. О демократии. – М., 2000; Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. – М., 1992; Фуко М. Нужно защищать общество. – СПб., 2005; Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001; Шмит К. Политическая теология. Сборник. – М., 2000 и др.
3. Коэн Дж. Л., Арато Э. Указ. соч., с. 546.
4. Shils Ed. Op. Cit., p. 327.
5. Коэн Дж.Л., Арато Э. Указ. соч., С. 15, 545, 615.

Лопушанський І. М. Громадянське суспільство: проект або прожект

Громадянське суспільство на пострадянському просторі реально. Воно виявляє себе у взаєминах з владою у формах діалогу (ідеал), протистояння (реальність криз минулого, теперішнього і майбутнього), співіснування (повсякденна реальність). Стан співіснування розчаровує і дратує вчених, політиків і обивателів, але потенційно здатне вести до діалогу з готовою до цього владою при вирішенні загальнозначущих завдань.

Ключові слова: влада, громадянське суспільство, квазіорганізації і громадянського суспільства, псевдоорганізації громадянського суспільства.

Lopushansky I.N. Civil society: a project or project

Civil society in post-Soviet reality. It manifests itself in relations with the government in the forms of dialogue (ideal), conflict (the reality of the crises of the past, present and future), coexistence (everyday reality). The state of coexistence of frustrating and annoying to scientists, politicians and ordinary people, but can potentially lead to a dialogue with this final rule generally significant in solving problems.

Key words: power, civil society, kvaziorganizatsii civil society, civil societypsevdo organizatsii.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ПРОЕКТНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Козай Е.А.

В статье представлены возможности развития гражданского общества в контексте теории самоорганизации. Понятие автопоэзиса применено в отношении коммуникативных систем. Предложены проекты осуществления социокультурной модернизации российских регионов.

Ключевые слова: гражданское общество, самоорганизация, коммуникация, проект

Во втором десятилетии XX века проблема становления и развития гражданского общества на постсоветском пространстве получает новую актуализацию. С одной стороны, социологические замеры во многих городах, рабочих поселках и сельских поселениях фиксируют пролонгацию процессов атомизации общества, низкого уровня солидарности, распада традиционных связей и единичности проявления коллективных инициатив. С другой стороны, прошедшие выборы в Государственную думу Российской Федерации 2011 года и выборы Президента России 2012 года со всей очевидностью предъявили свидетельства о явном оживлении политических настроений. На этом фоне начинают осуществляться довольно смелые политологические прогнозы о том, что в стране формируются новые социальные движения, именуемые, в частности, *большинством нового меньшинства* (Глеб Павловский), объединяющие в себе энергичных, инициативных и деятельных граждан.

Каким образом меньшинство способно трансформироваться в большинство? Обратимся к результатам изучения когнитивных процессов в социуме, полученным социологами из Центра академических социально-когнитивных исследований при Политехническом институте Ренсселира (США, штат Нью-Йорк). В исследованиях были использованы вычислительный и аналитические методы для определения того решающего момента, когда убеждение меньшинства трансформируется в мнение большинства. При этом была обнаружена закономерность: как только

процент людей с непоколебимыми убеждениями достигает 10 %, с этого момента их убеждения в любом случае начинают приниматься большинством [1]. Были проявлены разные контексты обнаружения последствий в осуществлении социальных взаимодействий, в том числе в отношении политических предпочтений. Есть основания предполагать, что по схожему сценарию развиваются процессы гражданственности в современном постсоветском пространстве.

Вместе с тем заметим, что понятия «гражданин», «гражданственность» не получают своего должного содержательного воплощения в социальной практике россиян. Под *гражданственностью* (исходные понятия – Citizenship, Staatsbewußtsein), в соответствии с отечественным контекстом, следует понимать активную жизненную позицию, которая находит свое воплощение в осуществлении прав и свобод, в отстаивании своих законных интересов и оказании помощи в этом другим людям, в заботе об общем благе, в нетерпимости к проявлению нарушения прав человека, ущемлению общественных и государственных интересов.

Как отмечает В.В. Маленков, конкретизация гражданственности осуществляется на трех уровнях – на уровне консенсуальной системы норм, обеспечивающей функцию системной интеграции современного национального государства; на уровне основания конституирования гражданского статуса социального субъекта, вследствие чего последний приобретает способность вступать во взаимодействия с государством и гражданским обществом, выступая в качестве их полноправного члена; на уровне духовно-ценностной составляющей социального процесса и ориентации социального субъекта-гражданина в пространстве гражданской сферы общества [2, с. 3]. Как видим, в российской понимании концепт гражданственности выводит в сферу должного, утверждает высокие нравственно-этические черты личности. В гражданственности как способе личностного бытия на первый план выходят такие характеристики, как конструктивная и творческая активность индивида, созидательность и

целенаправленность, свобода и ответственность, солидарность и гуманность, справедливость и равенство.

Следует отметить, что социологические исследования с начала нового столетия практически до конца 2011 года фиксировали довольно низкий уровень социальной интеграции и самоорганизации российского общества. Эти данные вместе с тем можно рассматривать в качестве весомого подтверждения завершения очередного периода постсоветской трансформации России, приближения к некоей поворотной точке. Декабрь 2011 года стал неким поворотным моментом, точкой бифуркации, положившей окончание периоду спокойствия и разобщенности.

Конечно, в поворотный момент крайне сложно указать, в каком направлении пойдет развитие в контексте сложившейся ситуации. Синергетическая методология позволяет наметить некоторые перспективы. В этом плане весьма продуктивным может оказаться подход с позиции теории самоорганизации в контексте развития идеи автопоэзиса и теории коммуникации.

Под *автопоэзисом* авторы этого термина чилийские биологи Франческо Варела и Умберто Матурана подразумевали свойства живых систем воссоздавать свои структуры вопреки энтропийному давлению внешней среды. Эстафета идей была подхвачена Николасом Луманом. В его интерпретации автопоэзис общества предстает способом процессирования смысловых структур посредством коммуникации, ибо через смысловую коммуникацию и осуществляется воспроизводство социума. Коммуникацией Н. Луман называет «некое исторически конкретно протекающее, зависимое от контекста, событие» [3, S. 70]. Для него это операция, в процессе которой осуществляется перераспределение знания и незнания. Другими словами, коммуникация – гораздо больше, чем передача информации. Коммуникация в контексте автопоэзиса обеспечивает онтологическое основание бытия жизни.

В рамках развития этой позиции российский исследователь В.И. Аршинов акцентирует внимание на том, что проблема коммуникации в настоящее время предстает не как проблема обмена информацией, а как «проблема развертывания все более углубляющегося процесса, который, в конце концов, приводит к некоторым состояниям духовного освоения более высоких духовных состояний». Автор обращает внимание на важное свойство коммуникации – возможность создания новой определенности (как впрочем, и новой неопределенности). Отмечая конструктивную роль коммуникации, способность создавать новые связи, он формулирует идею сопряжения автопоэзисов: «... когда мы видим мир как состоящий из автопоэзисов и осознаем его в этом качестве, то мы сами становимся иными» [4].

Рассматривая гражданственность как самоорганизующуюся систему, развивая позиции Н. Лумана и В.И. Аршинова, можно утверждать ее способность к «автопоэзису», т.е. рассматривать ее как самодостаточное, способное к самовоспроизводству образование, отличное от окружения. Гражданственность обладает способностью к построению своей собственной комплексности в ходе вовлечения в самореферентные коммуникативные процессы. При этом есть все основания полагать, что развитие системы коммуникаций, появление новаций в коммуникационном пространстве прорисовывают ведущие ориентиры для создания будущего облика общества. Тем самым коммуникативное общество выступает реальным социальным контекстом осуществления коммуникаций. История становления автопоэзиса в социальном пространстве может быть представлена как история становления коллективной деятельности. Эта деятельность может быть направлена на создание новых коммуникативных сред, способных дать достойный ответ на исторические вызовы.

Известный российский социолог Н.И. Лапин в интервью Б.З. Докторову отмечает: «Российский социум не обладает системными качествами современного большого общества, способного адекватно

отвечать на вызовы внутренней и внешней среды. Существует настоятельная потребность его эволюции в направлении гибкой сетевой системы. Анализ тенденций и форм такой эволюции – перспективная задача всего социологического сообщества нашей страны» [5]. Создание гибкой сетевой системы не только для социологического сообщества, но и для иных интеллектуальных сообществ, озабоченных вопросами будущего развития своей страны, своего региона, – это и есть перспектива автопоэзиса гражданственности.

Завершение очередного цикла социального развития в России, возвращение в некую исходную точку заставляет задуматься о необходимости преодоления маятникового движения. Есть основания полагать, что сегодня настала пора утверждения новых стратегических проектов, разрывающих «цепь безысходности» в рассмотрении настоящего и прогнозировании будущего страны. Перспективным в данном плане видится проект самоорганизации и самоидентификации «новой интеллигенции» в России. Речь идет об интеллигенции, способной не только представлять критику в контексте выстраивания оппозиции номенклатурной пробуксовке, но также разрабатывать в теоретическом и прикладном аспектах конкретные стратегические проекты, нацеливающие на преодоление «институциональной ловушки» [6] – неспособности ведущих формальных институтов преодолеть статус-кво своей неэффективности.

На повестке дня стоит необходимость самоорганизации интеллигенции в ответ на объективную потребность сохранения шансов на будущее страны. Одним из ведущих векторов осуществления самоорганизации нами видится повсеместное утверждение проектной культуры. Как известно, пространство коммуникации формируется культурой. Именно она способна стать интегрирующей силой для восстановления разорванных связей, осуществления национальной и региональной идентичности. Помимо того, расширение культурного поля, как следствие, влечет за собой увеличение пространства выбора и утверждения жизненных стратегий. Проекты

самоорганизации интеллигенции могут также рассматриваться как проекты осуществления модернизационных преобразований на постсоветском пространстве.

О каких же проектах следует вести речь? Это, прежде всего, *проект сбережения населения страны и ее регионов, проект инновационного государственного управления и самоуправления, проект сохранения и развития научно-технической и гуманитарной интеллигенции, проект разработки системы перманентного мониторинга кризисов*. Обратимся к вопросу о потенциальных возможностях реализации обозначенных проектов – как на общероссийском, так и на региональном уровнях.

Задача *сбережения населения российских регионов* является, несомненно, первостепенной. Это проект сохранения самого населения, популяционного здоровья, повышения качества жизни людей в целом. В современной литературе широкое распространение получила концепция *человеческого потенциала*, основная идея которой состоит в следующем: социальное развитие следует нацеливать на расширение свобод человека, а именно – расширение возможностей каждого человека в реализации его потенций и устремлений, возможностей вести полноценную, здоровую и творческую жизнь. Концепция человеческого потенциала ориентирует на удовлетворение физических потребностей и желаний людей, а также духовных и других потребностей и ожиданий.

Как свидетельствуют Доклады о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, создаваемые в рамках Программы ООН в последние годы, все большее число российских регионов постепенно выходит на показатель (0,800), характеризующий регионы с высоким значением индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) – интегрального показателя, включающего доход (валовой региональный продукт на душу населения), долголетие (ожидаемая продолжительность жизни при рождении), уровень образования (грамотность взрослых и охват образованием детей и молодежи). На 2009 г. число таких регионов уже 55. Однако, как справедливо

отмечают авторы последнего Доклада, «... рост человеческого потенциала регионов России недостаточен для ускорения диффузии инноваций, создания условий для конкуренции регионов и городов за инвестиции и человеческий капитал, повышения мобильности населения. Модернизация и российское пространство все еще далеки друг от друга» [7, с. 139]. Добавим к этому, что осуществляемая в российских регионах социальная политика больше напоминает «латание дыр», нежели осуществление системной работы. Так, отмечая эффективность проявления усилий со стороны властных структур в деле социального оздоровления регионов (строительство дорог, школ, больниц, детских садов, газификация сел, поддержка талантливой молодежи и др.), эксперты-ученые Курской области акцентируют внимание на *социальной незащищенности* человека в широком смысле этого слова, на отсутствии системной работы в данном направлении. Решение же социальных проблем, отмечают они, требует осуществления тщательной продуманной, взвешенной *социальной политики*, в которой тесно увязаны между собой стратегические и тактические вопросы, а также реальные, конкретные проблемы. Последовательно осуществляемая проектная работа, несомненно, позволила бы осуществить важные шаги в этом направлении.

Проект инновационного государственного управления и самоуправления.

Существенной проблемой нового этапа осуществления реформ в системе управления социально-экономическим развитием страны выступает концептуальный выбор модели государственной службы и выстраивание адекватного вызовам времени механизма управления реформой. Современное концептуальное видение госслужбы по-прежнему являет собой эклектический конгломерат бюрократического и менеджеристского подходов, не выстроенных в сколько-нибудь связанную систему приоритетов [8]. Вместе с тем, в контексте осуществления действительной модернизации, с отчетливо выраженной инновационной составляющей, ведущей к экономике знаний, следует опираться на демократический режим и ценности, основанные на свободе и достоинстве личности, на его энергии и

инициативе. Исследователи связывают контуры инновационного государственного управления с осуществлением отказа от неэффективного авторитаризма сегодняшних политических институтов и выработкой новых, более устойчивых и успешных правил управленческой практики, реальным усилением роли общественных организаций и партий, конкурентных доминирующей партии. Судя по всему потенциал для реализации этого проекта в ближайшее время будет нарастать.

Проект сохранения и развития научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Проект нацеливает, прежде всего, на выстраивание последовательной стратегии образовательного процесса. В связи с этим, на повестку дня выдвигается задача воспитания *творческой самостоятельности личности*, способной осуществлять выбор и нести за него весь груз ответственности. Образованность соответственно понимается не как многознание или владение комплексом профессиональных навыков, а как развитость разнообразных способностей системного характера, высокая степень их продуктивности. Это понимание предполагает моделирование такой системы образования, в которой главенствующую роль занимала бы не традиционная трансляция знаний, умений, ценностей, норм поведения и т.д., а создание условий для развития разнообразных способностей личности. Благодаря такому развитию станет возможным построение на территории России *общества знаний*, имеющего в качестве фундамента развития основанную на знаниях экономику.

Проект разработки системы перманентного мониторинга кризисов. Как ни печально осознавать данный факт, но общество настоящего, ближайшего и даже отдаленного будущего – это общество риска. Производство все новых рисков становится неотъемлемой частью динамики социоприродных процессов. Все более востребованным становится развитие способностей преодоления все новых и новых опасностей, противостояния угрозам дезорганизации жизни. На повестке дня встает проблема управления рисками. Современное общество стоит перед необходимостью выбирать

стратегию своего развития, проектировать свое будущее на срок больший, чем жизнь 2–3 поколений. Неотъемлемой частью этого будущего выступает определение спектра рисков («приемлемого риска»), которые общество не считает неизбежными. Концептуальный подход «реагировать и выправлять» вытесняется концепцией «предвидеть и предупреждать», которая ориентирует на осуществление широкомасштабных теоретических и экспериментальных научных исследований, разработку законодательной базы, а также создание соответствующих управленческих структур.

Коммуникационные возможности интеллектуального сообщества в настоящее время значительно усиливаются с освоением Интернет-технологий. На наших глазах находят свою реализацию идеи создания сетевых сообществ с целью сборки единомышленников как в виртуальном, так и реальном пространстве. Идет формирование особой среды Интернет-сообщества, чутко реагирующей на происходящие социально-культурные и политические события, тонко улавливающей и моментально разоблачающей ложные вербальные конструкции политической демагогии. Более того, эта среда создает новые технологии проявления социально-политической активности – смартмобы, флешмобы и другие. Не вдаваясь в подробности, связанные с политической риторикой, следует обратить внимание на реальную возможность утверждения в сетевом пространстве не только тактических (а их число множится буквально на глазах), но и «стратегических площадок», способных объединить интеллектуальные ресурсы на решение актуальных социальных задач, создать дееспособное экспертное сообщество. Автопоэзис гражданственности реализуется через формирование разнообразных сообществ, способных предложить российскому социуму социальные проекты, являющиеся действительной альтернативой маятниковому движению политических и социокультурных процессов.

1. Меньшинство побеждает большинство: обнаружен переломный момент в процессе распространения идей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.planet-kob.ru/news/20110810/945>, свободный. Дата обращения: 15.05.2012 г.
2. Маленков В.В. Динамика гражданственности в России в постсоветский период: структурно-деятельностный подход: автореферат на соискание учен. степ. канд. социол. н. – Тюмень: ТюмГУ, 2006.
3. Lumen N. Die Gesellschaft der Gesellschaft, Frankfurt, 1997.
4. Аршинов В.И. Автопоэзис и коммуникация [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://synergia-isa.ru/deyat/download/sem21.doc>, свободный. Дата обращения: 15.05.2012 г.
5. Докторов Б.З. Современная российская социология: историко-биографические поиски. В 3-х тт. [Электронный ресурс]. – М.: ЦСПиМ, 2012. Режим доступа: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=122, свободный. Дата обращения: 15.05.2012 г.
6. Гельман В.Я. Россия в институциональной ловушке // Pro et Contra, 2010, № 4–5. – С. 23–38.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / Под редакцией А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. – 146 с.
8. Слатинов В.Б. Российская бюрократия в условиях административной реформы: агент или препятствие для модернизации? // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. Курск, 2010, № 2. С. 172-177.

Когай Э.А. Громадянськість як проектна альтернатива.

У статті представлені можливості розвитку громадянського суспільства в контексті теорії самоорганізації. Поняття автопоэзиса застосоване до комунікаційних систем. Запропоновані проекти здійснення соціокультурної модернізації російських регіонів.

Ключові слова: громадянське суспільство, самоорганізація, комунікація, проект.

Kogay E.A. «Autopoiesis» citizenship as the project alternative.

The article presents the possibility of the development of civil society in the context of the theory of self-organization. The concept of автопоэзиса applied in respect of communication systems. Proposed projects the implementation of socio-cultural modernization of the Russian regions.

Key words: civil society, self-organization, communication, project.

ПРИТЯЗАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА НА ОБУСТРОЙСТВО ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Горбань А.В.

В статье осуществлен социально-философский анализ феномена среднего класса через призму его потенциала, функциональных характеристик, а также проблем его формирования на постсоветском пространстве. Предложено новое социальное видение ориентации на Общее Дело – становление инновационного типа общества, основанного на его гражданском идеале.

Ключевые слова: средний класс, инновация, гражданское общество, интеллигенция.

Страны постсоветского пространства неизбежно сталкиваются с необходимостью формирования мощного социального базиса, способного уменьшить амплитуду социальной поляризации и дифференциации. Эту социальную нишу с успехом может заполнить средний класс, заявив о своих притязаниях на обустройство постсоветского общества.

В современной научной литературе часто применяется понятие «трансформационная структура общества», которое обозначает систему взаимосвязанных субъектов, деятельность и поведение которых служат движущими силами трансформационного процесса [1].

Первично это понятие было употреблено в социологии, но оно может применяться и в социально-философском анализе, поскольку позволяет понять, какие социальные макросилы содействуют обновлению, консервации или деградации общественного устройства. Реальные социальные сценарии во многом определяются расстановкой сил внутри трансформационной структуры общества. Средние слои общества в условиях наметившихся позитивных тенденций в обозримой перспективе могут стать средним классом. Среди таких тенденций исследователи выделяют:

- средние слои общества переходного периода рассчитывают, прежде всего, на свои силы, а не на государственную поддержку;

- они реализуют классическую функцию среднего класса – обеспечение технологического и социально-экономического прогресса;
- активно осваивают и распространяют образцы успешного социально-экономического поведения;
- средние слои переходного общества четко артикулируют нормативы и установки, разделяемые населением страны в целом, что соответствует функции среднего класса как носителя типичных этнонациональных и конфессиональных ценностей.

Позитивная оценка средним классом своей жизни теоретически может способствовать его стремлению к поддержанию социального порядка, если средним слоям есть, что терять. Современная структура потребления указывает на важнейший социальный сдвиг. Если обращение к медицинским услугам - зачастую жизненная необходимость, то использование дополнительных образовательных или оздоровительных ресурсов - отражение определенного стиля поведения, характерного для «классического» среднего класса. Средние слои репрезентуют ценности, характерные для всего населения в обществе переходного периода. Среди них установки на то, что в жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были спокойная совесть и душевная гармония; что свобода - это возможность быть самому себе хозяином; что человек должен иметь только те доходы, которые он заработал честным путем. [3, с. 58-67.].

Как следствие, выстраиваются особые критерии отнесения к среднему классу:

- определенный уровень дохода и наличие собственности;
- достаточно высокое образование, дающее возможность получения престижной профессии и обретения достаточно высокого статуса в обществе;
- представители среднего класса являются носителями особого социального мировоззрения, в условиях, когда ценности среднего класса в переходном обществе находятся в стадии формирования и

часто отличаются от ценностей других слоев общества;

- социальный состав среднего класса в транзитивном обществе разнообразен. В его структуре можно выделить: старый средний класс, объединяющий представителей малого и среднего бизнеса; высший средний класс, объединяющий профессионалов высокого уровня; низший средний класс - служащие, мелкие чиновники [см.: 3, с. 206-207].

Важную положительную роль в условиях трансформации социума и становления его социального базиса играет самоидентификация личности со средним классом. Отечественные исследователи в целом солидарны со своими зарубежными коллегами, что современный средний класс при нормальном развитии рыночной экономики и демократического государства, должен состоять из хорошо подготовленных профессионалов [4, с. 17-25]. Серьезное отношение к своей профессиональной подготовке, учебе, работе по специальности, карьере, выработке необходимых для этого личных качеств - важнейшие составляющие характеристики представителя среднего класса. Подлинный профессионал не пренебрегает в своей деятельности материальным вознаграждением за свой труд, честным заработком специалиста. Ему не чужды и стремления к этико-психологическим наградам, к тому, что мы называем моральным удовлетворением. Положительное значение могут иметь и мотивы профессионального честолюбия (но не тщеславия). Смысл своей деятельности профессионал черпает именно в служении делу. Предметом служения делу может служить успешное продвижение к моральному идеалу, и одновременно к вершинам профессионализма, которые служат ориентиром в своем деле.

Нравственный мотив профессионалов - стремление к успеху в своем деле, но одновременно и служение ему. Это - некий синтез признания и призвания. Человек, вошедший в средний класс, - это не что иное, как состоявшаяся личность, социально-нравственный тип прагматически ориентированного профессионала, который именно своими достижениями

заслужил право именоваться профессионалом. Современному профессионалу свойственно желание душевного равновесия, несколько напоминающего чувство удовлетворения, которое возникает у мастера своего дела, что, в свою очередь, не исключает постоянное недовольство собой, служащее мотивом самосовершенствования.

Анализируя роль и значение среднего класса в современном обществе, большинство исследователей сходится в оценках его стабилизирующей функции. Наличие сильного среднего класса является гарантией стабильности данного общества; отсутствие или недостаточное развитие срединной прослойки может быть показателем только потенциальной напряженности и, следовательно, уязвимости такого общества [5, с. 471]. Неравенство, отсутствие среднего класса и, соответственно, уязвимость целостности общества приводит к необходимости авторитарных режимов политической власти, жестких форм правления, дабы удержать общество в прежних границах. В то время как наличие сильного среднего класса дает возможность либерализации и демократизации общественной жизни.

Утверждение о стабилизационной функции среднего класса впервые появляется в работах классиков теории социальной стратификации. Даже К. Маркс, казалось бы, игнорировавший проблему среднего класса в принципе, был вынужден признать, что последний составляет основу власти господствующих социальных классов. Апогея эта мысль достигает в пятидесятые годы XX века в работах североамериканской структурно-функциональной школы. В то время чрезвычайную популярность приобретают теории «нивелированного общества среднего класса», «бесклассового общества», «общества созидания», «общества потребления», «массового общества». На III Всемирном социологическом конгрессе представительной группой социологов, в частности, Т. Маршаллом было заявлено о естественной смерти классов в классическом понимании и возникновении общества среднего класса. В качестве обоснования концепции, используются аргументы:

- устранению неравенства между людьми способствовало приобретение в современном обществе всеми равного социального статуса, всеобщего гражданства и прав, которые им даются; предписанный социальный статус и соответственно сходная траектория жизни, характерная для традиционных обществ, сменяется ныне статусом, основанном на достижениях, мобильность становится неограниченной, причем как «вверх», так и «вниз» по социальной иерархии;
- под воздействием процессов «отмирания государства», «диффузии собственности», «децентрализации власти» в индустриальном обществе исчезает господство человека над человеком;
- смещение значительной части экономически активного населения в сектор услуг привело к уменьшению количества рабочих, занятых в традиционных отраслях промышленности к численному увеличению белых воротничков, квалифицированных рабочих;
- экономическое благосостояние среднего класса мало способствует его включению в социальные движения радикального толка;
- для одной части среднего класса свойственно индифферентное отношение к политике, для другой - поддержка центристских общественных движений и политических партий;
- наиболее характерным термином, позволяющим определить социальную установку среднего класса, является категория «консерватизм».

Формирование среднего класса напрямую связано с нейтрализацией нарастающего социального неравенства, ведущего к социальным конфликтам в обществе и препятствующего стабильному развитию. В росте социальной поляризации ученые видят признаки социальной, а затем и физиологической деградации основной массы населения.

Постсоветские страны, встав на путь либерализации в экономике, и, тем самым, сняв с себя значительную долю ответственности за положение дел в ней, «аналогичным образом отнеслись и к социальной сфере, почти

полностью отказавшись от проблемно-ориентированной политики доходов» [6, с. 329].

В этих условиях крайне привлекательной выглядит идея форсированного формирования массового среднего класса, который, с точки зрения поддержания себя и воспроизводства будущих поколений, характеризовался бы высокой стабильностью, большими возможностями самовоспроизводства и установками на достижение более высокого уровня развития своих социальных качеств. Стабилизирующая роль среднего класса проявляется в разных аспектах: в процессе снижения социальной и иной напряженности в обществе; в деятельности представителей этого слоя как акторов проводимых в стране преобразований; в формировании новой идеологии и общественной психологии, адаптированной к изменившимся условиям экономической жизни.

Говоря о значимости среднего класса в процессе снижения социальной напряженности в обществе, можно отметить весомую роль среднего класса при решении проблемы борьбы с безработицей, то есть в деле обеспечения занятости населения. Речь идет, прежде всего, о создании рабочих мест в малом и среднем бизнесе, об обеспечении соответствующих доходов тех, кто занят в этом бизнесе. Стабилизирующая функция среднего класса проявляется и в формировании и транслировании определенных ценностных ориентаций, системы мировоззрения, в том числе и взглядов на политическое устройство общества. Так, идеалом в области экономического развития страны для большинства представителей среднего класса выступает экономика, в основе которой лежит развитие частной собственности с элементами государственного регулирования.

Стремление сохранить свой социальный статус, имеющееся материальное положение заставляют представителей среднего класса быть достаточно осторожными в оценках нынешней социально-экономической ситуации в целом и поддерживать те политические силы, чьи программы ведут к упрочению стабильности в обществе.

Средний класс транслирует образцы поведения, которые определяют устойчивость общества, стабильность его функционирования. Мировоззренческие ориентиры среднего класса противостоят субкультуре бедности, с ее повышенной агрессивностью и озлобленностью, культом силы и равенства, обвинением других в собственных бедах, специфическим пониманием успеха в жизни, элементами иждивенчества. Культура среднего класса выступает с иных позиций, она направлена на закрепление собственного успеха, пропагандирует культ опоры на собственные силы, собственную активность.

В нормальном рыночном обществе большую часть доходов должен приносить средний класс (самый массовый налогоплательщик). В экономико-социальном плане средние слои выступают носителями тенденции сглаживания противоречий между содержанием труда различных профессий, городским и сельским образом жизни. В сфере семейных отношений средние слои оказываются проводниками традиционных ценностей, сочетая их с ориентацией на равенство возможностей для мужчин и женщин в образовательном, профессиональном, культурном отношениях. В политическом плане для них характерен незначительный разброс вокруг центра политического спектра, что делает их и здесь оплотом стабильности, залогом эволюционного характера общественного развития, формирования и функционирования гражданского общества.

Для обеспечения устойчивого развития общества важно определение условий, при которых такое развитие может стать возможным. О подобных условиях писал Питирим Сорокин [см. 7]. Он установил, что устойчивость общественной системы зависит от двух основных параметров: уровня жизни большинства населения и степени дифференциации доходов. Чем ниже уровень жизни и чем больше различия между бедными и богатыми, тем популярнее призывы к свержению власти и переделу собственности с соответствующими практическими действиями. Развитый средний класс в

стране как раз и указывает, что основные параметры данного общества сбалансированы и устойчивы.

Достаточно большое влияние средний класс оказывает на развитие духовной сферы общественной жизни, формируя определенную идеологию и тип культуры. Многие представители средних слоев разделяют либеральные ценности, заинтересованы в расширении экономических свобод и поддерживают развитие рыночных отношений. Их конструктивная предпринимательская деятельность способствует «вживлению» рыночных отношений в организм экономики.

К так называемым «старым» средним слоям относится значительная часть квалифицированных специалистов, занятых в сферах науки, культуры, образования, права, телекоммуникаций и СМИ. Социально-инновационная активность этой группы направлена на интеллектуальное сопровождение реформ, рационализацию институтов социальной сферы, возрождение национальной культуры и системы образования. Особую роль играет научно-техническая интеллигенция. Она представляет собой достаточно широкий социальный слой. Интеллигенция образует наиболее массовое ядро во всех слоях среднего класса, сохраняя при этом свою социально-идентификационную общность ввиду единства базовой культурной общности, основу которой составляют соответствующее образование, рациональная система мышления и деятельности. Во многих случаях интеллигенция выступает субъектом действия, авангардом инновационных технологий.

Социальные трансформации, которые неизбежно наступают в результате поступательного осуществления модернизационных перемен, тем адекватнее и органичнее для общества, чем более деятельностные процессы их реализации импонируют и интериоризованы социальным сознанием всего иерархизированного социального слоя научно-технической интеллигенции. Основываясь на исследованиях М.Вебера можно отметить, что практические и утилитарные установки сами по себе еще не являются духовными

предпосылками для перехода от традиционного общества к современному капиталистическому. Помимо ценностей, аналогичных «протестантской этике», модернизация нуждается в целом комплексе идей, которые бы ее поддерживали и обосновывали. Другими словами, для успешной трансформации общества по пути модернизации необходимо формирование механизма этой трансформации на основе синтеза инновационных идеалов материального благополучия и стандартов потребления с традиционными идеями стабильности общества, преемственности духовного развития и идеалов Общего дела. Идея ориентации на Общее дело и соборность, служение общественным идеалам, отсутствие давления над обществом индивидуалистических утилитарных установок не содержит в себе стремления к голой наживе путем безжалостного подавления менее сильного, свойственного в определенной мере системе индивидуальной мотивации. Институционализация идеи сочетания инновационных и традиционных моментов развития общества невозможна без формирования на уровне общественного осознания идеи Общего дела – становления нового типа общества, основанного на его гражданском идеале, включающем как становление и развитие всего общества, так и отдельных его индивидов.

Если формирование мировоззрения среднего класса на индивидуальном уровне носит явно выраженный характер. Его представители по отдельности сознают, что они хотят от жизни и как добиться желаемого результата, то институционализация такого типа мировоззрения, выработка средним классом общих воззрений, идеологии, а также признание и восприятие этой идеологии на общественном уровне, проходит пока в спонтанной, завуалированной, нечеткой форме и проявляется в виде общественной поддержки или порицания представителями среднего класса тех или иных общественных явлений или событий.

Наиболее активна в этих вопросах интеллигенция, которая быстро и однозначно демонстрирует свою точку зрения на происходящее. Это

проявляется на примере событий политического и социального характера, и, в меньшей степени, в явлениях индивидуально-нравственного порядка. Институционализация мировоззрения среднего класса на индивидуально-бытовом уровне предполагает раскрытие его содержания, требует объяснения, каким образом благо индивидуальное трансформируется во благо общественное, что влечет становление нормальной «срединной», «мещанской» культуры и этики с ее ориентацией на стабильность и консерватизм, общественный и бытовой порядок, законопослушность, социальную сдержанность. Обычная мещанская добродетель, исключенная официальной идеологией из ряда положительных качеств человека, требует своего восстановления и реабилитации на уровне общественного сознания.

Таким образом, средний класс, мировоззрение которого ориентировано на выработку и поддержание этой культуры, может и должен служить фундаментом и основной движущей силой формирования новой идеологии, крайне необходимой обществу для успешности проводимых преобразований.

Инновационная роль среднего класса в современной общественной жизни постсоветского общества проявляется в разных аспектах:

- формирование среднего класса рыночного типа само по себе уже является инновацией социальной структуры постсоветского общества;
- При анализе возникновения этого класса нельзя сбрасывать со счетов и выбор определенных жизненных стратегий конкретных людей, который был бы невозможен без определенных психологических установок этих людей, их готовности быть актерами общественной жизни;
- Выбор жизненных стратегий породил, в свою очередь, модернизационный эффект в самом обществе. На долю среднего класса выпала миссия быть основными агентами проводимых в постсоветских странах рыночных преобразований;
- выполняемые средним классом функции в обществе связаны с целым рядом инноваций. Они касаются разных сфер общественной жизни.

Поскольку средний класс по своей структуре гетерогенен, постольку инновационный потенциал, а также его проявления у разных слоев среднего класса различны.

Средний класс имеет огромные потенциальные возможности инновационной деятельности. Однако на современном этапе общественного развития в силу разных причин он раскрыт далеко не полностью. Во многом средний класс играет в данном процессе вторичную роль, предоставляя проявлять инициативу в проведении инновационной деятельности политической элите и бюрократической верхушке, а также крупному бизнесу. Это значит, что у среднего класса еще остается достаточный, но не раскрытый потенциал, демонстрирующий обоснованность притязаний на оптимальное обустройство постсоветского общества.

Список литературы

1. Шабанова М.А. Социологическая теория трансформации свободы в меняющемся обществе: Автореф. дис...д-ра соц. наук. - Новосибирск, 2000.
2. Горюнова С. В. Средние слои и «средний класс» в современном российском обществе / С. В. Горюнова // Общественные науки и современность. - 2006. - № 4.
3. Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний / Туроу Л. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / [под ред. В. Л. Иноземцева.] - М.: Academia, 1989.
4. Аврамова Е.М. Формирование среднего класса в России // Общественные науки и современность. – 2002. - № 1.
5. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. - М.,2003.
6. Жеребин В.М., Романов А.Н. Уровень жизни населения. - М., 2002.
7. Сорокин П. Голод и идеология общества. Квинтэссенция. - М., 1990.

Горбань О.В. "Домагання середнього класу на облаштування пострадянського суспільства".

У статті здійснено соціально-філософський аналіз феномена середнього класу через призму його потенціалу, функціональних характеристик, а також проблем його формування на пострадянському просторі. Запропоновано нове соціальне бачення орієнтації на Спільну Справу - становлення інноваційного типу суспільства, заснованого на його громадянському ідеалі.

Ключові слова: середній клас, інновація, громадянське суспільство, інтелігенція.

Gorban A.V. "Pretensions of the middle class in the arrangement of post-Soviet society".

The article presents the socio-philosophical analysis of the phenomenon of the middle class through the prism of its potential, the functional characteristics and problems of its formation in the former Soviet Union. A new vision of social orientation of the common cause - the establishment of an innovation-based society in its civic ideals.

Keywords: middle-class, innovation, civil society, the intelligentsia.

АХІЛЛЕСОВА П'ЯТА СЕРЕДЬНОГО КЛАСУ СУСПІЛЬСТВА ПЕРЕХІДНОГО ПЕРІОДУ

Александрова О.С.

Для існування чисельного середнього класу сьогодні в Україні практично відсутні необхідні умови. Зараз у перехідному суспільстві формується протосередній клас, що за певних обставин може перетворитися в повноцінний середній клас. Для цього необхідно формувати відсутні домінуючі ідентифікаційні ознаки, властиві середньому класу в розвинених країнах.

Ключові слова: середній клас, протосередній клас, класичний середній клас, суспільство перехідного періоду.

Актуальність теми дослідження обумовлюється перманентністю кризи соціально-економічної і політичної системи в українському суспільстві, що відбувається в останні двадцять років його розвитку. Існування тіньової та елітної економіки, поглиблення олігархічних трансформацій, посилення тенденцій соціальної дезінтеграції та інші деструктивні процеси, що відбуваються в сучасній Україні, з новою силою демонструють першонеобхідність пошуку тих чинників, що сприяли б стабільності в суспільстві та подальшому його продуктивному розвитку на основі певного суспільного ідеалу. Саме таким чинником і є середній клас.

Ступінь наукової розробки проблеми. За останні два десятиліття проблематиці феномена середнього класу у вітчизняній і закордонній суспільній думці присвячено чимало робіт. Характерним для цих досліджень є обмеження їх суто соціологічними та/або економічними рамками, без застосування соціально-філософського аналізу феномена середнього класу в суспільстві перехідного періоду.

Дослідження специфіки середнього класу в суспільстві перехідного періоду визначимо за мету цієї статті. Разом з цим, для поглиблення розуміння слабких моментів його становлення наведемо деякі характеристики класичного середнього класу європейського зразка.

Середній клас у нормальній ринковій економіці – основний платник податків, від економічного становища якого залежать інвестиційна

активність населення, стан державного бюджету, реалізація державних соціальних програм та інші найважливіші соціально-економічні процеси. У ринковій економічній системі середній клас є оплотом соціальної стабільності. Гарантом соціального порядку середній клас робить його проміжне, середнє положення на матеріально-майновій шкалі, що свідчить про певні успіхи й досягнення належних до нього людей. Представники середнього класу зацікавлені в стабільності й, як мінімум, у збереженні своїх соціальних і матеріальних позицій. Прагнення закріпити досягнуте об'єктивно пов'язане з небажанням змінювати „правила гри”, оволодіння якими дозволило їм зайняти стійке місце в суспільстві. В процесі вертикальної мобільності середній клас також відіграє провідну роль.

У розвинених країнах середній клас у змозі усвідомити свої цілі і висловлювати їх політичною мовою. Саме він головним чином формує моральні стандарти суспільства, його ідеологію, оскільки завдяки своїй чисельності домінує в судовій системі, релігійних і політичних організаціях. У цілому його можна розглядати як гарант політичної свободи.

До цінностей класичного середнього класу європейського зразка як складових його культури можна віднести, перш за все, вимоги соціальної справедливості, прагнення стабільності у правовій державі, зацікавлення у тому, щоб держава сприяла розвитку дрібного й середнього бізнесу незалежно від форми власності, досягнення матеріального добробуту, що є основним двигуном його діяльності.

Класичному середньому класу властиві такі функції, що дозволяють йому відігравати позитивну роль в оптимальному розвитку суспільства: соціального медіатора; податкового донора; соціального контролю; внутрішнього інвестора економіки; соціального стабілізатора; носія базових компонентів національної культури і культурного інтегратора суспільства; він відіграє провідну роль у процесі вертикальної мобільності; забезпечує високу продуктивність праці; виробляє й поширює знання, інформацію; визначає характер і структуру споживчого ринку; зміцнює в суспільстві

інтегративні процеси, є головним актором у становленні й розвитку соціального партнерства; приймає та задає моделі споживчої поведінки; середній клас виступає як соціальний інститут, який впливає на ефективний розподіл, ієрархію та рівновагу економічної влади в суспільстві, що визначає доступ до ресурсів і структуру розподілу доходів; забезпечує ефективність економічної влади (її розподіл у суспільстві, ієрархію і рівновагу); він є джерелом відтворення кваліфікованої робочої сили; через інститут професій, який лежить в основі відносної стійкості середнього класу, відтворюється людський, культурний та соціальний капітал професіоналів і менеджерів; він забезпечує стійкий технологічний і економічний прогрес, тому що це елемент соціальної структури, який містить у собі осіб, які відрізняються високим професіоналізмом і громадянською активністю; середній клас є соціальною опорою й головною рушійною силою реформ і, у свою чергу, створює, освоює та поширює зразки соціокультурних й інноваційних поведінкових практик; інтелектуально забезпечує оптимальний розвиток суспільства.

У цілому, основною функцією класичного середнього класу західного зразка є забезпечення економічної, соціальної та політичної стабільності в країні.

Утверджуючи одиничність або справжність західного капіталізму, М. Вебер заперечував наявність ендогенних чинників становлення подібного в будь-якій з відомих йому цивілізацій, але потенційно допускав їх наближення до капіталізму західного типу через екзогенний вплив західної моделі розвитку.

Модернізація, яка перетворила унікальність Заходу в універсальний зразок розвитку, не приводила до тотожності західних і незахідних суспільств, а лише зближувала їх у деяких відношеннях [10, с. 29].

У сучасних умовах розвитку світових господарських процесів паралельно діють тенденції до конвергенції та дивергенції господарських систем при домінуючій ролі останньої. Тенденція до конвергенції таких

систем пов'язана з одномоанітністю техніко-технологічної складової економічного прогресу, яка є матеріальною базою будь-якої сучасної цивілізації. Дивергенція зумовлена культурними особливостями соціально-економічних систем [5, с. 186]. Одним із факторів, що сприяє дивергенції української економіки від світової економічної системи, є відсутність масштабного середнього класу як результату розвитку ринкової економіки і становлення громадянського суспільства.

Для існування чисельного середнього класу і сьогодні в Україні практично відсутні необхідні умови. Слід звернути увагу на той факт, якщо в західних країнах експансія ринку відбувається вже після того, як інші галузі (політика, сім'я, наука, засоби масової інформації) набули достатнього рівня автономії стосовно одна одної, то в суспільстві перехідного періоду ринкова експансія почалася ще до відокремлення цих сфер. У такій ситуації соціальні суб'єкти будують взаємодії в повній відповідності з ринковими імперативами (егоїзму й максимізації матеріального добробуту). Як результат – експансія ринку набуває особливо потворні форми [4, с. 38].

На думку Д. Лейна, силу або слабкість, стабільність або перехідність капіталістичного суспільства можна вивчати в термінах концепції громадянського суспільства. Громадянське суспільство створюють два основні компоненти. По-перше, економічні асоціації, що формуються групами власників приватних активів, використовуваних для одержання прибутку й реалізованих через ринок, за якими стоїть клас буржуазії. Другою складовою є соціальні й політичні асоціації, у тому числі політичні партії та неурядові організації. У першій, економічній галузі можна знайти рушійні сили й основне джерело підтримки капіталізму, що впливає з приватної власності на капітал. Друга сфера – це простір, у якому відповідні асоціації можуть формуватися і/або протистояти державі як легітимній формі влади [6, с. 26-27].

Громадянське суспільство в посткомуністичних країнах залишається слабким у двох сферах. Характерною особливістю перехідних суспільств

завжди була хиткість цих проміжних груп – і напередодні ери державного соціалізму, і після її завершення. Більшості посткомуністичних країн значною мірою бракує спонукальної енергії буржуазії та сильних неурядових організацій, які об'єднують людей заради загальної справи організацій, що надають громадянам можливість брати участь у місцевому й муніципальному житті.

Особливості ринкових трансформацій, у свою чергу, призводять до розколу суспільства на окремі групи, що дотримуються різних систем цінностей. У нас склався тип особистості, що може бути названий, як вважає Ю. Левада, „людина лукава (лицемірна)”: вона говорить одне, а робить інше [3, с. 81]. До такого ж приблизно висновку дійшов член-кореспондент РАН Ж. Тощенко, який використовує термін „людина парадоксальна” [9].

Спосіб життя кожної з верств суспільства позначається на моралі – нормах, зразках, мотивах і цілях поведінки. Середній клас має у своєму розпорядженні лише ті можливості, які доступні „людині лукавій (лицемірній)”, для неї характерна розбіжність слова і діла. Нижчий клас інколи просто не в змозі дотримуватися моральних норм через низький рівень життя [2, с. 228].

Від рівня моральності суспільства залежить не тільки його економічний і соціальний розвиток, але й історична перспектива. Суспільство, що допускає незадовільне матеріальне становище пенсіонерів й інвалідів, прогресування дитячої безпритульності й жебрацтва, не може вважатися моральним. Будь-який виробничий колектив з безпринципними, нечесними й безвідповідальними індивідами ніколи не досягне високих результатів у роботі, бо в цьому колективі ніколи не буде продуктивної конкуренції, а отже такий колектив не буде суб'єктом ринкових відносин і носієм ринкової ідеології.

Зауважимо, що моральність суспільства – це основа соціальної справедливості. Першим показником соціальної справедливості є розподіл доходів. Так, у Швеції на 20% найбагатших сімей у 1990-х роках припадало

37,5% доходів, а на 20% найбідніших – 12%, тобто коефіцієнт диференціації доходів дорівнює 3,1 разу. Невипадково середній клас у Швеції представляє понад 80% населення [7]. В Україні аналогічне співвідношення, за офіційними даними (у „тіні”, за різними оцінками, знаходиться 30-50% доходів), – майже 5 [1, с. 34]. Сюди ж можна віднести і такий критерій, як стандарти життя. Якщо в країнах Європейського Союзу відношення прибутку 10 відсотків найбагатших людей до прибутку такої ж кількості найбідніших становить 5:1-7:1 (у різних країнах), то в Україні – 40:1. Тому говорити про наявність соціальної справедливості в Україні поки що зарано.

У сучасній науці розроблені критерії для визначення класичного середнього класу. Ними є такі: особиста свобода, вільна самостійна економічна діяльність, власність, доходи, освіта, стабільність, певні соціально-економічні цінності.

У сучасному трактуванні *особиста свобода* може забезпечуватися тільки правовою демократичною державою. Хоча її побудова продекларована як одна з цілей проведених реформ, на сьогодні основне завдання полягає у створенні інститутів, які відповідають такій державі за назвами (Конституція, Конституційний суд тощо). При цьому слід ураховувати, що в перехідному суспільстві, у тому числі і в Україні, закон не розглядався як єдина норма для всіх, включаючи державних чиновників і державу, а народ – як джерело влади (у всякому випадку, юридично, а не декларативно).

Закон сприймається і владою, і народом лише як засіб (форма) впливу першої на громадян, а не як обмеження самої влади, що не зв'язана жорстким обов'язком дотримуватися юридичних приписів. При такій ситуації людина не може вважатися повною мірою особисто вільною, бо, у кращому випадку, має шанс на захист державою від протиправних дій інших людей, але не від сваволі самої держави. Це означає, що перша характеристика середнього класу у класичному його розумінні в нас відсутня.

Із самого початку *вільна самостійна економічна діяльність* значною мірою пішла в „тіньову економіку”, про що вже говорилося вище. Для стабілізації суспільного розвитку протосередній клас має займатися своєю економічною діяльністю легально, причому не за примусом. До того ж у нас, як підкреслює А. Ситников, до початку реформ не був розроблений національний морально-етичний і діловий кодекс ведення самостійної економічної діяльності, і просто сподіватися на те, що зі зміною законодавства, податкової системи та інших зовнішніх чинників малі й середні підприємці-„тіньовики” почнуть функціонувати аналогічно „середньому класові” на Заході, немає достатніх підстав [8, с. 29]. Отже, друга характеристика середнього класу в його традиційному розумінні також відсутня.

Основна частина *власності* була прямо або побічно отримана людьми, які ведуть самостійну економічну діяльність, через приватизацію. Однак методи проведення приватизації викликають серйозні сумніви в її повній законності. Дрібні акціонери – екс-працівники радянських підприємств – є лише номінальними власниками.

Номінальне володіння розбещено впливає на його суб’єкта й не формує ринкового погляду на власність, який і становить основу психології та соціально-економічних цінностей середнього класу. Таким чином, третя характеристика середнього класу, яка є досить специфічна і не в традиційному розумінні, властива для Західної Європи.

Доходи, відповідно до можливостей і якості життя українського „середнього класу” (точніше, груп осіб, які за шкалою доходів займають місце останнього) не збігаються з доходами представників середнього класу на Заході. Тому необхідно або знижувати стандарти доходів і споживання, за якими визначають український „середній клас”, або погодитися, що він займає неналежне місце й не може виконувати ту роль, яку відіграє в „цивілізованих” країнах.

Таким чином, п'ята традиційна характеристика середнього класу досить деформована.

Рівень *освіти* поряд з розмірами доходів – найважливіша додаткова характеристика „середнього класу”. У розвинених країнах між цими параметрами в останні роки існує тісна кореляція. Науково-технічна революція тут призвела до зміни економічного становища власника знань, прирівнюючи його до власника капіталу. Однак Україна знаходиться зараз у початковій фазі індустріального суспільства, коли знання ще не є самостійним чинником виробництва, через це володіння ними зовсім не гарантує одержання доходів, адекватних „середньому класові”. „Сама по собі ринкова економіка не несе в собі внутрішньої потреби в знаннях, її природний імператив – отримання прибутку. Єдиний варіант, при якому знання виявляться затребуваними, – швидке розгортання експортоорієнтованих виробництв високотехнологічної продукції” [8, с. 33].

Таким чином, у сучасних соціально-економічних умовах високий рівень освіти ще не є підставою включення її власників у „середній клас”, що не відповідає сучасним світовим тенденціям.

Особливості історичного розвитку країни не сприяли створенню широких середніх верств. При відсутності самостійної економічної діяльності, приватної власності, демократичної та правової (у західному значенні) держави в людей не могли сформуватися *соціально-економічні й культурно-етичні цінності* канонічного „середнього класу”. Відсутність їхньої усталеної системи й неможливість реанімувати її з минулого (як це відбувається в країнах Східної Європи і частково в Прибалтиці) буде перешкоджати становленню „середнього класу”.

Якщо 40-50% економічної діяльності знаходиться в „тіні”, то ні про яку *стабілізуючу роль* підприємців як потенційних представників українського середнього класу говорити не приходиться.

Отже, можна зробити такий загальний **висновок**: характеристики й критерії, за якими визначається класичний середній клас західного зразка в

сучасному українському суспільстві, відсутні. Ми можемо говорити про наявність протосереднього класу, що за певних умов і при вирішенні зазначених проблем може перетворитися в повноцінний середній клас. Для цього необхідно формувати відсутні домінуючі ідентифікаційні ознаки, властиві середньому класу в розвинених країнах. Незважаючи на тимчасові труднощі, пов'язані з неможливістю забезпечення певних групових стандартів споживання й матеріального добробуту такий підхід орієнтує державу й громадянське суспільство на використання вже існуючих можливостей для складання сукупності ознак середнього класу і гуртування його як класу.

список літератури

1. Васильченко В., Щетініна Л. Основні проблеми формування середнього класу в Україні / В. Васильченко, Л. Щетініна // Україна: аспекти праці. Науково-економічний та культурно політичний журнал. – 2006. – № 3. – С. 31–35.
2. Кудрявцев В.Н. Нравы общества переходного периода / В.Н. Кудрявцев // Вестник Российской Академии наук. – 2002. – Т. 72. – № 3. – С. 222–229.
3. Левада Ю. А. «Человек советский» десять лет спустя / Ю.А. Левада // ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. – М., 1999. – № 3. – С. 7–15.
4. Олейник А. Тоталитаризм рынка? / А. Олейник // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 28. – С. 38.
5. Предборський В. А. Детнізація економіки у контексті трансформаційних процесів. Питання теорії та методології: Монографія / Предборський В. А. – К.: Кондор, 2005. – 614 с.
6. Руткевич М. Н. Консолидація общества и социальные противоречия // Социологические исследования / Руткевич М. Н. // – 2001. – № 1. – С. 24–34.
7. Середній клас України: теорія та сучасні тенденції становлення / [Бондар І. К., Бугаєнко Є. О., Бідак В. Я. та ін.] – К.: Видавничий дім "КОРПОРАЦІЯ", 2004. – 582 с.
9. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек / Тощенко Ж. Т. – М.: Гардарики, 2001. – 398 с.

Александрова Е.С. Ахиллесова пята среднего класса общества переходного периода.

Для существования многочисленного среднего класса сегодня в Украине практически отсутствуют необходимые условия. Сейчас в переходном обществе формируется протосредний класс, который при определенных обстоятельствах сможет превратиться в полноценный средний класс. Для этого необходимо формировать отсутствующие доминирующие идентификационные признаки, присущие среднему классу в развитых странах.

Ключевые слова: средний класс, протосредний класс, классический средний класс, общество переходного периода.

Aleksandrova O.S. The Achilles Heel of the Middle Class in Transition Society.

For the existence of large middle class in Ukraine today there are practically no necessary conditions. Now in a transitional society formed the initial middle class, which under certain circumstances can become a full-fledged middle class. It is necessary to create the missing dominant identification features inherent to the middle class in developed countries.

Key words: middle class, initial middle class, classic middle class, transitional society.

УДК343+339.9

О «НОВАЦИЯХ» УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Колесников В.В.

В статье говорится о либеральной модернизации уголовно-правового регулирования экономических отношений. Показывается, как она влияет на экономическую преступность и коррупцию. Раскрывается, как в других странах понимается экономическая свобода.

Ключевые слова: либерализация уголовного закона, экономические преступники, коррупция, экономическая свобода.

Эти заметки – о «тихой» революции, которая произошла в России, о революции в сфере уголовно-правового регулирования экономической жизни общества. Она еще не осмыслена экономистами и обществоведами, не замечена юристами... Ее проспало общество, правозащитники и профсоюзы (хотя как может проспать тот, кого не существует в природе?!)... Вивисекция, которой был подвергнут наш уголовный кодекс под лозунгом его либерализации и гуманизации, затронула примерно две сотни статей. Главное состоит в том, что принципиальные изменения произошли именно в сфере нормативно-правового регулирования сферы экономических отношений. Нарушен конституционный принцип равенства всех перед законом. Впервые значительно снижены риски за совершение «беловоротничковых» преступлений (так называемая преступность богатых – бизнесменов и чиновников) по сравнению с рисками за преступные деяния «бедных граждан». К примеру, гражданин (предприниматель), подозреваемый в совершении экономических преступлений, в большинстве случаев не может быть заключен под стражу до суда. Под денежный залог он остается на свободе, а избалованный чиновник-коррупционер может откупиться от лишения свободы большим штрафом – проще говоря, может

дать взятку государству за то, чтобы оно освободило от суровой ответственности за получение взятки... И все это происходило под «песни о главном»: о необходимости предоставить больше свобод для бизнеса, освободить его от давления со стороны власти.

Разумеется, функционирование рынка и самой хозяйственной системы невозможны без достаточной экономической свободы, но каковы пределы этой свободы? Может ли государство ради этой свободы закрывать глаза на совершение бизнесом преступлений? Какова цена либерализации уголовного закона – коренного смягчения мер уголовно-правового воздействия на взяточников? Законодатель, вне всяких сомнений, руководствовался благими намерениями. Только дорога эта выстлана, видимо, в направлении прямо противоположном задачам укрепления общественной морали.

Поставленные вопросы носят принципиальный характер. От ответа на них зависит степень легитимности национальной экономики, правосознание субъектов экономической деятельности, должностных лиц системы государственной власти и управления, а также оценка людьми степени справедливости существующего экономического устройства общества. Казалось бы, ответы на второй и третий вопросы очевидны. Государство не может и не должно терпимо относиться к противоправному поведению как в сфере предпринимательства, так и сфере государственной власти и управления. Такова мировая практика и позиция стран с развитой правовой государственностью. Вместе с тем, есть основания считать, что у нас наметился определенный отход от таких традиций в сфере уголовно-правового регулирования экономических отношений. Посмотрим, в чем суть «модернизированной» политики противодействия криминальным явлениям в системе экономических отношений.

Когда в России начались рыночные реформы, в течение почти целого десятилетия отсутствовали уголовно-, гражданско- и административно-правовые нормы, которые бы адекватно отражали новые экономические и

социально-политические реалии и эффективно регулировали общественные отношения в условиях зарождавшегося рынка и предпринимательства. Новый уголовный закон, впервые включивший правовые нормы, дающие квалификацию рыночным видам преступлений в экономике и предусматривающие уголовное наказание за их совершение, был принят только в 1996 г., а вступил в силу с 1 января 1997 г. Большинство таких норм вошло в статьи главы 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». Иными словами, до 1997 г. новые виды преступлений в экономике – а это преимущественно преступления в сфере предпринимательства (*business-crime*), – совершались массово и повсеместно. Поскольку в законе они не были «прописаны», то за их совершение не было никакой сколько-нибудь серьезной ответственности. В странах с давними рыночными традициями за аналогичные преступления предусмотрено очень жесткое наказание, и зная это, бизнес старается не выходить за рамки правового поля, поскольку не хочет нести в результате колоссальные издержки (материальные и финансовые потери, утрату репутации и личной свободы).

Сложившийся правовой вакуум обусловил не просто массовое совершение экономических преступлений, а как констатировали криминологи уже к середине девяностых, привел к всеобщей криминализации экономики и экономических отношений. Эти процессы нами были проанализированы в одной из ранних монографий «Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты» (1994) [1].

Справедливости ради следует сказать, что последовавший затем период конца девяностых – начала «нулевых» годов в целом ознаменовался позитивным упорядочением системы правового регулирования экономической деятельности, ростом законопослушания в этой сфере, оздоровлением бизнеса, его антикриминальной санацией. Но уже тогда некоторые специалисты подметили и другую настораживающую тенденцию,

которую наиболее ярко выразил Ю.В. Голик: «Мы сегодня столкнулись с парадоксальным, казалось бы, явлением, когда борьба с преступностью, особенно преступностью экономической, стала рассматриваться властью как угроза самой власти»[2]. Он, наверное, первым распознал появление феномена опасности для властей предрождающих жесткого уголовно-правового регулирования сферы экономической (предпринимательской) деятельности. Видимо уже тогда стали формироваться предпосылки для будущей политики так называемой либерализации системы уголовно-правового регулирования экономических отношений.

В итоге мимикрия политического истеблишмента, обусловленная проникновением крупного капитала в структуры власти, привела к очевидному доминированию его интересов при выработке экономической политики и принятии нормативных правовых актов, призванных регулировать сферу экономической деятельности. Произошло то, чего больше всего боялся великий немецкий реформатор Людвиг Эрхард. Вспомним его завет другим политикам: «Ответственным за экономическую политику – я это подчеркиваю, – является исключительно государство, в рамках данных ему демократическо-парламентских компетенций и прав. Конечно, вполне законна заинтересованность предпринимателей в экономической политике, как и законно их право высказывать свое мнение, но им самим, как и их представительным органам нельзя вмешиваться в экономическую политику»[3].

Обратим внимание читателя на первый очевидный знак начинающейся либерализации уголовного законодательства в части квалификации коррупционных и экономических преступлений и определения ответственности за их совершение. Речь идет об отказе в российском уголовном законодательстве от самостоятельного института наказания в виде конфискации имущества. Такой отказ содержался в Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Он внес, пожалуй, первые серьезные изменения в УК РФ с момента его вступления в силу в 1997 г. Характерно, что

законодатель «успел» принять указанный закон за сутки (!) до подписания Российской Федерацией Конвенции ООН «Против коррупции», которое состоялось 9 декабря 2003 г. в Мексике. Сам по себе факт говорит о многом. Ратификация же Конвенции ООН «Против коррупции» Российской Федерацией состоялась в марте 2006 г. (Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ). Во исполнение требований конвенции конфискацию были вынуждены вернуть в УК РФ, что соответственно, и произошло в июле этого же года (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ). Только вернули ее уже не в качестве самостоятельного (и грозного) вида наказания, а лишь в качестве одной из мер уголовно-правового характера.

Важно отметить, что криминологи считают беспрецедентным изъятие института конфискации из уголовного закона на два с половиной года. Сам факт такого изъятия *volens-nolens* означает, что на это время «беловоротничковой» преступности – экономическим преступникам и коррупционерам – была предоставлена своего рода амнистия, созданы условия наибольшего благоприятствования для совершения противоправных деяний. Снижение рисков для преступников и преступлений всегда приводит к росту преступности. Это криминологическая аксиома. На практике это вылилось в экспоненциальный рост прежде всего коррупционных преступлений, в которых задействовано две стороны – бизнес, выступающий главным корруптером (взятокодающей стороной) и власть (чиновники-коррупционеры как взятокополучатели). По данным Фонда ИНДЭМ емкость рынка деловой коррупции в России за период с 2001-2005 гг. возросла примерно на порядок – с 33,5 млрд. долларов США до 316 млрд. долларов США и более чем в два раза (2,66) превысила доходы федерального бюджета [4].

Можно предположить, что поскольку с конфискацией удалось провести своеобразный кульбит, а гражданское общество и научная общественность (юристы, прежде всего) не смогли на это адекватно отреагировать, курс на либерализацию уголовного законодательства был продолжен. Второй и

главный этап либерализации (2009-2011 гг.) интересен еще в большей степени, поскольку в это время законодательные новации до неузнаваемости изменяют первоначальную конфигурацию и содержание главы 22 УК РФ, а также множества иных составов в части квалификации экономических и должностных преступлений, тяжести и характера наказания за их совершение. На этом этапе был принят целый ряд федеральных законов, которые поменяли вектор уголовной политики в отношении названных преступлений, принципиально ослабив ответственность тех, кто их совершает [5].

Вот как оценил ситуацию, к примеру, В.С. Овчинский: «Почему-то рамочный закон о полиции целый год обсуждался всем обществом. Это хорошо, но радикальные поправки к большинству статей УК практически нигде не обсуждались. Отзывы МВД, ФСБ, Верховного и Конституционного судов, Общественной палаты были весьма критические, но эти замечания проигнорированы. ...Ледокол гуманизации продолжает пробиваться через все преграды, невзирая на общественное мнение, мнение ученых, практиков» [6].

К чему привела либеральная модернизация уголовного закона? Сегодня, нельзя арестовывать лиц, подозреваемых в налоговых и большинстве иных экономических преступлений: мошенничестве, присвоении, растрате, обмане, злоупотреблении доверием, незаконном предпринимательстве, легализации преступно добытых средств и имущества, нарушении кредитных соглашений, ограничении конкуренции, незаконном использовании товарного знака, получении и разглашении коммерческой тайны, злоупотреблении при обращении ценных бумаг и при банкротстве, уклонении от уплаты таможенных платежей. Заключение до суда под стражу подозреваемых или обвиняемых в экономических преступлениях допускается только в исключительных случаях. Вместо этого предложено широко использовать денежный залог. Некоторые преступления в сфере экономической деятельности вообще декриминализованы, поскольку, по

мнению законодателя, перестали представлять общественную опасность: лжепредпринимательство (ст. 173) и контрабанда (ст. 188).

Как относиться к этому феномену, который точнее было бы назвать псевдолиберальным реформированием уголовного закона? Является ли он исключительно российским явлением? Первое, что следует подчеркнуть: он представляет реальную угрозу для нации, ее морально-нравственного здоровья и безопасности, и может остаться в новейшей российской истории и эволюции уголовной политики как знак некоего авторитарного перерождения системы отечественного права, определенного отхода от принципов цивилизованного устройства демократической политической системы. Второе: нельзя сказать, что этот феномен неизвестен другим странам – этой болезнью переболели многие, но ранее чем мы. Некоторые продолжают наследовать этот вирус и сегодня, только в значительно менее опасной форме.

С точки зрения теории институциональной экономики в происшедшем нет ничего нового. Такая практика мимикрии уголовного законодательства давно известна специалистам и изучена. Она появляется в связи с выходом на политическую арену влиятельных групп особых интересов. В агрегированном виде это, как правило, экономические и политические элиты, которые в силу деструктивных деформаций демократических институтов и процедур получают возможность эффективно лоббировать принятие выгодного для собственных интересов законодательства, в том числе в сфере уголовно-правового регулирования экономической деятельности.

Лауреат Нобелевской премии по экономике (1993) Дуглас Норт в классической работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» отмечает, что со становлением государства происходит неравное распределение силы принуждения, что создает возможность для тех, кто обладает большей силой принуждения, толковать законы в собственных интересах независимо от того, как это скажется на

производительности (соблюдении общего интереса, росте благосостояния) [7].

Логично предположить, что либеральная модернизация российского уголовного закона преследует стратегическую цель достижения неограниченной свободы экономической деятельности. На самом деле, под данным предлогом она может формировать легальные возможности избежать тюремного заключения за совершение экономических и коррупционных преступлений [8]. Это вполне осознанный реванш со стороны альянса крупного капитала и коррумпированных политических групп влияния, попытка возврата к порядкам девяностых годов (своего рода криминальный ренессанс), когда действовало правило «Разрешено все...». Сегодня либерализация – это тотальное сокращение поля правового регулирования сферы предпринимательской деятельности за счет декриминализации деяний, считающихся во всем мире преступлениями, и гуманизации наказаний за деяния, которые пока остаются в уголовном кодексе. Происходит такая мимикрия правового поля, как правило, вопреки мировому опыту уголовно-правового регулирования отношений в сфере экономической деятельности. Вспомним приговор создателю крупнейшей финансовой пирамиды семидесятидвухлетнему Бернарду Мэдоффу – некогда уважаемому бизнесмену, богачу-миллиардеру, дружившему со многими «сильными мира сего»: 29 июня 2010 года судом Нью-Йорка он был осужден к 150 годам тюремного заключения [9]. При этом он сразу, еще до суда был взят под стражу и помещен в тюрьму. В современной России и закон и судебная система удивительно благосклонны к лицам, совершившим аналогичные экономические преступления...

Западная практика жесткого отношения к «беловоротничковой» преступности и ее субъектам имеет свое отчетливое теоретическое обоснование. Один из авторов подхода, определяющего необходимость вынесения таким преступникам наказаний в виде лишения свободы, является Нобелевский лауреат по экономике (1992), основатель экономической теории

преступлений и наказаний Герри Беккер. Опираясь на разработанную им теорию человеческого капитала Беккер сделал вывод о необходимости применения дифференцированного подхода к наказанию «богатых» и «бедных» преступников, исходя из специфики ресурса, являющегося дефицитным для этих двух категорий: для первых субъектов это время, для вторых – денежные средства; следовательно, для первых, преступников (в «белых воротничках») наиболее эффективное наказание (с точки зрения сдерживающего эффекта) будет лишение свободы, для вторых – выплата штрафа (и принудительные работы для «зарабатывания» необходимых сумм) [10].

Закономерным итогом либеральной революции российского уголовного законодательства становится возврат к всеобщей криминализации экономики и системы экономических отношений, которая была характерна периоду девяностых годов. Можно назвать еще целый ряд реальных деструктивных последствий, отрицательных внешних эффектов: рост численности экономических преступников, расширение сферы деятельности организованной преступности в экономике, усиление практики «избирательного правосудия», стагнация экономики и невозможность ее модернизации, усиление имущественного расслоения граждан и дифференциации населения по уровню доходов и жизни, нарушение принципа социальной справедливости распределения национального богатства и национального дохода, возрастание социальной напряженности в обществе. Вместе они представляют реальную угрозу национальной безопасности, поскольку государство теряет правовые рычаги управляемости экономическими процессами, утрачивается социальный контроль над преступностью и единый нормативный порядок в обществе. Все это может привести к экспоненциальному росту криминала в экономике, сокращению правового поля воспроизводства цивилизованных рыночных отношений, потере инвестиционной привлекательности страны для иностранных и отечественных легальных капиталов, дезинтеграции единого экономического

пространства. Можно только догадываться, в чьих интересах может осуществляться такого рода сценарий, как и строить догадки в отношении того, почему одним из активных инициаторов либерализации и гуманизации выступает, в частности, отечественный Минюст. Последний, по словам его представителей, печется о «разгрузке» тюрем... Задача благородная, но если итогом ее реализации станет криминальный беспредел в экономике и обществе, она сама превращается в угрозу ключевым национальным интересам России! Остается пока без ответа и вопрос о том, почему нет публичности в обсуждении планов радикального реформирования уголовного законодательства о преступности в сфере экономической деятельности.

Завершая краткие заметки о новой системе уголовно-правового регулирования экономических отношений, спросим читателя: «Так на чьей же стороне закон?». Целевые действия по переписыванию уголовного закона навевают некие экзистенциальные ассоциации, в частности, вспоминается известный застольный тост: «Чтобы у нас все было и нам за это ничего не было!». Не в этом ли тайный смысл сегодняшних попыток грубой рихтовки уголовного закона?

Очерченный феномен служит четким индикатором состояния власти и общества. Поэтому правомерно сказать, что преодоление этого противоречия в уголовно-правовом регулировании экономической жизни в немалой степени зависит от позиции и активности гражданского общества, от осознания системности этой угрозы для национальной безопасности. Последнее, в свою очередь, связано с наличием активной позиции ученых и специалистов, которые обязаны донести до общественности диагноз латентного заболевания властных элит псевдолиберальной модернизацией и гуманизацией уголовного законодательства.

Убедиться в справедливости такого диагноза просто – нужно еще раз обратиться к опыту тех стран, которые доподлинно и много знают о свободе рыночных отношений в экономике и о том, как эту непреходящую

социальную ценность сохранять. Специально для российского читателя в 1999 г. главный редактор российско-германского журнала «Politeconom» немецкий профессор К. Херрманн-Пиллат отметил: «Главная сила, противостоящая рыночной экономике – власть как экономическая, так и политическая, порождающая бесправие в обществе и несправедливость в экономике. Поэтому защита рыночной экономики от власти – важнейшая цель ее политической составляющей. В этом и ни в чем ином заключается основная цель социальной рыночной экономики! Социальная несправедливость и социальные беды объясняются ограничением рыночной конкуренции вследствие «сращивания бизнеса с властью» [11]. Такое же понимание либеральных ценностей в экономике исповедовал и выдающийся реформатор Людвиг Эрхард: «Я глубоко убежден, что свободное предпринимательское хозяйство сохранится у нас лишь до тех пор, пока наше государство будет стоять на страже свободы. И если кое-кто в лагере предпринимателей этим недоволен, считая это ограничением свободы государством, я могу возразить одно: здесь речь идет о ложно толкуемой свободе, ибо нельзя, прикрываясь именем и принципами свободы, подавлять эту свободу» [12].

Остается надеяться, что такое понимание экономической свободы когда-нибудь (хочется верить, в обозримом будущем!) восторжествует в политике и праве, придя на смену известному принципу, описанному Джорджем Оруэллом в сказке «Скотный двор» – «Все животные равны, но некоторые животные ровнее!». Обыватель с тревогой вглядывается в «новую» политическую конъюнктуру: ждут ли нас иные парадоксы отечественного рыночного реформирования или будут преодолены накопившиеся?

Список литературы

1. Колесников В. В. Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты / В. В. Колесников. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994. – 172 с.
2. Голик Ю. В. От экономической преступности к преступной экономике // Организованная преступность и коррупция. – 2000. – № 2. – С. 50-61. К слову, проф. Ю.В. Голик в бытность президентства М.С. Горбачева возглавлял в его администрации правовое управление.
3. Эрхард Л. Благополучие для всех: Репринт. воспроизведение: Пер. с нем. / Л. Эрхард / Вступ. ст. Б. Б. Багряцкого, В. Г. Гребенникова. – М.: Дело, 2001. – 352 с.

4. Сатаров Г. Динамика коррупции в условиях аномальной экономики // Информационные ресурсы России. – 2005. – № 6. – С. 2-6.
5. Федеральные законы: от 29 июля 2009 г. № 216-ФЗ; от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ; от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ; от 7 декабря 2011 г. № 419-ФЗ; от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ.
6. Овчинский В. С. Ледокол гуманизации // Независимая газета. – 2011. – 5 апреля.
7. Норт Д. Институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – С. 72.
8. Ципко А. С. Борьба с коррупцией или новая либерализация. Инициативы Минюста подрывают сознание неотвратимости наказания за совершенное преступление // Новая газета. – 2011. – 17 марта.
9. Приговор «аферисту века»: 150 лет тюрьмы: [Reuters](http://reuters.com), [Взгляд](http://vzglyad.ru) [Электронный ресурс] // PRAVO.RU. – Режим доступа: <http://pravo.ru/interpavo/news/view/13362/> (дата обращения: 29.06.2009).
10. См., напр.: Becker G.S. Crime and Punishment an Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. N 2. P. 169-217; Becker G.S. The Economics of Crime // Cross Sections. 1995. Fall. P. 8-15.
11. Херрманн-Пиллат К. Социальная рыночная экономика как форма цивилизации // Вопросы экономики. – 1999. – № 12. – С. 49.
12. Эрхард Л. Указ. соч. – С. 133.

Kolesnikov V. V. On whose side the law: note about the new system of the criminal- lawful regulation of the

In the article it is discussed the liberal modernization of the criminal- lawful regulation of economic relations. It shows, as it influences the economic criminality and corruption. It is revealed, as in other countries economic freedom is understood.

Keywords: liberalization of the criminal law, economic criminals, corruption, economic freedom.

Колесніков В.В. Про «новації» кримінально-правового в суспільстві ризику

В статті говориться про ліберальну модернізацію кримінально-правового регулювання економічних відносин. Показується як вона впливає на економічну злочинність та корупцію. Розкривається як в інших країнах розуміється економічна свобода.

Ключові слова: лібералізація кримінального закону, економічні злочинці, корупція, економічна свобода.

УДК 130.2:141.333

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГЕМЫ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Лазарев Ф.В.

В работе обосновывается необходимость трансформации современной философии в «философию кризиса», которая востребована в специфических социокультурных условиях постиндустриального мира. Кризисные процессы, способствующие разрушению ценностно-смыслового горизонта личности, могут быть осмыслены и преодолены с позиций новых стратегем выживания, основанных на фундаменте общечеловеческой мудрости.

Ключевые слова: кризис, мудрость, постиндустриальное общество, выживание.

Предметом исследования выступает комплекс стратегем цивилизационного развития. Целью предлагаемой статьи в данном контексте выступает анализ ключевых сапиентных принципов выживания современного человека, актуализирующихся в условиях общественных трансформаций эпохи глобализации.

Споры о том, кому сегодня нужна философия как древнейший инструмент рациональной рефлексии, усилились с наступлением XXI века. Я полагаю, что и в наше время без философии обществу не обойтись, если иметь в виду философию в ее новых ипостасях. Сегодня она нужна как хлеб насущный не человеку вообще, а страждущей, мучающейся личности, т.е. тому, кто оказался в *кризисной ситуации*, когда все жизненные смыслы, цели и ценности обнаружили свою относительность и оказались под вопросом. Поэтому философия, желающая быть нужной в новом столетии, должна повернуться лицом к жизненному миру людей, лицом к человеку в кризисные моменты его бытия, когда он переживает крушение своего смыслового горизонта.

Другая востребованность философии в постиндустриальном обществе связана с поиском новых стратегем выживания современного человечества в

ситуации социального и антропологического кризиса. Все сказанное означает, что философия должна стать «философией кризиса», и этот ее поворот открывает новую духовную перспективу для обновления творческого потенциала самой философии, ее терапевтических и прогнозирующих возможностей.

В течение многих тысячелетий мудрость служила *искусством выживания* людей, групп, этносов, государств, цивилизаций. С помощью мудрости люди вырабатывали различные стратегии, обеспечивающие устойчивое существование в условиях нестабильного мира, шла ли речь о постоянных природных катастрофах или о нестабильности больших и малых геополитических систем. Искусство выживания в те или иные периоды истории прежде всего представляло собой определенную совокупность *стратегем*. Такими стратегемами были, например, принцип добрососедских отношений, («трубка мира»), принцип компромисса в конфликтной ситуации, принцип «мирного сосуществования», искусство диалога, принцип обратной связи, принцип доверия, верность договорам, осуждение вероломства. Важную роль в поддержании устойчивого существования играла, например, стратегема *союза* (союза людей, племен, княжеств, государств), обеспечивающая возможность совместной обороны, взаимопомощь в трудные, кризисные ситуации, чувство защищенности, веры в свои силы и т.п. Искусство выживания предполагало и выработку соответствующих этических норм и принципов – преданность своей родине, честность, самопожертвование, героизм, умение пренебречь в минуту опасности личными интересами во имя коллективных. Самосохранению этноса всегда служили культурные традиции и общие мировоззренческие убеждения, например, стратегема уважения к традиции, уважение к памяти предков и уважение к старшему поколению, как носителю исторической памяти рода и мудрости.

Сегодня, к традиционным стратегемам должны быть добавлены новые, отражающие качественно новую историческую ситуацию, с которой

столкнулось человечество во второй половине XX в. Речь в первую очередь идет о *глобальных проблемах* современной цивилизации. Начиная с 60-х годов, учеными активно разрабатывались модели и принципы выживания цивилизации в условиях нарастающей социальной, экологической и общепланетарной нестабильности. Очевидно, что мудрость человека возлагает на него особую ответственность за жизнеспособность социальных форм бытия и за биоразнообразие природы в целом. Прежние стратегемы выживания были нацелены на поддержание жизнеспособности и устойчивого, полноценного существования тех или иных исторических целостностей людей. Новые стратегемы касаются выживания человечества как целого.

Одна из центральных стратегем *выживания* человечества сегодня – осознание его исторической ответственности «за жизнь как таковую, за судьбу всего живого, за судьбу биосферы» [1, с. 51]. Осознанием такого понимания может стать принцип священности Жизни: «для человечества ничего не должно быть более важного, более значительного, более дорогого, более почитаемого, более любовно хранимого, более нерушимого, чем живое, чем Жизнь» [там же]. Этот принцип «...отражает глубинные, стратегические интересы человека и человеческого общества. Принцип необходим также как некий итог горького опыта, морального разлома, вызванного в целом трагической мировой историей, перенасыщенной бесконечными войнами и кровопролитиями, как формула, результирующая духовные искания совестливых людей в тревожном предчувствии надвигающейся катастрофы» [1, с. 51].

Вторая стратегема выживания связана с пересмотром понятия прогресса. Идея *прогресса* очевидным образом включала в себя две составляющие – качественную и количественную. Качественный рост был неотделим от количественного. Количественный рост, – о какой бы сфере человеческой жизнедеятельности ни шла речь – не может быть безграничным, особенно это касается таких параметров, рост которых

подчиняется экспоненциальному закону. На каком-то этапе экспонента неизбежно должна переходить в S-образную кривую. Во многих случаях в наиболее важных сферах человеческой жизнедеятельности безудержный рост вел к кризисным ситуациям уже в ближайшей перспективе. Впервые эта проблема была подвергнута специальному исследованию учеными, объединившимися вокруг «Римского клуба», возникшего в 1968 году по инициативе Аурелио Печчеи. Ученые были озабочены теми кризисными тенденциями, которые просматривались в развитии современной цивилизации. В 1970 г. группа ученых во главе с Д. Медоузом и Дж. Форрестером осуществила компьютерное моделирование некоторых из этих тенденций. Результаты этого анализа были представлены «Римскому клубу» в виде доклада «Пределы роста». В процессе моделирования авторы проследили взаимосвязь таких факторов, как население Земли, производство продуктов питания, промышленное производство и окружающая среда.

В каком-то смысле этот доклад стал поворотным в понимании целого ряда ключевых категорий философии истории, хотя сам по себе он отнюдь не претендовал на философский аспект проблемы. Анализ эволюции человечества как *целого* имеет свою специфику. Последняя в первую очередь связана с категорией меры как некоего абсолютного *предела* роста количественных показателей. Любая попытка людей преступить эту меру неминуемо ведет к глобальной катастрофе. В свете этого фундаментального обстоятельства необходимо пересмотреть такие категории как *развитие*, *прогресс*, связав их с категориями другого ряда – устойчивость, выживание, стабильность, кризис, катастрофа, распад. Осознание идеи меры как абсолютных пределов в саморазвертывании цивилизации на практике означало незамедлительную переориентацию в ценностях и глобальных целях человечества[2].

Благодаря усилиям участников «Римского клуба» стала вырисовываться еще одна новая стратегема выживания человечества перед лицом глобальных угроз. В 1983 г. создается Международная комиссия ООН

по окружающей среде и развитию (МКОСР) «Наше общее будущее». В 1987 г. на XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН был представлен доклад этой комиссии, в котором была предложена долгосрочная стратегия в области охраны природной среды. В докладе была выдвинута идея «устойчивого развития», под которым понималось «... такое развитие общества, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений не должно ставить под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности» [3, с. 50]. С точки зрения философии истории, в предложенной концепции впервые осуществляется синтез идеи прогресса и категории выживания в понятии «устойчивого развития» (sustainable development).

Состоявшаяся в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференция ООН по проблемам окружающей среды и развитию («Рио-92») представляла собой важный шаг на пути формирования концепции *устойчивого развития общества*. На Конференции был принят план действий «Повестка дня на XXI век», основанный на идее экономического, социального и экологического сбалансированного развития человечества на ближайшую перспективу. Удивительно то, что мудрую озабоченность ближайшим будущим человечества проявила горстка мыслителей-энтузиастов, а не правительства и парламенты ведущих стран мира. Лишь позднее благодаря авторитету ООН этими вопросами начинают заниматься государственные структуры, и то вяло и как бы нехотя. Мудрость в качестве особого феномена культуры исторически может обнаруживать себя на трех уровнях – повседневном, локально-цивилизационном и общечеловеческом. В наше время общечеловеческий уровень все чаще и чаще выходит на передний план. Если в связи с этим в полной мере принять во внимание тот факт, что в прежние времена проблемами выживаемости с точки зрения их осмысления и выработки соответствующих стратегем занимались мудрецы, то становится ясно, что и новые глобальные проблемы требуют обращения к сапиентным интеллектуальным ресурсам. Между тем, следует еще раз подчеркнуть, что сфера стратегических исследований и выработка адекватных решений

предполагает сочетание традиционных научных практик с качественной иной методологией многомерного видения реальности. К сожалению, такая методология все еще находится в стадии становления. Значительный опыт, который накоплен в этой сфере, что можно видеть хотя бы на примере «Римского клуба», до сих пор по-настоящему не осмыслен в философском отношении. Однако, если учесть, что наука и философия, внося решающий вклад в развитие ныне существующей европейской цивилизации, подошли в некоторых важных отношениях к исчерпанию своего познавательного потенциала, то приходится признать, что сегодня не существует другого резерва в культуре, как возможности сапиентного мышления. Наука становится все более специализированной. Очевидно также, что и те философы, которые свели все проблемы человеческого существования к «текстам» и к игре «в тексты», к фантомам виртуального бытия и к симулякрам гиперреальности, вряд ли способны разумно осмыслить сложнейшие проблемы современного мира и предложить адекватные решения.

Между тем, можно сказать: сегодня мы достигли такой точки (ее можно назвать точкой бифуркации), когда характер эволюции отдельных стран, так же как и развитие *всего человечества* определяется уже не только привычными «большими процессами» (политические противостояния, фундаментальные экономические и геополитические интересы сверхдержав, технологический прогресс и прочие), но и «мелочами» (с точки зрения историков), такими как умение вести диалог, признавать правоту оппонента, зрелостью и цельностью мировоззрения, системой ценностей, доминирующей у молодежи, и, наконец, тем, захотим ли и сумеем ли быть мудрыми в решении судьбоносных вопросов.

С этой точки зрения XXI век, как он разворачивается в своем втором десятилетии – век краха всех ожиданий, обозначенных в период подготовки к встрече нового тысячелетия. Ждали всеобщего мира – получили десятки локальных (и не локальных, если говорить о терроризме) войн; ждали

прогресса в сохранении природы Земли – получили тотальное уничтожение лесов бассейна Амазонки (легких планеты) и тысячи других подобных «экологических подарков»; ждали победы над болезнями – получили появление новых неизученных эпидемических заболеваний... Перечень можно продолжить, однако, главная проблема – почему? Почему движение вперед по времени оборачивается для людей Земли в массе своей регрессом в сфере благополучия, счастья, уверенности в завтрашнем дне? Больше того, ученые утверждают, что к 2040 году технологическое влияние на атмосферу, климат и природные ресурсы достигнут таких масштабов, что можно будет говорить о необратимой экологической катастрофе.

Чего не хватает человечеству, чтобы жить счастливо на такой красивой, богатой и гостеприимной планете? Знаний? Мощи техники? Силы? Ума? Веры? Эти гипотезы уже разрабатывались в ходе истории человечества (Вспомним век Просвещения, Век Разума, Век технического прогресса).

Похоже, что сейчас мы можем дать более точный ответ – не хватает *мудрости* (если под ней понимать сплав высокой этики, уважения к жизни во всех проявлениях, гуманизма, умения предвидеть, преклонения перед природой).

Естественно задать вопрос – а как же иначе выжить человеку Европы, если потребности растут, а ресурсы ограничены? - необходима мудрость, – политиков, бизнесменов, ученых, журналистов, общественных деятелей. Проблема слишком серьезна, чтобы к ней относиться легкомысленно. Проблема стоит не так: «Захватить, удовлетворить свои потребности, чтобы жить лучше», а «Ограничить потребности, чтобы сохранить – себя, государство, наконец, человечество». При этом существует известный парадокс – разумное ограничение потребностей, в конечном счете, доставляет человеку больше счастья и удовлетворения, чем потакание любой прихоти. Впрочем, здесь требуется специальный разговор, ибо речь в данном случае идет не о затягивании поясов и не о бюргерском принципе экономии на всем, а о более глубокой проблеме: выстраивании такой иерархии мотивов

поведения, таком самостроительстве личности, которое действительно обеспечивает выживание человечества и гармонизацию его отношений с природой и самим собой. Социальная психология в странах Европы пока не требует радикального пересмотра, но лишь активных корректив. Средства массовой информации, социологи, философы и работники культуры могли бы здесь многое сделать.

Утопичен ли проект поиска новой стратегии выживания, т.е. изменение акцентов природоохранной деятельности, в воспитании, образовании, организации досуга, социальной и индивидуальной жизни таким образом, чтобы в ней доминировали мотивы *мудрости и высокого гуманизма*? По всей видимости, не более, чем намерения *просветителей прошлого превратить в грамотных, образованных людей* плебс средневековой Европы. Эти намерения казались фантастикой, но прошло 3-4 столетия, и Европа стала другой. Мудрым человеку надо стать хотя бы потому, что иначе *homo sapiens* (человек мудрый) останется на Земле лишь в реликтовых отложениях. Будем надеяться, что государства Европы, поднявшие в XVI-XVII вв. флаги Просвещения, способны водрузить на свои флагштоки и знамена мудрости.

Не менее остро проблема стоит и перед славянским миром, который живет в эпоху перемен. Хорошо это или плохо, но так уж случилось. Эта переменчивая эпоха самой неотвратимостью своих трансформаций бросает нам вызов. Готов ли славянский мир как особая цивилизация дать ответ на вызовы современности? Ответ здесь зависит от того, сможем ли мы стать исторически вменяемыми субъектами. Такая вменяемость сегодня означает способность к исторической инициативе – способность отдельного индивида, творческой интеллигенции, культурной и политической элиты, наконец, народа в целом. В чем заключается эта инициатива? В коллективной решимости осуществлять *судьбоносный выбор*. Вот уж в который раз славяне находятся в «точке бифуркации». Речь идет о такой временной точке исторической эволюции того или иного народа, когда общество переживает глубинный кризис и возникает возможность новых сценариев развития.

Сегодня существует выбор лишь из двух возможностей: либо мы остаемся в лоне нашей тысячелетней *традиции*, либо мы покидаем ее и становимся маргинальной, бездомной цивилизацией без национальных корней, без духовных, культурных оснований, без почвы. Современная техногенная цивилизация усиленно толкает людей к маргинализации – через нравственный релятивизм, массовую культуру, наркоманию, порнобизнес. Так что нет ничего удивительного в том, что такая перспектива для нас вполне реальна. Для того, чтобы сделать исторически правильный выбор, который не вверг бы народ в годину лихолетья, нам, как никогда, нужна *мудрость*, этот древнейший пласт интеллектуальной культуры, задача которого – вырабатывать ценности и *стратегии выживания* индивида и рода. Сегодня нам нужна мудрость, адекватная новым вызовам истории, ибо существует необходимость заново осмыслить сложившуюся ситуацию с точки зрения наших национальных установок – кто мы такие и куда идем. Речь, таким образом, идет о нашей национальной и цивилизационной идентичности и о выборе пути развития. Дело осмысления исторического момента осложняется тем, что в наше время традиции как исконный дом бытия человека и маргинальность как бездомность предстают в новом свете, утратив свое некогда отчетливый смысл. И тот, и другой полюс обнаружили свою глубокую проблематичность.

Сложность для понимания прежде всего представляет то, что в нашу «эпоху перемен» подлинные традиции как культурные пространства производства человеческого в человеке во многом разрушены. Поэтому бездомному человеку некуда возвращаться, в полуразрушенном доме его никто не ждет. Если взять наше недавнее прошлое, то можно сказать: наш дом разрушили большевики, затем «перестройщики», а в последние годы – массовая культура. К счастью, родовой дом подлежит восстановлению, его фундамент и стены еще целы.

Несколько слов о другом полюсе, о феномене беспочвенности. Здесь сложность проблемы состоит в том, что традиции противостоит не просто

маргинализация. Последняя в современную эпоху вплетена в качественно новый контекст – в явление *глобализации*. Поэтому-то нам и нужна мудрость, чтобы глубоко разобраться с сущностью глобализационных процессов в трансформирующемся мире и понять тесную, но не простую связь этих процессов с феноменом отчуждения человека, с маргинальностью. Глобализация имеет несколько измерений. Первое – это научно-технический прогресс. Здесь нам от глобализации никуда не уйти и уходить незачем. Второе – это переплетение экономических отношений, финансовых потоков и мирохозяйственных связей. Этот вопрос выходит за рамки нашего обсуждения. Третье измерение – геополитическое. Любая ошибка, ведущая к слому геополитического равновесия в мире, может иметь глобальные последствия для судеб многих регионов мира. И, наконец, – социокультурный аспект обсуждаемого понятия. Здесь ситуация требует полной ясности и однозначности: глобализация представляет собой угрозу самой возможности полноценного существования традиции, локальных культур отдельных этносов и народов. Специфическую опасность в этом плане представляет экспансия массовой культуры. Впрочем, есть еще одна сторона глобализации, которую следует иметь в виду, говоря об этой проблеме в целом.

Выводы. Современная цивилизация все чаще порождает глобальные, общепланетарные проблемы, кризисы, катастрофы. Для их эффективного решения нужны не только большие материальные ресурсы, не только коллективная воля, но и адекватное осознание сути дела. А это значит, что всем нам нужна новая общечеловеческая мудрость, ибо мы стоим перед проблемой выживания человечества как целого. В этом случае глобализация подталкивает людей к необходимости поиска принципиально новых подходов и формирования новых традиций.

Список литературы:

1. Долматова Н.В., Джумок Г.А., Захарчук Л.М., Таланов В.М. Принцип священности жизни и экологическое образование / Н.В. Долматова, Г.А. Джумок // «Творческое наследие Вернадского и современность». («Вернадские чтения»), – Донецк: ДоНТУ, 2003. – С. 49-60.

2. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л. и др. Пределы роста / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз // Доклад по проекту Римского клуба. – М.: изд-во МГУ, 1991. – 80 с.
3. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – М.: Прогресс, 1989. – 120 с.

Лазарев Ф.В. Основні стратегії виживання людства в постіндустріальному суспільстві.

У роботі обґрунтовується необхідність трансформації сучасної філософії у «філософію кризи», яка у край потрiбна в специфічних соціокультурних умовах постіндустріального світу. Кризові процеси, сприяючі руйнуванню ціннісно-сміслового горизонту особи, можуть бути осмислені та здолані з позицій нових стратегій виживання, ґрунтованих на фундаменті загальнолюдської мудрості.

Ключові слова: криза, мудрість, постіндустріальне суспільство, виживання.

Lazarev F.V. The main survivals strategy of mankind in post-industrial society.

Need of transformation of modern philosophy in «crisis philosophy» which is demanded in specific sociocultural conditions of the post-industrial world is discussed in the article. The crisis processes promoting destruction of the valuable and semantic horizon of the personality, can be comprehended and overcome from the positions of new survival strategy, based on universal human wisdom.

Keywords: crisis, wisdom, post-industrial society, survival.

ОБРАЗ ЧУЖОГО В СОЗНАНИИ НАЦИИ

Марков Б.В.

Формирование наций было связано с гражданскими войнами, а под лозунгами свободы, равенства и братства интенсифицировался образ чужого. Эпоха становления национальных государств характеризуется международными конфликтами. Как выход из них, Кант предложил проект вечного мира, основанного на праве гостеприимства. Международные организации, возникшие после второй мировой войны, опираются на принципы мультикультурализма и толерантности. Но они не обеспечивают цивилизованного отношения к чужим. В этой связи целесообразно обратиться к изучению возможностей традиционных практик гостеприимства, благодаря которым наши предки преодолевали стресс чужого.
Ключевые слова: человек, национальное государство, чужой, гость.

Сегодня в нашем мультикультурном мире мы стоим перед радикальным вопросом уже не о другом, а о чужом. Хуже того, под воздействием террористических актов реанимируется образ врага. Расширение национально-этнических конфликтов толкает уже почти в пожарном порядке к какому-то более эффективному решению проблемы чужого, нежели принцип толерантности. Поиск решения осуществляется в альтернативных направлениях: во-первых, как продолжение попыток открытия единых оснований различных культур. Во-вторых, как стратегия мультикультурализма: не только по эпистемологическим, но и по моральным соображениям среди основных прав человека следует признать главное право – быть другим. Сомнения в принципе мультикультурализма вызваны протестами местного населения, права и обычаи которого не признаются приезжими. Если раньше мегаполисы выполняли роль «плавильного тигля» этносов, то сегодня они четко сегментируются в форме национальных кварталов. Приезжие создают свои анклав и постепенно вытесняют местное население.

С точки зрения политологии, рождение современных наций протекало под знаком вражды против того, что сословные нации называли «отечеством», и против партикуляризма материнского языка, который, по мере угасания чувства родства, стал квалифицироваться как чужой. Примером прощания с

символами отечества и материнского языка является рождение американской нации. Английское, французское и иное происхождение вытеснялось и забывалось. На место «народа», хотя это слово осталось в Конституции, был поставлен суверенитет нации. Однако новое национальное единство, как известно, сопровождалось элиминацией «чужих языков», оргией насилия и кровопролитной гражданской войной. В силу выполнения защитной функции, национальное государство развивает не только подозрительность, но и реальные средства слежки, надзора за чужими. Как пример, можно привести эволюцию таможни, разведки, политической полиции.

Национальная идентичность сегодня понимается как искусственный социальный конструкт. Нация – это политическое, а не этническое образование. Вместе с тем представители той или иной нации самоопределяются на основе языка, культуры, территории, труда и даже некоего родства, или «братства», как было написано на знаменах французской революции, К сожалению, мы живем в таком мире, где не действует завет: возлюби ближнего своего. Мир стал слишком тесным, и в нем господствует непризнание, виртуально он заражен расизмом сильнее, чем раньше. Для обеспечения мира еще И. Кант выдвинул концепцию Союза свободных наций, основанного на принципах равноправия. Спустя 200 лет после кантовского трактата о вечном мире появились такие надгосударственные организации, как Международный суд, Комиссия по правам человека. Сегодня возникли новые формы пацификации, порожденные глобализацией. Транснациональные кампании, банки, издательства, информационные концерны существенно ограничивают амбиции правительств тех или иных национальных государств, разрушают их классическую державную политику. Мировая общественность также институализировалась в форме разного рода негосударственных организаций, наподобие Гринпис или Международной амнистии. Благодаря интеграции в международные структуры, снимаются негативные последствия автономизации, а национальное государство переходит в новую

фазу развития, характеризующуюся открытостью границ, заинтересованностью в сотрудничестве и обмене (экономическом, культурном, информационном) с другими странами и народами.

Но «Союз народов», как о нем мечтал Кант, и современное «мировое сообщество» – конечно, разные вещи. Миротворческие интервенции НАТО вызывают подозрение, что универсалистский проект, на словах стирающий границу между своими и чужими, оказывается формой морального ханжества. Более того, он продолжает стратегию «маленькой победоносной войны», которая считалась политиками, вроде К. Шмитта, хорошим средством для поддержания боеспособности населения «первого мира».

Естественное право не видит никаких проблем в использовании насилия для достижения справедливых целей. В этом случае оно считается естественным, а потому законным. Такое положение стало основой террора во время французской революции. Оправданию насилия во многом способствовала дарвиновская теория борьбы за существование. То, что казалось в эпоху Дарвина естественным законом, на самом деле было инспирировано законами существования в условиях капитализма, подмеченными Мальтусом.

В рамках *позитивного права* насилие расценивается с точки зрения не целей, а средств. Насилие нельзя оценивать критерием справедливости, который применим к целям. Насилие как принцип подлежит нравственной оценке, лучше оценивать его критериями законности, применяемыми для оценки средств. Справедливые цели должны достигаться законными средствами, а оправданные средства могут быть использованы для достижения справедливых целей. Однако позитивное право слепо в отношении безусловности целей, а естественное – в отношении законности средств.

Теория позитивного права является приемлемой при оценке разных видов насилия независимо от случаев его применения. Она различает между исторически признанным и не санкционированным насилием. Однако для

различия между необходимым и неоправданным насилием, для оценки насилия с позиции справедливых и несправедливых целей нет четких критериев. Обычно насилие подвергается критике как при достижении естественных, так и правовых целей. В позитивном праве допустимы лишь юридически оправданные цели, достигаемые законными средствами. Естественные цели входят в противоречие с правовыми, если достигаются средствами, подрывающими правопорядок. Право монополизировало справедливость в руках государства и не разрешает индивиду использовать насилие. Таким образом, место различия "справедливое / несправедливое" занимает различие "правовое / не правовое".

В рамках теории позитивного права неопределенным остается вопрос о допустимости самообороны. Кроме того, не объясняется сочувствие народа по отношению к преступникам. Наконец, остается проблема легитимности революций и забастовок. Конституция не считает допустимым ни насильственное свержение существующего строя, ни право на всеобщую забастовку. Однако как быть в том случае, если власть не соблюдает интересов народа? Можно ли считать забастовку, как форму бездействия, насилием, если речь идет о реакции на насилие работодателя,

Сорель различал политическую и всеобщую забастовку. При политическом перевороте власть переходит от одной элиты к другой. Всеобщая же забастовка направлена против государства как такового. Первая форма протеста является правоустанавливающей, а вторая анархической. Сорель отклоняет любые правовые ограничения революционного движения. Революция – это ясный простой бунт. Наоборот, забастовки – это чаще всего безнравственное вымогательство.

Если право понимать как основу порядка, необходимого для мирного существования, то для его сохранения допустимо и насилие. Институт полиции соединяет правоустанавливающее (инструкции) и правоподдерживающее насилие. Отсюда возможность правонарушений в полиции. Её существование, по сути, означает, что государство не может

достигнуть своих целей посредством права. Если в монархии полиция выглядит как естественный атрибут власти, то при демократии ее действия часто вызывают возмущение.

Правоподдерживающее насилие оправдано угрозой в отношении жизни и собственности граждан. В определенном смысле сам закон, как показал Ф. Кафка, является угрозой для конкретных людей. Мифическая двусмысленность закона проявляется в том, что его нельзя переступить. Бывает, что законы не прописаны, и когда не знающий о них человек переходит границы дозволенного, он обречен на возмездие.

Нельзя не замечать двусмысленность права, в основе которого лежит правоустанавливающее и правоподдерживающее насилие. Можно ли снять противоречие интересов, не опираясь на насилие? В голову приходит христианское прощение и покаяние или их варианты в стиле Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Кроме принципа совести можно вспомнить о развитом чувстве стыда в примитивных общностях или о чести в сословном обществе. Ненасильственное урегулирование конфликтов не может опираться на правовые договоры, так как их неисполнение тоже приводит к применению насилия. Без насилия право перестает существовать. Даже парламент был продуктом революционного насилия. Да и сегодня он не является ненасильственной формой снятия конфликтов, так как опирается на право, в основе которого лежит насилие. Это подтверждается тем, что компромисс и договор чаще всего имеют вынужденный характер.

Правоустановление – это акт непосредственной манифестации насилия. Согласно Руссо, насилие учреждающего действия является гарантией власти. Что же кладет предел правоустанавливающему насилию? В. Беньямин считал, что подавление одного насилия другим (правоустанавливающим) подрывает его легитимность. Он выдвинул концепцию правоуничтожающего «божественного насилия», которое не вызывает чувства виновности и греховности, а действует искупляюще. Божественное насилие не является правоустанавливающим. Оно является уничтожающим, искупительным в

отношении собственности и других благ, но не в отношении другого. Что касается опасности его допущения, то оно ограничено заповедью "Не убий". Это не закон и не угроза наказания. Это не мера приговора, а руководство к действию, обращенное к индивиду.

Итак, насилие прерывается революционным насилием, отменяющим право вместе с сопутствующими формами насилия. Насилие по ту сторону права – это революционное насилие. Праведная война, божественный суд толпы над преступником – это формы божественного насилия. Они не являются ни правоустанавливающим, ни правоподдерживающим насилием. "Божественное же насилие, которое является знаком и печатью, но никогда средством священной кары, можно назвать властвующим (waltende)." [1. С. 95] Пожалуй, убийство в случае самообороны допустимо. Тот, кто его совершает, берет ответственность на себя. Но в отношении остального, например, революционного насилия, которое допускал Бенъямин, остаются сомнения. Можно ли расценивать революционное насилие как необходимую самооборону одного класса или народа против другого?

Ненасильственные отношения между людьми опираются не на право, а на культуру сердца. Вежливость, симпатия, миролюбие – вот основы ненасилия. Они реализуются на основе специфической технологии, например, беседы, диалога и иных форм соглашения. В раю нет места вражде и, следовательно, политике. Райская коммуна – это друзья, это место реализации этического отношения друг к другу, но и после убийства Авеля Каином встреча с врагом не заканчивалась фатально в масштабах целого. Люди продолжали жить вместе, мирились с врагами и соседями.

Как сегодня залечиваются раны войны? Чтобы ответить на этот вопрос надо выходить в сферу психоистории и рассматривать эволюцию сознания как победителей, так и побежденных. Сегодня, несмотря на победу в Великой отечественной войне, у старшего поколения россиян сформировалось сознание побежденных. Совсем иначе чувствуют себя немцы, которые удачно, без ресентимента и жажды реванша, вышли из

постстрессовой ситуации и уверенно лидируют в новой Европе. Нечто подобное происходит сегодня в сознании жителей Кавказа, которые осознали предательство элиты, втянувшей их в войну за независимость.

Традиционные общества обычно упрекают в ксенофобии, забывая при этом о культуре гостеприимства. В эпоху Просвещения под влиянием Руссо гостеприимство и дружелюбность стали антропологической константой и основой этики. Это подтверждалось рассказами путешественников об удивительной щедрости дикарей. Сходным образом Тацит описывал радушие древних германцев. Мало того, что их двери не запирались, они принимали, угощали и одаривали пришельцев, не требуя ничего взамен, давали необходимое, не прося цену. С одной стороны, поскольку эта щедрость проявлялась по отношению к любому, и у чужого не спрашивали ни имени, ни происхождения, постольку это позволяет утверждать «универсальность человечества». С другой стороны, эту щедрость можно интерпретировать как выражение детской незрелости людей, у которых представление о другом как индивидуальной личности попросту отсутствовало. Это дает основания полагать, что щедрость была законом до того, как сложились отношения эквивалентного обмена. Таким образом, торговля оказала разрушительное воздействие на традицию радушного приема путников.

На самом деле, развитие платного сервиса позволяет говорить о раздвоении частного и общественного гостеприимства. Первое ограничено сферой дома, второе государством и институтами общества. Попытка объяснить дружелюбие к гостю как первоначальный этос человечества не совпадает с традиционным восприятием чужого, который считался военной добычей и подлежал умерщвлению или рабству. Раньше чужого превращали в раба или в крепостного. Только на основе обмена, упорядочиваются отношения людей и появляется понятие «человечности», применяемое к чужим, в то время как беднота собственной группы унижена и голодает. Таким образом, право чужого определяется интересом группы в обмене и

торговле с другими сообществами. [2, с. 363] Гегель тоже связывал синкретизм дружелюбия и враждебности с неразвитостью правосознания. Свободный дар и принудительная дань являются эквивалентом бесправия. Храм, как место дружелюбия, и рынок, как пространство конфликтов, дополняют друг друга.

Общительность является, по Канту, антропологической константой, она изначальна. Чувства и эмоции коммуникативны по своей природе и связаны со способностью суждения. Людям приходится мириться с соседством, поэтому идея всемирного гражданства не является нелепой. Это и дает повод говорить о праве всеобщего гостеприимства. В «Метафизике нравов» Кант различал сообщество друзей и сообщество торгашей. Последнее экстерриториально. По сути дела, право торговли на любой территории не означает признания прав чужого. Он по-прежнему бесправен. Как альтернативу колониализму и империализму, Кант и предложил право гостя. [3, с. 279]

Гостеприимство, – скорее, идеал, чем реальность. Поэтому ксенософия – это удел философов. В истории народное право уступает место государственным законам и на смену гостеприимству приходит кодекс чужого. Другой расценивается как угроза или благо в зависимости от враждебности или дружественности отношений между группами. Даже если отношения между группами являются воинственными, другой воспринимается как враг, как добыча, но не чужой. В том случае, если щедрость дара постепенно уступает место отношениям обмена, чужие могут включаться в группу и выполнять внутри нее определенные функции. И в этом случае они остаются на периферии, и, в зависимости от ощущения опасности или безопасности, могут восприниматься как благо или зло.

Право гостя в средневековой Европе определялось торговыми интересами городов и вытеснило более древнее право чужого, которое сформировалось господствующими группами для оправдания захвата пленных. [4. С. 473] Гость приравнивался к горожанину, чужой же был

подданным. Народное право еще в XIX в. определяло чужого как временного подданного, частично наделенного и частично лишенного некоторых прав. Если попытаться суммировать право чужого из права добычи или права временного подданного, то получится, что права чужого приравнивались к праву на владение вещами и не включали прав личности. Если чужой имеет те же права, что и раб, то можно сказать, что он не имеет человеческих прав. С точки зрения территориально-государственного права, чужой или иностранец не имеет прав на общественную собственность. Он ценен лишь как владелец товара и денег.

В результате развития государства народное право, которое отчасти включало права гостя, раскололось на частное и общественное право. Монополизация права государством включала одну существенную поправку: ни индивид, ни группа не могут претендовать на закон гостеприимства, если они являются иностранцами, т.е. не принадлежат к данному правовому сообществу. Это ярко проявляется во время войны, когда иностранцев интернируют. Начиная с XVI в. подозрительность государства к иностранцам превратила гостя в чужого. Речь идет о постепенной идентификации пришлых с целью обеспечения безопасности. В дисциплинарном обществе надзора все под подозрением. Теперь допрос осуществляется прямо на границе, у городских ворот, у порога дома. На чужих, даже если они приезжают по делам торговли или церкви, накладываются серьезные ограничения.

Система записи имени и происхождения начала складываться в Европе уже с XIII века. Помимо службы и исповеди, священники были обязаны записывать в церковные книги даты крещения, бракосочетания, смерти. Кроме дат, естественно записывались имя и происхождение. Так церковь начинает брать на себя функцию божественного всезнания. Государство так же не отстает. В книгах приезжих фиксируется не только имя и происхождение, но и пол, возраст, профессия и прочее. Сначала удостоверением служили рекомендательные письма. Затем для военных

ввели предписания, где, кроме имени и звания, указывали задание. В Пруссии ввели нечто вроде паспорта для приезжих. В начале XIX в. в Австрии впервые были введены общие паспорта. Там указывали антропометрические характеристики: рост, цвет глаз и т.п., – всего около 30 параметров. В XX в. персональный паспорт становится обязательным, в нем указывается гражданство, которое не зависит от места проживания.

В наше время все боятся террористов, и поэтому тщательные досмотры пассажиров, даже на внутренних линиях, становятся обычным делом. Ни одно из солидных мероприятий не обходится без привлечения службы безопасности. Не стоит на месте и картотека. Если раньше туда попадали делинквентные личности, то сегодня в базе данных государства существует обширная информация о каждом человеке, включая его доходы и расходы, движение по службе, биометрические параметры и даже генетический код.

Старое различие "друг-враг", которое является опорой политического, до неузнаваемости трансформировалось в эпоху массмедиа. Ортега-И-Гассет писал о разобщенности индивидов в массовом обществе, а виртуальная социальная реальность характеризуется как интеграция путем устранения Другого. Враждебно то, что не принадлежит виртуальному пространству. Отсюда образ врага становится чрезвычайно размытым, так сказать «фантомным». К сожалению, производство символического врага тоже по своему опасно. Оно культивирует страх и усиливает агрессию PR-акциями.

Политическое решение проблемы другого не исчерпывается провозглашением принципов мультикультурализма и толерантности. В его основе лежит реалистическое признание чужого, который не является романтической выдумкой, а живет и работает рядом с нами в рамках современного многонационального общества. В силу этого он должен понимать государственный язык, разделять общие установки и ценности. Включенность чужого осуществляется в рамках единого культурного пространства, на основе рациональных переговоров и коммуникации. Если его не загонять в угол, например, урезая его социальные права, зарплату, и

заставлять думать, пить, есть и одеваться так, как это делают представители "государствообразующей нации", то он не станет абсолютным скептиком или террористом.

Подводя итоги, можно выявить несколько ипостасей врага:

- индивид или группа причиняющие вред;
- символ враждебности;
- механизм идентификации субъекта;
- способ скрыть собственную пустоту, нехватку (этому служит, по Жижеку, образ еврея).

Сегодня популярна психоаналитическая интерпретация образа врага как группового фантазма. Как "символический маркер" он уже не является сигналом к войне. «Фантомный враг», вырабатывается центром – элитой и посылается на периферию – рядовым гражданам для оправдания жестких мер. В символическом варианте враг по-прежнему расценивается как инкарнация дьявола. Например, Рейган объявил СССР «империей зла». Конечно, враги и преступники существуют, но их нельзя обвинять в сговоре с мировым злом. Это будет не уже суд, а инквизиция.

Список литературы

1. Беньямин В. Критика насилия. – М., 2012.
2. Ihering R. Von der Gastfreundschaft im Altertum. // Deutsche Rundschau. – Stuttgart. N. 51. 1992.
3. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в 6-ти т. Т.4, часть 2. – М., 1965.
4. Schulz A. Uber Gastgerecht. // Historische Zeitschrift. Bd. 101. – Berlin, 1998.

Марков Б.В. Образ чужого в свідомості нації.

Формування націй тісно було зв'язано с громадянськими війнами, а під гаслами свободи, рівності та братерства ідентифікувався образ чужого. Епоха становлення національних держав характеризується міжнародними конфліктами. Як вихід з них, Кант запропонував проект вічного миру, заснованого на праві гостинності. Міжнародні організації, що виникли після другої світової війни, спираються на принципи мультикультуралізму та толерантності. Але вони не забезпечують цивілізованого відношення до чужих. У зв'язку с цим доцільно звернутися к вивченню можливостей традиційних практик гостинності, завдяки яким наші предки долали стрес чужого.

Ключові слова: людина, національна держава, чужий, гість.

Markov B.V. Image another's in consciousness of a nation.

The formation of nations was connected to civil wars, and under the slogans of freedom, equality and brotherhood the image another's was kept. The epoch of development of the national states is characterized by the international conflicts. As the exit from them, I. Kant has offered the project of the eternal world based on the right of hospitality. The international organizations which have arisen after the second world war, lean on a principle of tolerance. But it does not provide the civilized attitude to another's. In this connection it is expedient to address to study of opportunities of traditional practice of hospitality, due to which our ancestors overcame stress another's.

Key words: the man, national state, another's, visitor.

СУДЬБА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

Кальной И.И.

Статья посвящена интеллигенции как субъекту гуманитарного образования и воспитания.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигент, общество переходного периода, преемственность поколений.

Переход от индустриального общества к информационному протекает болезненно для стран постсоветского пространства. Они отметили двадцать лет независимости от тоталитарной системы, демонстрируя несостоятельность завершить первый этап переходного периода, генерировать дееспособные идеи выхода общества в новое качество и обеспечить их осуществление. Чем обусловлена причина топтания на месте, почему мы оказались в обществе риска, где не работает старая шкала ценностных ориентиров, а новая еще не сложилась? - В первую очередь, это объясняется разрывом связи поколений.

Проблема «отцов и детей» датируется не усилиями И.С. Тургенева, а энциклопедистом древнегреческого мира – Аристотелем. Он возмущался тем, что молодежь теряет уважительное отношение к старшему поколению, и вместо того чтобы учиться, сама пытается учить родителей. Аналогичная ситуация сложилась сегодня. Напрашивается вывод, что так было всегда и что-либо менять бессмысленно, ибо это одна из закономерностей развития общества.

Если принять во внимание, что Аристотель – это последний луч Солнца перед закатом античного мира, исчерпавшего потенциал парадигмы космоцентризма и живущего в условиях, когда одни ценностные ориентиры рухнули, а новые еще не сложились, то возникает мысль о возможности параллели между тем временем, о котором повествует древнегреческий мыслитель и временем XXI века, которое несет на себе печать общества

переходного периода в условиях постсоветского пространства и глобализации мира.

Сравнения с прошлым проводить уместно, воспринимать информацию о прошлом полезно, но нельзя опыт прошлого экстраполировать на современность. Речь идет не о норме бытия общества и бытия человека в обществе, а о неприятном исключении, которое заявляет о себе как проблема общества переходного периода.

История Европейской цивилизации хранит память о трех обществах риска. Это Эллинизм, Ренессанс и Постмодернизм. Каждое общество решало свои задачи, формируя свою парадигму в формате новой философской картины мира. Общим для них была проверка на прочность преемственности поколений, которая заявляла о себе обострением противоречия нового и старого; реформаторов и консерваторов; молодых, жаждущих изменений и старшего возраста, уповающего на опыт и с опаской встречающего любые новые проекты.

Постмодернизм демонстрирует, что пройден первый этап общества переходного периода, когда разрушался старый мир и решался вопрос меры и целесообразности этого разрушения. Пришло время решать задачи второго этапа, выбирая один из вариантов от обращения к чужому опыту до поиска собственной стратегической идеи достойного ответа очередному историческому вызову.

На сегодня приходится констатировать отставание сложившихся форм освоения мира от динамики жизненного процесса. Кризис коснулся всех форм без исключения. Философия больше не претендует на статус «эпохи, схваченной в мысли современного человека». Этим объясняются внутренние коллизии философского цеха и заявка на промежуточный этап своего развития в формате философии Просвещения, которая всегда была своеобразной пропедевтикой общества переходного периода. Так было в эпоху Эллинизма, было так и в эпоху Ренессанса. Похоже, так будет и в эпоху Постмодернизма. О своем операциональном характере философия

заявляет, в основном, в статусе Просвещения. Иммануил Кант в свое время имел все основания сделать вывод о том, что «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия... Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-нибудь другого» [1]. Этот вывод не устарел и ныне, ибо гуманитарное просвещение означает не только возможность «устранить сумрак или муть» (В.И.Даль); наставлять на путь истины; развивать умственные и нравственные силы человека, но и воспитывает способность преодолевать чувство страха перед проблемами жизни. Страх амбивалентен. С одной стороны, он парализует волю индивида, а, с другой стороны, он выступает как один из факторов антропосоциогенеза. Поэтому несовершеннолетнему индивиду нужен Учитель, чтобы пройти между крайностями и не оказаться заложником одной из них. Человек, не обуздавший своего животного себялюбия, своего эгоцентризма, не открывший глаза на свое призвание – служить, не научившийся преклоняться перед высшим Смыслом и Делом, будет всегда потенциально опасным существом.

Философия Просвещения обеспечивает возможность сомневаться и искать, разрушать и созидать. Первый шаг на этом пути – гуманитарное образование, ориентированное на осуществление призыва дельфийских оракулов: «человек познай самого себя». Познавая себя, можно определить свой потенциал, уяснить свои достоинства и недостатки, приумножив достоинства и устранив недостатки.

В ходе гуманитарного образования через предмет (дисциплину) осуществляется взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность всех уровней бытия человека. Через наработанный опыт педагогической деятельности и его адаптацию учеником (студентом) снимаются противоречия между уровнем организма, где человек заявляет о воле к жизни через обмен веществ с окружающим миром, и уровнем личности, где человек заявляет о своей воле к власти над обстоятельствами социальной действительности, и, наконец, уровнем, где человек заявляет о воле к власти

над собой, утверждая свою духовную сущность. Дефицит духовности сегодня находит свое выражение в проявлении вандализма, расизма, омоложении преступности.

На уровне семьи процесс воспитания ориентирован в основном на передачу эмпирического опыта, навыков, приемов, знаний родителей своим детям. У детей формируется персонифицированный образ идеала в лице отца или матери, но этот образ имеет свою «ахиллесову пяту». Возрастная психология свидетельствует о том, что, достигнув 12-15 лет, подросток сталкивается с опытом двора и улицы, где бал правят свои авторитеты. Перед ликом этих авторитетов тускнеет персонифицированный образ родителей. Это уже предпосылка к пересмотру отношения к своим родителям. Зачастую любовь вырождается. Ее место занимает ненависть. Персонифицированный образ уступает место безличному идеалу, а может быть и идолу. Такая метаморфоза личного в безличное носит характер естественного процесса. Она сопряжена с переоценкой окружающего мира, несет в себе печать юношеского максимализма, готовность адаптировать то, что не требует особых усилий и ответственности. Запретный плод кажется слаще того, который предлагают родители, особенно в условиях, когда сами родители потерялись в обществе переходного периода, где обрушились стереотипы стабильного поведения; где неопределенность завтрашнего дня подменила ориентир перспективы на принцип «здесь и сейчас». Все это подтверждает, что есть проблема и ее нужно решать.

Решать заявленную проблему можно только через гуманитарное образование. Если гумус – это тончайший слой земли, который обеспечивает жизнь на Земле, то гуманитарное образование – это тончайшая пленка образования и воспитания. Она обеспечивает оптимальное решение противоречий между родовой, социальной и духовной сущностью человека, где разнопланово заявляют о себе «воля к жизни», «воля к власти над обстоятельствами», а также «воля к власти над собой».

Каждая эпоха и каждый народ (этнос), конфессия вносили свой вклад в развитие системы образования, актуализируя вопросы: какие знания должно получать подрастающее поколение и кто должен донести эти знания на уровне генератора, транслятора и воспитателя. Первоначально вопрос решался через единство образования и воспитания. В разных культурах оно нашло свое выражение в ипостаси Гуру, Сенсея, Наставника, Поводыря, Учителя.

Жизнь демонстрирует, что носитель (проводник) гуманитарного знания должен быть умным и честным, порядочным и принципиальным, воспитанным и образованным через приобщение к наработанному опыту, основу которого составляют гуманистические ценности. Он должен не только постигать истину бытия в мире, но и располагать мужеством отстаивать ее при любых обстоятельствах. Только в этом статусе Учитель обретает власть авторитета и способность влиять на подрастающее поколение. Другими словами, Учитель должен быть интеллигентом.

На роль Учителя претендовали мудрецы античного мира, позже – отцы Церкви, а в условиях индустриального общества Нового времени – так называемая интеллигенция.

Прежде чем обосновать свою версию о статусе интеллигенции в обществе риска приглашаю читателя поразмышлять над вопросами:

- что представляет собой феномен «интеллигенция»;
- почему интеллигенция одновременно является объектом апологии и критики;
- насколько обоснована претензия интеллигенции на статус духовного наставника общества, его интеллектуального поводыря;
- является ли интеллигенция определенным ресурсом модернизации общества или это продукт ее воображения;
- по каким параметрам интеллигент отличается от интеллектуала;
- интеллигенция – это составляющая интеллектуальной элиты или интеллектуального меньшинства, обреченного на выживание;

- интеллигенцию мучает совесть или ее социальная активность опосредована официальным долгом;
- почему интеллигенция идеологизирует коллизии общества, но когда дело доходит до их разрешения, она оказывается в состоянии своей невостреманности;
- притязание и призвание – это игра в слова или дисциплинарная матрица поступков, поведения тех, кто проходит по реестру интеллигенции.

Эти вопросы возникли не сегодня. Они были предметом исследовательской практики наших предшественников. Их ответы через призму реалий современности придают заявленным вопросам повышенную актуальность. Чтобы ответить на эти вопросы следует заглянуть в историю проблемы, рассмотреть теорию и практику ее разрешения.

Сто лет тому назад, в 1909г. вышел в свет сборник «Вехи», где «великолепная семерка мудрецов» - Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон и А.С. Изгоев, П.Б. Кистяковский, П.Б. Струве и С.Л. Франк составили свое представление о феномене интеллигенции, обосновав ее стратегию и тактику в условиях начала XX века, ее отношение к власти и народу [2]. Оценивая итоги революции, П.Б. Струве имел все основания заявить о том, что революция – это не оправданное вмешательство в исторический процесс. Результаты плачевны не потому, что революцию делали плохо, а потому, что ее вообще делали, вторгаясь в естественный ход событий. Несмотря на мировоззренческую разноплановость, авторы сборника в целом разделили позицию Петра Бернгардовича Струве.

Сборник вызвал поток эмоциональных публикаций, который условно можно разделить на критику и апологетику веховских идей, ориентированных на необходимость радикального обновления России, но не на путях революции. Представители критики и представители апологии опирались на свое представление об интеллигенции, искали и отстаивали свою правду, не прилагая особых усилий для того, чтобы исследовать

сущность интеллигенции, определить ее потенциал и обрести единое основание исследовательской практики.

Термин «интеллигенция» имеет латинское происхождение от *intelligens* (понимающий, мыслящий). В свое время Гегель определил философию как эпоху, схваченную в мысли, подметив, что каждая эпоха отличается от прошлых эпох уровнем развития мысли, способностью генерировать идеи, облекать их в термины, понятия. В процессе дрейфа от термина к понятию, мысль демонстрирует свое богатство и возможности его формализации в абстрактном образе. Нечто подобное произошло и с термином интеллигенция. Обозначая понимающего и мыслящего индивида, интеллигенция обретает свои синонимы в лице интеллектуального и культурного человека.

Интеллигенция складывалась как альтернатива мещанству, олицетворяющему застой, пошлость и самодовольство; как оппонент государству, тому безмозглому Левиафану, который выступал оплотом мещанства. Представление об интеллигенции было своеобразным синонимом коллективной совести народа с ориентиром на критику социальных пороков. Претендуя на статус оппозиции по отношению к власти, интеллигенция заявила о себе в качестве одного из факторов становления гражданского общества.

Процесс формирования интеллигенции как особого социального образования всегда протекал болезненно. Это было обусловлено специфическими условиями социальной действительности, а также тем субъективным фактором общественного развития, который воплощался в деятельности конкретных исторических личностей с претензией на лидирующее положение в обществе. История сохранила как положительные, так и негативные оценки интеллигенции.

Опираясь на авторитетные источники и осуществляя их сравнительный анализ, можно сделать некоторые выводы:

Во-первых, интеллигенция – это особый фрагмент общества, люди которого заняты интеллектуальным трудом. Их образ жизни и характер убеждений связаны с представлением о своей исторической миссии, как связующего звена, которое обеспечивает преемственность поколений средствами гуманитарного образования и воспитания. Их деятельность связана с поиском дееспособных идей.

Во-вторых, интеллигенция - это не целостное образование. Каждый социальный фрагмент общества создает условия формирования собственной интеллигенции, как субъекта защиты своих интересов. Чем сложнее социальная структура, тем разнообразнее интеллигенция этого социального образования, тем актуальней проблемная ситуация внутри этого общества. Примером тому может служить любое общество политического и этнического плюрализма, конфессионального многообразия и социального разнообразия.

В-третьих, интеллигенция является неотъемлемым элементом, ибо она выступает душой культуры общества, его духовным наставником. Органически соединяя общее и единичное, интересы целого и части, интеллигенция созидает основания идеологической платформы Общего дела.

В-четвертых, в каждой стране, в каждом фрагменте общества, как правило, есть свое интеллектуальное меньшинство, из которого формируется своя интеллигенция, с претензией на производство идей достойного ответа очередному историческому вызову, как нестандартной проблеме, не имеющей аналогов своего решения.

В-пятых, вероятно есть смысл искать различие между интеллигенцией и интеллектуалами. Этот поиск можно развернуть через оппозицию «мораль - нравственность», «долг и совесть». Есть и другие основания такого деления. Термин «интеллектуал» вошел в словарь французского языка в 90-е гг. XIX века. Интеллектуал определяется через меру профессионализма. Он обеспечивает процесс производства идей и их осуществление в технике и

технологиях цивилизации. Будучи непосредственно задействованным в одной из сфер системы общественного производства, интеллектual обслуживает общество, обеспечивает его управление. Если интеллигенция – это душа культуры, то интеллектual – визитная карточка техногенной цивилизации. Интеллигент по своей сути должен быть интеллектualом, но интеллектual далеко не всегда является интеллигентом.

В-шестых, интеллигенция может раствориться в служении Общему делу, но она не может преодолеть дистанцию, которая отделяет ее от массы. Она ориентирована служить на благо народа, а не конкретной национальности или конфессии. Поскольку статус народа страдает неопределенностью, то положение интеллигенции определяется местом между «молотом и наковальней». Она ориентирована на гуманитарные ценности, но в условиях, когда реальностью выступает не народ, а население, как механический конгломерат больших и малых групп различного основания, интеллигенция как интеллектualное меньшинство одной из социальных групп, вынуждена, в первую очередь, защищать интересы этой группы, а потом уже и интересы общества в целом. Такая практика, как правило, чревата коллизиями как на уровне целого, так и на уровне части.

В-седьмых, интеллигенция не имеет прямого отношения к собственности на средства производства, что создает для нее определенные трудности, а подчас и угрозу ангажированности. Любая форма ангажированности создает условия трансформации интеллигенции в свою противоположность. Она утрачивает свое содержание, свою идентичность, свою свободу, ибо она находится на содержании, «кормлении». С другой стороны, отсутствие прямого отношения к средствам производства делает интеллигенцию представителем интересов общества вообще. Ее ценностные ориентиры являются производными от гуманистических ценностей, а ее поведение - это «ежедневное и ежечасное несение подвига ради общечеловеческого благоденствия» (А.Ф. Лосев).

Все эти выводы позволяют ответить на вопрос, что может и не может интеллигенция, в условиях общества риска.

В целом, интеллигенция - это определенный ресурс перманентной модернизации общества, его духовный наставник, интеллектуальный поводырь, интеллектуальное меньшинство с ориентиром на поиск идей, которые должны лечь в основание ответа очередному историческому вызову.

Осваивая общечеловеческий опыт и обеспечивая преемственность культуры, представители интеллигенции не без основания претендуют на статус первооткрывателей, но деятельность интеллектуального меньшинства далеко не всегда воспринимается благожелательно. Интеллектуальному меньшинству противостоят три силы:

➤ любая власть тяготеет к консерватизму. Консерватизм обеспечивает власти стабильность и надежность в условиях ориентира на принцип «здесь и сейчас». Поэтому власть воспринимает новые идеи скорее враждебно, чем дружелюбно;

➤ большинство населения тяготеет к консерватизму. Даже в условиях «недожизни», когда люди не живут, а выживают, они предпочитают сохранять условия прожитого вчерашнего дня перед лицом новых идей, приумножающих неопределенность и непредсказуемость завтрашнего дня;

➤ первооткрыватели родом из прошлого. Они несут на себе печать сложившихся ценностных ориентиров и стереотипов поведения. Поэтому далеко не все идеи трансформируются в идеалы с последующим оформлением в дееспособные проекты. Иногда эти идеи обретают статус идола с трансформацией в состояние прожекта (очередного тупика), и тогда большинство вместо благожелательной адаптации идеи – идеала – проекта, заявляет о своей враждебности, которая находит формы своего выражения от словесного оскорбления до физического устранения. Тем не менее, деятельность интеллектуального меньшинства абсолютно необходима, ибо без его усилий рутинное большинство превращается в «биомассу», рекрутируя тех, кто обслуживает так называемую элиту общества.

Как особый посредник между будущим и прошлым, обеспечивая связь исторического и социального времени, интеллигент находится на дистанции с настоящим временем, выступая критиком (оппонентом) сегодняшнего дня. Вероятно, этим объясняется неостребованность интеллигенции практически во всех сферах управления, тяготеющих к консерватизму и демонстрирующих конъюнктуру с ориентиром на осуществление принципа «здесь и сейчас».

Такие качества интеллигента как честность, порядочность и принципиальность обусловлены не моралью конкретного общества, а той нравственной ответственностью человека в обществе, которая складывается в процессе образования и воспитания через приобщение к наработанному общечеловеческому опыту. Основу этого опыта составляют гуманистические ценности. Принадлежность к интеллигенции всякий раз напоминает о себе формулой «Положение обязывает». Кодекс чести и совести, порядочности и принципиальности создает условия превращения определенной части интеллектуалов в интеллигенцию, что существенно приумножает ее ряды, а также ее возможности претендовать на статус эталона нравственности, быть стержнем духовной культуры, выступая генератором дееспособных идей.

В обществе риска население не столько живет, сколько борется за выживаемость, используя любые средства вплоть до выбора девиантного поведения. Жизнь, как высшая ценность, трансформируется в феномен «недожизни». В этих условиях интеллигенция может и обязана занять свое место и выполнить свое предназначение, обеспечив «точку необратимости» на первом этапе переходного периода, поиска идей достойного ответа историческому вызову - на втором, и осуществление дееспособной идеи – на третьем этапе, где решаются вопросы выхода общества в новое качество. Эта уверенность обусловлена участием интеллигенции в осуществлении гуманитарного образования, которое является не только средством просвещения среднего класса, формирования идеологии Общего дела, но и важнейшим фактором преемственности поколений.

Противостоять деструктивным процессам современности может только возрождение подлинной интеллигенции. Путь ее возрождения лежит через осуществление гуманистической направленности системы образования. Гуманитарное образование обеспечивает не только подготовку специалиста - профессионала*, но, в первую очередь, подготовку человека с полной мерой человечности, включая ответственность за свое отношение к миру дальнему и ближнему. Гуманистическая составляющая системы образования предполагает:

- воспитание порядочности и совестливости;
- уважительное отношение к жизни и свободе других людей;
- ориентир на равенство, справедливость и солидарность;
- патриотизм, формирование гражданственности;
- предрасположенность к диалогу, компромиссу и толерантности;
- умение сопереживать;
- участное внимание, милосердие и благотворительность;
- умение отличать добро от зла, прекрасное от безобразного.

Гуманитарное образование и воспитание обеспечивают преемственность с наработанным опытом гуманистических ценностей и формируют общественные идеалы подражания, а вместе они прививают ту человечность, без которой человек все, что угодно, но не человек. Размышляя о своем времени, Леонардо да Винчи грустно констатировал факт того, что «мало человек в этом мире и много тех, кто проходит по реестру наполнителей нужников». Это не вина людей, а скорее беда общества, которое стало игнорировать гуманистические ценности, отдавая предпочтение звону «благородного» металла [3].

Без гуманитарного образования и воспитания исключается оптимальная преемственность поколений. Без интеллигенции не состоится тот средний класс, от усилий которого зависит судьба гражданского общества – надежды

* Сегодня общество во всех сферах и на всех уровнях испытывает дефицит профессионализма и человечности.

XXI века. Пока что приходится констатировать, что в постсоветском обществе отсутствует средний класс, но присутствует механический конгломерат больших и малых социальных групп, которые располагают своими основаниями и где в целом бал правит формула «обмани ближнего, пока он не обманул тебя». Отчуждение возводится в абсолют. Всякий другой рассматривается как чужой. Массовый потребитель, потеснив человека разумного, перестает размышлять о себе, о своей судьбе. Его не интересует смысл жизни. Он перестал читать классику, предпочитая телесериал жанра «ситкома». Не мучаясь и не ностальгируя, он погружается в «биомассу», где бал правит формула «здесь и только сейчас», где бессмысленно задавать вопрос о статусе «лишнего», «неуместного». Масса она и есть масса. Она живет с ориентиром доверия к «узким специалистам», довольствуясь «результатами» сомнительных опросов и экспертиз. Она заложник рекламы, продукт деантропологизации. Этому состоянию способствуют СМИ, переводя человека как личность на рельсы его статуса, роли, функции. Этот феномен размывает различие реального и ирреального, нормы и патологии. Мир реального уступает место миру симулякров. Девиантность воспринимается как норма. Образование замыкается исключительно на рынок, поэтому оно освобождается от гуманитарной составляющей. Воспитывает жизнь, а не интеллигенция.

Поскольку интеллигенция родом из прошлого, то идеи – проекты ее носителей могут оказаться и идолами – прожеками. Все это только подчеркивает непростую судьбу интеллигенции с претензией на первопроходца, приумножающего проблемный характер гуманитарного образования и воспитания. Тем не менее, можно констатировать, что интеллигенция, с ее способностью расшифровать знаки будущего в прошлом, по своей сути есть не только субъект будущего в настоящем, но и подлинный субъект гуманитарного образования и воспитания. Прививая человечность, она помогает людям решать проблему самопознания и вырабатывать оптимальное отношение к миру, открывая смысл своей жизни и коррелируя

смысл жизни с образом жизни, поступками в повседневной жизни и даже с отношением к смерти.

Воспроизводя и приумножая себя, интеллигенция может генерировать идеи достойного ответа очередному историческому вызову, осуществив свои притязания и выполнив свое призвание. Она может возродить в новом облике тех, кто ратует за сохранение Природы, за то Общество, где человек обретает чувство солидарности и надежду на справедливость, где он заявляет о своей самоценности, сохраняя за собой право равенства, по необходимости быть средством или целью. Чтобы «сказка стала былью», вертикаль авторитета власти в лице института государства и первые ростки современного гражданского общества должны холить и лелеять интеллигенцию, решая проблему ее расширенного воспроизводства.

Только через систему гуманитарного образования решается вопрос гармоничного воспитания личности и ее самоопределения. Не идентифицировав себя со своими, бессмысленно размышлять о смысле жизни и редактировать свой образ жизни, ибо познать себя можно только через другого и лучше, если этот другой – представитель своих, а не чужих. Последних в изобилии рождает общество риска. Реанимация и реабилитация конструктивизма идеи гуманитарного просвещения носит оптимистический характер. В условиях общества риска, конечно, это декларация о намерениях, а завтра – это потребность в гуманитаризации образования с ориентиром на возрождение духовного мира человека станет необходимостью, ибо «цель нашего существования заключается в воспитании гуманности, а все жизненные потребности только служат ей и должны вести к ней» [4].

Список литературы

- Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение?// Собр.соч. в 8 тт. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29-37
 Вехи. Интеллигенция в России //Сб. статей. – М.: Молодая гвардия, 1991- 462с.
 Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности - М.: Республика, 1994 – 447 с.
 Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества – М.: Наука, 1997 – 705 с.

Стаття присвячена інтелігенції як суб'єкту гуманітарної освіти та виховання.

Ключові слова: інтелігенція, інтелектуал, суспільство перехідного періоду, послідовність поколінь.

Kalnoy I.I. The intelligentsia in the risk society.

The article is devoted to the intelligentsia as a subject of liberal education and upbringing.

Keywords: intelligence, intellectual society in transition, the continuity of generations.

УДК 130.172

ДИХОТОМИЯ «ДУХОВНОСТЬ-БЕЗДУХОВНОСТЬ» В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Грива О.А.

Представленная статья посвящена анализу понятий духовности, бездуховности с точки зрения светской науки и религии. Автором сделан сопоставительный анализ данных понятий и внутри религиозной практики. Показано значение духовности, как феномена в практике жизни современных и будущих поколений.

Ключевые слова: духовность, бездуховность, псевдодуховность, история, культура, человечество, философия, религия, ценности, человек, антропологический кризис.

Постановка проблемы Ряд понятий - духовность, бездуховность и псевдодуховность – важнейший для определения координат, в которых мы живем сегодня и будут существовать будущие поколения. Названные понятия изучаются и используются всей сферой гуманитарного знания, но богословы, философы, политологи, психологи и педагоги – все рассуждают о «духовности» в свете своего предмета.

Базисом анализа данных понятий является аксиологическое разделение позиций религиозного и нерелигиозного сознания. «Вы за духовность с духовенством или без?» – ответ на такой вопрос мог бы сразу определить исходные позиции рассмотрения духовности и, соответственно, бездуховности.

Цель Выявление диспозиции духовность-бездуховность в религии, научной теории и практической жизни современного человечества.

Для выяснения представлений наших современников по этому поводу используем материалы российского сайта фонда общественного мнения [1]. Опрос населения в 100 населенных пунктах России в 2006 году показал следующее: на открытый вопрос: «Как Вам кажется, что такое духовность?» получен широкий спектр ответов. Четверть респондентов (25%) связывали понятие «духовность» с верой в Бога, религией, церковью; 21% опрошенных считали, что духовность – это совокупность положительных моральных качеств человека. К этой группе высказываний примыкают суждения, в которых духовность понимается как душевная чистота, мир, гармония - душевные качества; гармония внутреннего мира (7%). Восемь процентов участников опроса полагали, что духовность – это, прежде всего интеллектуальное богатство человека, его ум, кругозор, культура,

воспитанность. Ответы остальных опрошенных были так разнообразны, что их трудно свести к какому-то общему знаменателю. Одни опрошенные (10%) – определяли «духовность» как внутренний мир, внутреннее содержание человека, другие (5%) видели в «духовности» определенное мировоззрение человека, а также стремление к самосовершенствованию. Для третьих духовность – это «вера в хорошее»; «вера, надежда»; «любовь»; «вера в идеалы». Таким образом, резюмируем, что примерно четверть респондентов относит духовность к религии, вере, церкви, а оставшиеся 75% связывают духовность с определенными качествами, свойствами и состояниями человека, напрямую не связанными с божественным и религиозным. При этом следует отметить, что, скорее всего первая четверть более активно взаимодействует с категорией духовности и относится к ней не просто ответственно, а и деятельно. В то время, как для большинства остальных духовное содержание жизни не есть что-то определенное, а значит, и существенное.

Многообразие представлений о феномене «духовность» заставляет обратиться к этимологии термина «духовность», уяснить его различное толкование, чтобы выйти на уровень понятия. Анализ толковых словарей русского языка показывает, что расхождения в определениях духовности у лингвистов подтверждают широту того спектра, который характерен для понимания духовности у населения постсоветского пространства. Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что в светской (научной) традиции духовность сводится к мировоззрению, душевности, нравственности, интеллектуальности, добродетельности. В религиозной – это понятие выводится за пределы бытия души (психики). По апостолу Павлу – духовные люди – «водимые Святым Духом». Но в обоих случаях речь идет о высшей ценности природы человека, которая понимается по-разному в двух несовпадающих мировоззренческих и антропологических системах.

Если говорить о духовности, определяющей жизнь человека (так как дух это то, что наполняет человека), то и сама она должна иметь столь же

определённые свойства, как и те, которыми должен обладать каждый духовный человек, стремящийся к определённой цели. На этом пути особое внимание обращают на себя те, кто в своём личном опыте Богообщения стяжали духовность и даже святость, тем самым указали на те основные признаки, которые её характеризуют. Речь идёт о наследии Святоотеческой духовной жизни. В истории христианства, в истории человеческой культуры этот опыт изложен в многообразных трудах Святых Отцов с первого столетия и до наших дней. Самое важное, на что обращают внимание Святые Отцы, говоря о духовности это то, что если Бог есть Дух, следовательно, и духовностью можно назвать только такое состояние человека, которое соответствует Богу. Поэтому, всё то, что не соответствует Богу, духовностью назвать нельзя. Отсутствие Бога, то есть Духа подразумевает и невозможность духовной наполненности человека, то есть духовности.

Существует, однако, мнение о некоторой отчужденности восточной православной традиции от самого слова «духовность». Смысл термина применительно к православной церкви точнее передается словосочетанием «духовная жизнь», поскольку речь идет не о каком-то абстрактном состоянии, как, например, в западном богословии, но о действии Святого Духа в человеке. Православная духовность в этом отношении четко отличается от какой-либо другой духовности. Между разными видами духовности - есть существенный «водораздел», поскольку средоточием православной духовности является Богочеловек, в то время как другие религии замыкаются на человеке. А, так называемая, светская духовность, с точки зрения православной и вовсе есть бездуховность. В свете этого вопрос о соотношении духовности и бездуховности приобретает еще более сложные ракурсы рассмотрения. И здесь речь идет не только о «точке наблюдателя», а о сущностных характеристиках объекта.

Поскольку духовное состояние или духовность тесно взаимосвязаны со спасением христианина, то необходимо обратить внимание на то, как соотносятся эти понятия в разных христианских конфессиях. Так, известный

русский богослов и философ диакон Андрей Кураев по этому поводу пишет: «У католиков считают, что ты своими заслугами должен заработать себе спасение. Протестантские полемисты говорят: «Нет, ты только уверуй, Господь тебя Сам спасет. Тебе не надо никаких заслуг, добрых дел». Православие — это путь такой «царской середины», сотрудничества Бога и человека» [2]. Существует некий спектр духовности: от протестантской абсолютной пассивности — до обязательной католической активности. За отступления с обозначенного пути — отсутствие спасения, т.е. — смерть, притом, вечная.

Еще строже смотрит религиозная общественность на духовность другого толка — в духе экзотических религий, таких как кришнаизм; эзотерика, сектантские учения, магия, сатанизм, новомодные разнообразные духовные практики. В этих учениях духовность есть особый путь к ложному объекту — сатане, демонам, бесам. Назначение ее — способствовать спасению - не выполняется, а наоборот — актуализируется путь к развоплощению, в ад и тому подобное, что и есть вечная смерть. В данной традиции мир духовного напоминает горную страну, в которой жители, двигаясь к «Горнему» (Богу) взбираются каждый на свою гору, тем самым, субъективно приближаясь к Нему, но объективно удаляясь от тех, кто следует другими путями, т.е. взбирается на другие горы.

Таким образом, движение путями, ведущими к ложным целям или не ведущими по-сути никуда, с точки зрения религиозного сознания, и является псевдодуховностью. Нерелигиозное сознание идет примерно этим же путем: псевдодуховность — это движение к ложным ориентирам, подмена существенного несущественным. Но в этом отношении остается вопрос о разнице в понимании истинности духовных ориентиров для религиозной и нерелигиозной ментальностей.

Вопрос об истинной духовности столь же сложный, как и вопрос о том, какая религия является истинной; или какой образ Бога является истинным, а какой ложным? Он не может решаться с позиций чисто рационального

мышления, чаще он решается с точки зрения определённого опыта. И уже с высоты этого опыта можно судить о признаках ложной или истинной духовности. Еще теснее этот вопрос о сущности духовности связан с праксиологическими сторонами жизни. В зависимости от представлений о духовном, от личного опыта духовной жизни, человек выстраивает свои отношения с другими людьми и миром.

В материалистическом подходе духовное сводится, как правило, к нравственно-этическому. Вспомним, что мораль, по-сути, порождение ума, свод поведенческих правил, существующий для регулирования взаимоотношений в человеческом общежитии. Однако, существует и другой, более высокий уровень развития сознания, когда говорят не о пренебрежении к морали, к установленным в обществе нормам поведения, а о её трансцендировании. «В этом случае она уже не нужна, как не нужны костыли выздоровевшему человеку: он и без них может ходить, не падая и не спотыкаясь. Зачем правила дорожного движения тому, кто может летать?», - пишет известный современный богослов А.И.Осипов [3]. Мораль - это функционирование разума в этической сфере. Трансцендирование - никоим образом не циничное отрицание морали, а функционирование интуиции в сфере этического.

Различие между духовностью и моральностью может быть проиллюстрировано на примере религиозных людей, строжайшим образом соблюдающих все требования и все ритуалы своего вероучения. Но при этом их моральное и личностное развитие может удручать. Строгость к себе и безупречность в следовании всем предписаниям своей религии могут сочетаться с высокомерием и гордыней, презрением к грешникам, нетерпимостью и злобой к тем, кто имеет иное мировоззрение и позволяет себе жить по-другому. Состояние нетолерантности, агрессивности к инаковости достаточно далеко от истинной духовности, преисполненной сердечности, тепла, великодушной терпимости, любви – наконец. К тому же и гордыня, превозносящая свою «духовность» и сверх-человечность, также

указывает на отсутствие настоящей духовности. Обычный же человек, обыватель, не стремящийся к покорению вершин мира горнего, идеальной целью своего возрастания видит второй уровень – морально-нравственный, который вполне обеспечивает и комфортное состояние индивида, и его здорово-приличное функционирование в сообществе. На этом уровне хорошо работают характеристики коллективности, корпоративности, социальных ценностей, толерантности и многие другие, характеризующие современные ценности.

Можно выделить еще один подход к духовности - с точки зрения абсолютизации материального - это истолкование духовного как высших познавательных потребностей человека. Здесь можно ставить знак равенства между духовностью и образованностью или интеллигентностью человека. Зачастую высокодуховным считается человек, имеющий высокий культурно-образовательный уровень, склонный к высокому искусству, обладающий незаурядным интеллектуальным и эстетическим уровнем развития. Именно так духовность чаще всего трактовалась в советских идеологии, философии и педагогике. Но может ли количество посещенных концертов классической музыки или выставок живописи служить мерилем духовности? В обществе и сегодня достаточно широко распространен феномен «грамотной бездуховности». Человек может иметь приличное образование, владеть языками, зарабатывать хорошие деньги, но при этом быть безразличным к высоким ценностям бытия. С высокой образованностью вполне может уживаться махровый эгоизм и себялюбие, нетерпимость к другим, что не соотносится с высокой духовностью. Творческий потенциал и высокая художественная одарённость также сами по себе не говорят о наличии высокой духовности и не гарантируют высоких качеств человеческой личности. Духовность, будучи направленностью человека на иные, нематериальные ценности, в то же время, ни в коем случае нельзя путать с интеллектуальной, художественно-эстетической развитостью и эрудицией. Последними свойствами может обладать и душевный человек.

Рассмотрев основные взгляды на духовность с точки зрения религиозного и материалистического подходов, можно выделить и еще один подход, который нельзя однозначно отнести ни к тому, ни к другому. Речь идет, например, о ноосферном мышлении, которое отдавая духовности пальму первенства в человеческом развитии, подходит к потенциалу духовности с точки зрения «космического масштаба» человеческого бытия, т.е. «вписанности» человека во вселенские процессы. Рассматривая цивилизацию в контексте ноосферных идей В.И.Вернадского, ряд авторов видят в становлении ноосферы - современной биосферы, частью которой является человечество - прогрессивный итог и цель развития человечества [4]. В парадигме данного научного подхода заявляется так называемая светская духовность, трактуемая как «стержень внутреннего мира человека», который позволяет ему активно участвовать в переустройстве мира с ориентиром на обеспечение блага для всего человечества [5, с.11]. Для этого подхода к духовности, с точки зрения автора, свойственна недостаточная критериальность, характерная для двух предыдущих – религиозного и материалистического. На ее методологическую незавершенность указывают два факта. Во-первых, в условиях все еще развивающейся земной жизни и цивилизации говорить о конечной цели и итоге развития человечества, по крайней мере, неоправданно. Итоги и результаты в данном формате можно подводить исключительно промежуточные и то, не приходится говорить об абсолютности и неизменности этих оценок. Во-вторых, даже основоположники ноосферного учения, в частности, Пьер Тейяр де Шарден видел в ноосфере путь к Богу. Наиболее полное воплощение теория Эдуарда Леруа о ноосфере нашла в разработке Тейяра де Шардена, который разделял не только его идею абиогенеза (оживления материи), но и идею, что конечным пунктом развития ноосферы будет слияние с Богом.

Несомненно, что в условиях нравственного кризиса эпохи постмодерна, на фоне все возрастающей актуальности проблем, связанных с духовным развитием личности, с проблемами экологичности ее существования, эти

основные подходы к духовности – с религиозной и светской (рационалистической) точек зрения, а также синтетические, например, ноосферный, совместимо могут быть устремлены к благу человечества. Многогранный феномен духовности личности, как мы видим, имеет множество определений, но для автора в данном контексте особо важен его философско-исторический и этический смыслы. С точки зрения принципа всеединства, духовность есть интегральный феномен, характеризующий человеческую, социальную сущность личности как разумного и нравственного существа. В этой точке пересекаются духовность как свойство Духа Божия в человеке и духовность как интегральная личностно-социальная характеристика человека, как персональная нравственная культура. Грани духовности опосредствованы нравственной позицией человека в мире – его отношением к другим людям (ближнему, дальнему и, даже – врагам), к среде, в которой он обитает. Рассматривая духовность личности, как целостное образование, следует учитывать такие механизмы, которые помогают ей реализоваться в личности и в социуме, как самосознание, мораль, понимание смысла жизни, свобода, творчество, трансцендентность, картина мира и сценарий жизни.

Именно духовность – связующая нить между людьми: вертикально – между поколениями и горизонтально – между народами и другими группами современников. Духовные ценности служат развитию познания и деятельности личности во благо других людей, позволяют реализовать любовь к ним. Поэтому духовность есть обретаемое в жизни качество гуманистической личности и позитивное свойство человеческого рода, поскольку она развивается усилиями самой личности при благоприятных условиях, создаваемых предшествующими и современными ей поколениями. Тема связи поколений, ответственности перед потомками возникает здесь вполне закономерно, ибо от степени духовности общества, его способности реализовать себя по законам истины и добра зависит возможность реализации жизненных смыслов следующих поколений.

Таким образом, можно утверждать, что судьбы следующих поколений напрямую связаны с содержанием дихотомии духовность- бездуховность, так или иначе существующими в современном обществе. Их решение видится в осмыслении феноменов духовности-бездуховности, анализе дискурса духовности в современном обществе и действиях практического характера, лежащих в основном в педагогической плоскости.

Список литературы:

1. Сайт фонда общественного мнения. - Интернет ресурс.- Режим доступа: www.fom.ru
2. Кураев А. - Интернет ресурс.- Режим доступа: http://kuraev.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=7&Itemid=
3. Осипов А.И. - Интернет ресурс.- Режим доступа: http://www.bz.svshops.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=53:duxovnost&catid=1:latest-news&Itemid=64
4. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера.- М.Наука, 1989; Культура, человек и картина мира.- М.: Наука, 1987; Философия природы: коэволюционная стратегия.- М.: Интерпракс, 1995.
5. Безукладова Л.В. Состояние светской духовности в условиях техногенной цивилизации.// Автореферат диссертации ... кандидата философских наук.- Симферополь, 2011.- 16 с.

Грива О.А. Дихотомія «духовність-бездуховність» в теорії та практиці сучасної цивілізації.

Представлена стаття присвячена аналізу понять духовності, бездуховності з точки зору світської науки і релігії. Автором зроблений порівняльний аналіз даних понять і всередині релігійної практики. Показано значення духовності, як феномена в практиці життя сучасних і майбутніх поколінь.

Ключові слова: духовність, бездуховність, псевдодуховність, історія, культура, людство, філософія, релігія, цінності, людина, антропологічний криза.

Gryva O. The dichotomy of "spirituality, lack of spirituality" in the theory and practice of modern civilization.

The presented article analyzes the concepts of spirituality and spiritual impoverishment to the point of view of secular science and religion. The author made a comparative analysis of these concepts, and in religious practice.

The significance of spirituality as a phenomenon in the practice of modern life and future generations.

Keywords: spirituality, lack of spirituality, a pseudo history, culture, humanity, philosophy, religion, values, people, anthropological crisis.

УДК 001.92:130.2

НАУКА И ДУХОВНОСТЬ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Трифопова М.К.

Статья посвящена исследованию специфики современной науки как особого типа духовности и социокультурного института, важнейшей особенностью развития которой является усиление значимости инновационного сегмента в результате непосредственного включения научной деятельности в рыночные отношения постиндустриального общества.

Ключевые слова: наука, духовность, инновация, научно-технологическая революция.

Предметом обсуждения статьи выступает проблема исторического взаимоотношения науки и духовности в условиях современного цивилизационного развития. Цель настоящего исследования – показать глубинную связь науки как способа теоретического освоения мира и особого культурно-исторического типа духовности.

С начала XXI века мир вошел в фазу глобального переустройства и резкого нарастания кризисных явлений в сфере экономики, науки, образования. По мере того, как он втягивается в этот процесс кардинальных трансформаций, все острее встает вопрос о возможных альтернативных моделях развития на ближайшую перспективу. Современное общество вступило в такой период своего существования, когда оно оказалось перед необходимостью готовить подрастающее поколение к жизни в условиях быстроизменяющегося и глобализирующегося мира. В решении этой новой цивилизационной задачи оно прежде всего обращается к *упреждающе адаптационным возможностям науки и образования.*

XXI век интересен не только небывалой динамикой научно-технических и социокультурных перемен, не только своим особым отношением к *будущему*, но он уникален и своим отношением к *прошлому*. Именно на рубеже XX и XXI столетий в известном смысле завершаются многие социально-политические процессы и цивилизационные культурно-исторические проекты, порожденные гуманистическим оптимизмом эпохи Возрождения и бунтарским духом Нового времени: это и стремление отдельных народностей и наций к самоопределению; это и попытки конструирования и воплощения в жизнь утопических проектов построения «идеального общества»; это и повсеместное внедрение просвещенческого

Проекта с его опорой на модель универсального общественного Прогресса и многое другое.

В этом контексте наука как культурный феномен и социальный институт не является исключением. Сегодня пишут не только о «конце истории» (Фукуяма), – многие публицисты, философы и ученые обсуждают и проблему конца науки. Так, Джон Хорган в 1996 г. опубликовал книгу «Конец науки», в которой утверждает, что эпоха великих открытий закончилась и нам так никогда и не постичь главных тайн «божественного разума» (Стивен Хокинг). Парадоксально выглядят и выводы американского физика Джеймса Хьюбнера, который полагает, что если сопоставить темпы роста населения и число научных открытий – окажется, что это соотношение нынче приближается к эпохе «темных веков» (периода после развала Римской империи и до эпохи Возрождения). Другие связывают «закат фундаментальных наук» с исчерпанностью уровней реальности, в принципе доступных научному исследованию человеческой цивилизации, третьи считают, что «времена, когда наука развивалась ради поиска «объективных истин»...» прошли окончательно и бесповоротно» [1, с. 115]. В развитых странах научная деятельность переструктурируется таким образом, чтобы ее последнее звено оказалось бы начальным звеном определенного производственного цикла. Тем самым утрачивается своеобразие науки как особого социального института и она может включиться либо в сферу непосредственных производительных сил общества, либо в сферу обслуживания производства и потребления.

В эпоху глобализации и научно-технологической революции наука все больше утрачивает свою культурную, интерпретативно-мировозренческую функцию и, напротив, усиливает свое чисто техническое, прикладное, инструменталистское измерение. Она перестает быть авторитетом в духовных, смысложизненных поисках людей. Отказываясь от своих былых претензий быть духовным наставником человечества, наука не только становится рецепторно-технологической и инновационно-

прикладной, но и к тому же оказывается неспособной восполнить свою ценностную пустоту какой-либо другой этической базой и тем самым вообще выходит за пределы нравственных оценок. Моральный вакуум, в который заметно погружается научное сознание, однако, может иметь множество негативных последствий для жизни социума в целом.

Известный футуролог И.В. Бестужев-Лада, опираясь на отечественные и зарубежные научно-технические прогнозы, утверждает, что в ближайшие десятилетия нас ожидает новый виток научной (прежде всего компьютерной) революции, которая породит совершенно иной мир, в корне отличный от привычного. В известной степени эта революция сравнивает виртуальную и эмпирическую реальности и создаст новые возможности коррекции поведения и здоровья человека [2, с. 49].

Процесс обездуховливания охватил сегодня не только науку, но и всю систему духовного превосходства – искусство, мораль, образование и др. Однако в развитии современной цивилизации наметилась и другая, противоположная тенденция. На наших глазах формируется новое ноосферное мировоззрение с его этикой ответственности, у истоков которой можно увидеть, например, концепцию Х. Йонса. Первым этапом на этом пути было возникновение *экологического сознания*, которому предшествовало движение космизма. Люди поняли свою историческую ответственность за состояние окружающей среды, разрушающейся под воздействием техногенных фактов и нерационального природопользования. Сегодня наступил новый этап, который можно было бы определить как *антропологический*. Человек начинает осознавать свою ответственность за судьбу человеческого рода перед лицом набирающего обороты антропологического кризиса, связанного с торжеством бездуховности. Не случайно известный западный мыслитель А. Мальро предостерегал: либо XXI век будет веком духовности, либо его не будет вообще.

Каждая эпоха в истории человечества рождала гениев в различных сферах жизнедеятельности людей – в ремеслах, в военном деле, в экономике, торговле, искусстве.

Креативность является сущностной характеристикой человека и связана напрямую со сложнейшими механизмами мотивации труда, а не просто определяется повышением (или понижением) заработной платы.

Финансовая мотивация имеет место, но когда требуется творческое, неординарное решение, получается наоборот. Экспериментаторы вынуждены констатировать: искушение деньгами фокусирует работников, но чем больше они сфокусированы – тем глупее становятся.

Любопытно, что основные современные западные педагогические методики освоения и контроля знания связаны, тем не менее, не с развитием творческого, а оценкой механического мышления. Речь идет и о разнообразных тестовых методиках, и о столь популярных и модных сейчас презентациях PowerPoint. Все эти схемы, кружки, квадраты и треугольники выглядят многозначительно – но здесь нет ни глубокой аналитики, ни, – тем более, – ожидания нестандартных решений.

«Болонский процесс» не является исключением. Контроль за усвоением знания при помощи тестов рассчитан на проверку линейных, очевидных связей (по типу «стимул-реакция») и предполагает не способность рассуждать, а уж тем более – развивать креативные наклонности в высшей школе, где главным должно быть «опережающее обучение», связанное с умением анализировать сложные структуры, прогнозировать и критически оценивать различные (в том числе и неочевидные) варианты.

Практика использования формальных методик и тестов становится ныне, тем не менее, *цивилизационной тенденцией*, при помощи которой определяется и IQ и профпригодность – что уже становится опасным.

Кроме того, эта тенденция связана с тем, что человек рассматривается здесь как аналог компьютера (только более слабый потенциально), что

отнюдь не способствует иному, более сложному пониманию природы и сущности человека.

«Не продается вдохновенье...» – этот лейтмотив нередок по отношению к своему творчеству у художников, поэтов, изобретателей. Может быть, эта интуитивно ощущаемая мотивация высшими ценностями действительно характерна для творческой личности. Да, «рукопись можно продать», и никто не говорит, что труд творческой личности не должен достойно быть оплачен.

Само творчество мотивируется иными, высшими мотивами – а, следовательно, и формировать способность к творчеству надо, выходя за рамки привычных стереотипов. Желание служить обществу, долг гражданина, уважение к научной школе, к памяти великих людей, желание быть достойным их памяти, самоутверждение в акте творчества, любовь... «Цель творчества – самоотдача» – писал известный поэт, и это еще одна грань креативности. Однако, сегодня мы часто видим, как «...руководители компаний как никто другой мотивированы финансово, а задачи, которые перед ними стоят, требуют мышления, выходящего далеко за рамки нажатия кнопок. И глупеют, – пишет Д. Воскобойников, – эти лидеры вместе со своими компаниями, а за оглушением компаний следует и оглушение государств... Возможно, вскоре совсем одуреет весь наш мир, жадно сфокусированный на ничтожном. И тогда, безусловно, сбудется пророчество мудрецов из Римского клуба [3, с. 9]. (Автор под «мудрецами» имеет в виду ученых, опубликовавших 40 лет назад знаменитый доклад «Пределы роста», в котором предсказывали, что в 2030- 2040 гг. наступит глобальный коллапс, вызванный неразумной, – по большому счету, – и нетворческой, лишенной мудрого начала деятельностью человечества.).

Креативность – свойство человеческого разума, но разума, способного к гибкому, многомерному мышлению, высшим проявлением которого выступает мудрость, когда рациональность не сводится к совокупности формальных правил, а с необходимостью дополняется нравственным измерением.

Наука отражает, в известной мере, положение в системе образования, но, с другой стороны, последняя отражается в ней. Наивно ожидать, что не модернизировав обучение в школе и вузе – мы сможем включиться на равных в тот мощный технологический прорыв, который осуществляют сегодня передовые экономики мира. Каким образом необходимо осуществить современную реформу образования?

Прежде всего, следует понять, что же происходит в современной науке, какие профессионалы нужны в первую очередь, каковы критерии их острой востребованности в современном «производстве знания», которое все чаще становится «производством инновационных технологий». Первый ответ мы уже нашли – это должна быть креативная личность, причем потребность именно в таком типе профессионала ощущается вне зависимости от направления или области знания. Но сформировать креативную личность невозможно, не задав ей выработанные за десятилетия исследований научного творчества определенные цели и идеалы, ибо креативность личности есть интегральный результат целого комплекса мировоззренческих установок.

На первый взгляд, это выглядит странным: в Украине сейчас столько проблем и с детской преступностью, и с юношеской наркоманией, и даже с охраной здоровья подрастающего поколения, что говорить как о первоочередной задаче формирования личности творца, созидателя, по существу, идеального человека представляется преждевременным. В этом и состоит острота момента, что технологическому прогрессу нельзя сказать – «подождите, мы решим сейчас самые первоочередные проблемы, а затем займемся инновациями». На полях битвы за технологический прогресс сейчас развернулись, по существу, сражения третьей мировой войны, от исхода которых первую очередь зависит будущее достоинство страны сегодня и завтра. Это сражение за будущее – и проигравшие останутся на обочине, – станут «мертвыми странами», с которыми можно не считаться при решении мировых проблем и выработке стратегических линий развития

современных глобализирующихся экономики и политики. Украина еще не прошла «линию невозврата», благодаря наработанному в XX веке потенциалу – и важно сейчас осознать необходимость сделать ряд шагов навстречу современному образованию и науке.

Необходимо учесть одно обстоятельство, обостряющее ситуацию. Распад СССР привел к разрыву научно-технической целостности в важнейших областях науки, ее экспериментальной и производственной базе (благодаря которой государство было лидером в целом ряде технoемких областей научного знания). Сейчас и Украина, и Россия стремятся собрать из осколков нечто цельное, чтобы достойно вступить в современную «битву технологий», но потребуются не менее двух десятилетий, чтобы решить эту задачу – при условии осознанной и последовательной политики государства в сфере науки и образования. Нельзя равнодушно взирать на массовый выезд из Украины молодых образованных специалистов: креативная личность – вот главная опора современного развития научно-технологического процесса. Стране для прогресса необходимы инновации – последние настоятельно нуждаются в творческих озарениях духовно полноценных личностей – таков главный парадокс современного научного прогресса. Для исполнительной работы подходят многие, чьи профессиональные и нравственные качества не противоречат требуемым нормам. Для творчества, для создания инноваций, озарения и открытия – нужны *креативные* люди. Тайна человека и его сущности – что к продуктивному творчеству способны лишь духовно зрелые личности. Таким образом, сам научно-технологический прогресс ставит как конкретную задачу воплощение мечты многих философов и ученых – формирование духовно богатого, гармоничного и нравственно совершенного человека. Его востребовали сейчас рыночная экономика и капиталистическое производство – а он, в свою очередь, будет способен вывести человечество из апокалипсического и антропологического тупика.

Наука сейчас не просто убедила мир в своей полезности: современная наука жестко встроена в инновационную систему общества, являясь

основным и исходным звеном экономики развитых стран. Можно ли сказать, что целью современной науки является удовлетворение потребностей человека? Ответ на этот вопрос обнажает силу и слабость нынешнего ее состояния: да, наука все больше обслуживает человека, но человека – *потребителя*, не поднимая его потребностей (как раньше) на высший, духовный уровень. Рыночная экономика все больше навязывает науке свои идеалы. Человек как объект исследования становится постоянным клиентом исследований, но вновь – в основном как потребитель (и потенциальный инвестор). Прагматический подход к нему настолько беспокоит мировую общественность, что созданы авторитетные общественные комитеты, допускающие к публикации только те исследования, в которых не нарушаются этические нормы в отношении испытуемых и объектов эксперимента. Внедрение этических норм в науку декларировалось как необходимое еще И. Кантом и его можно было бы только приветствовать, но неоднократно отмечалось, что оно 1) нередко носит формальный характер; 2) относится не ко всем научным направлениям.

Человек как объект исследования неисчерпаем в информационном отношении и мы высказываем надежду, что в будущем «обществе знаний» он станет интересен науке больше как создатель, а не потребитель.

На наш взгляд, нынешнее состояние науки – лишь этап в ее развитии. Только освобожденная от диктата экономической рентабельности наука способна заняться вновь своей подлинной функцией: познанием мира и человека. Прежде всего она должна использовать возможности третьего этапа как можно полнее.

Дж. Хорган, книгу которого мы упоминали, считает, что конец XIX – начало XX века обогатили науку великими концепциями:

- теорией эволюции;
- общей теорией относительности;
- квантовой механикой;
- теорией большого взрыва.

Начало XXI века показало, по его мнению, что эпоха великих открытий миновала. Я не сомневаюсь, – пишет он, – что исследователям удастся найти эффективное лекарство от рака, шизофрении, СПИДа и других болезней, доступные источники энергии, отличные от ядерного синтеза. В царстве фундаментальной науки ученые, несомненно, смогут понять процессы образования Галактики, зарождения жизни на Земле... Но интенсивное развитие компьютерной техники заслоняют от обывателя длительную стагнацию в сфере математики, физики и психологии. Ученые утратили рецепты по добыче принципиально новых знаний и живут, в основном, старым багажом. Хорган оценивает современную науку как «комическую» или «ироническую». Думаю, что для иронии есть место, но только в случае, если финансирование фундаментальных исследований будет все больше походить на «крохи с барского стола» прикладных наук [5].

Хорган недооценивает жажду познания *homo sapiens*, которая многие столетия была его видовым свойством и таковым, несомненно, останется (если жажда комфорта не погасит его).

Создается впечатление, что мы находимся в точке бифуркации, причем природные силы еще оставили у человека право выбора: прогресс на основе резкого изменения вектора пути или апокалипсис. Причем отметим, что если несколько предшествующих десятилетий многие философы и ученые считали выходом из тупика мощное вторжение нравственности во все основные сферы социальной жизни, то теперь довольно и рационального анализа, чтобы увидеть бесперспективность дальнейшего движения по инерции. Сама наука настойчиво требует от сферы образования не превращать последнее еще в одну «сумму технологий», а формировать у следующего поколения креативность, силу духа и понимания уникальности жизни. Если возможна новая революция в науке, то, может быть, возможна и новая эпоха Возрождения?

Одной из положительных тенденций является возрастание креативной составляющей в различных сферах научной деятельности, правда, специфика

ее в условиях научно-технологической революции достаточно своеобразна. Дело в том, что творческие находки, творческий подход к поставленной задаче, равно как и открытия, озарения, оригинальные ходы мысли отличают не только деятельность ученого, занятого исследованиями природы, но и техника, инженера, рабочего – любого человека, занятого своей профессиональной деятельностью и отдающего ей с интересом и энтузиазмом. Если раньше талант и креативные возможности вспомогательного персонала считались второстепенными, то теперь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: открытия ученых в сфере *исследования природы* считаются аналитическим знанием и никак в правовой форме не фиксируются, не защищаются ни авторским, ни патентным правом и считаются *всеобщим достоянием*, – напротив, *технологические* находки, изобретения, открытия обязательно (в принципе) фиксируются, учитываются и приветствуются. Объективная стоимость таких «озарений» может быть очень велика, поскольку речь идет уже о научном продукте, идущем на рынок. Юридическая охрана в этой сфере хорошо разработана. Права на объекты интеллектуальной собственности охраняются международным и национальным законодательством всех стран мира. Наиболее распространенными формами закрепления этих прав являются патенты, лицензии и особые договоры (охранные документы). Суть интеллектуального продукта фундаментальных исследований (аналитического знания) не признается объектом интеллектуальной собственности ни международным, ни отечественным законодательством. Ушел в прошлое и остался пока невостребованным опыт советской системы регистрации крупных научных открытий, которая хотя и не закрепляла эти результаты в виде собственности, но способствовала повышению престижа в научном сообществе [4]. Вероятно, к этому опыту следует вернуться. Следует обратить внимание и на другое обстоятельство: формирование креативного мышления важно для каждого участника научно-инновационного процесса (особенно хорошо это поняли в свое время в Японии, где разработана целая

система поощрений творческого отношения к делу на всех ступенях социальной лестницы). Чем больше значит технологическая составляющая в НТР – тем интенсивнее поиск творчески мыслящих работников (даже среди обслуживающего персонала).

Наука как особая форма рациональности возникает в XVII веке. При этом она выступает не только как способ теоретического освоения мира, но и как особый тип духовности, выполняя культурную функцию духовного наставника человечества в исторических и смысложизненных поисках людей. На рубеже XX и XXI вв. наука все больше утрачивает свою интерпретативно-мировоззренческую значимость, усиливая чисто прикладное, инструменталистское измерение. В результате наблюдается процесс обездуховливания науки как формы духовного производства. Однако, в эпоху современной научно-технологической революции резко возрастает потребность в инновационной составляющей научной деятельности, растет запрос на креативных научных работников. Как показывает опыт, креативность личности глубинным образом замешана на мотивационную сферу, причем оказалось, что материальное стимулирование лишь частично способствует творческой активности ученого. Напротив, решающими факторами в творчестве являются духовные мотивы и цели. Сказанное означает, что в современную эпоху духовность в науке становится внутренней необходимостью научно-технического прогресса.

Список литературы

1. Лебедев С.А., Ковылин Ю.А. Философия научно-инновационной деятельности / С.А. Лебедев, Ю.А. Ковылин. – М.: Академический проект, 2012. – 368 с.
2. Бестужев-Лада И.В. Будущее непредсказуемо, но предвидимо // «Век глобализации». – № 2010. – С. 45-53.
3. Постнеклассика: философия, наука, культура. – Санкт-Петербург: дом «Мирь», 2009. – 672 с.
4. Рассел П. «Мировой мозг» – следующая ступень нашего развития / П. Рассел // Один мир для всех: Контуры глобального сознания. – М.: Прогресс, 1990. – С. 15-22.
5. Хорган Дж. Конец науки - М.: Амфора, 2001

Трифорова М.К. Наука і духовність в постіндустріальному суспільстві

Стаття присвячена дослідженню специфіки сучасної науки як особливого типу духовності і соціокультурного інституту, найважливішою особливістю розвитку якої є посилення значущості інноваційного сегменту в результаті безпосереднього включення наукової діяльності в ринкові стосунки постіндустріального суспільства.

Ключові слова: наука, духовність, інновація, науково-технологічна революція.

Trifonova M.K. Science and spirituality in post-industrial society

Article is devoted to the research of specifics of modern science as special type of spirituality and sociocultural institute. The most important feature of development of the science is strengthening of the importance of an innovative segment as a result of direct inclusion of scientific activity in the market relations of post-industrial society.

Keywords: science, spirituality, innovation, scientific and technological revolution.

ДЕСТРУКТИВНИЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Величко С.А.

В статье рассматриваются деструктивные тенденции современной западноевропейской культуры, анализируются некоторые из причин их стремительного развития во второй половине XX века.

Ключевые слова: культура, дегуманизация, смерть, техническая культура, некрофилия, массовая культура.

Во второй половине XX века для мыслящих людей со всей очевидностью обозначилась проблема развития кризисных явлений в современной западной культуре. Многие мыслители отмечали развитие процесса дегуманизации культуры. Одним из проявлений этой тенденции являлась потеря интереса к реальной жизни конкретного человека. Причем этот процесс развивался параллельно со становлением новой научно-технической культуры, акцентирующей свое внимание уже не на человеке, а на машине.

Еще одним зримым подтверждением наличия антропологического кризиса является культурная исчерпанность, потеря способности общества к творчеству (точнее будет сказать потеря социумом спроса на творчество). Культура постепенно теряет способность к созданию яркого, оригинального, нового. Даже для потребителей продукции «массовой культуры» не остается незамеченной абсолютная идентичность сюжетных ходов многочисленных латиноамериканских «мыльных сериалов», голливудских мелодрам и комедий. Серая схематическая кальковость многочисленных героев «женских романов», «мужских боевиков», персонажей, заполонивших телеэкраны ток-шоу, становится очевидной для самого непритязательного зрителя.

Проявлением кризисных тенденций в современной культуре так же является десакрализация всех форм бытия человека, в результате чего

происходит переход от глубинно-осмысленного бытия с целями, обеспечивающими его перспективы, к повседневно выраженному, прагматически ориентированному существованию. Из жизни стали исчезать священная норма, священный текст, священный символ, сокровенные сферы – все то, что связывало бытие человека с трансцендентной реальностью [5, с. 129].

Вместе с этим исчезновением как естественная компенсация в жизни стали функционировать имитации священного, его суррогаты и субституты, погружающие человека в окружающую его повседневность. Главным героем культуры постмодерна стало полностью погруженное в предметно-бытовую реальность человекоподобное существо, сытое и почти всем довольное, пьющее дорогой коньяк в дорогих клубах, «затягивающееся коксом», грезящее о дорогих машинах и не менее дорогих женщинах (можно вспомнить многочисленных героев произведений модного современного писателя Сергея Минаева). Для таких «персонажей» сакральными становятся такие ценности, как материальное благополучие и самое главное социальный успех. Но, как и у всякого заменителя, жизнь этих имитаций священного коротка. Поэтому ложные ценности образуют унылый ряд быстро сменяющихся кумиров профанного мира [5, с. 123].

Во второй половине XX века стало все отчетливее проявляться еще одно явление, свидетельствующее о кризисе – развитие в современной культуре некрофильских тенденций. Эти тенденции во многом являются производными от таких вышеуказанных явлений как дегуманизация, развитие технической культуры, десакрализации всех форм человеческого бытия, но их стремительное развитие и то влияние которое они оказывают на формирования особенностей мировоззрения, как отдельной личности так и общества в целом, дают основание выделить их в качестве отдельного проявления кризисных явлений в современной европейской культуре.

В последние десятилетия двадцатого века многие философы и психологи начали отмечать рост числа людей, обладающих некрофильской

мировоззренческой установкой. Под некрофилией Эрих Фромм, философ, уделивший много внимания изучению этого явления, понимал «страстное стремление ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому). Плюс к тому это страсть к насильственному разрыву естественных биологических связей» [7, с. 284].

Значительную долю ответственности за этот рост, по мнению многих мыслителей, несет современная европейская культура. Эрих Фромм отмечал, что современная западная культура носит отчетливо деструктивный некрофильский характер. Зримым появлением этих деструктивных тенденций является культивирование на страницах книг, на телевизионных экранах таких явлений, как насилие и смерть. Практически ежедневно с телеэкранов, со страниц книг и газет на человека буквально обрушивается лавина информации так или иначе связанная со смертью и разрушением. Современное масс-медиа пространство буквально заполнили образы ужаса, насилия и убийств. Однако картины смерти представлены здесь не для того, чтобы вызвать у зрителя или читателя сильные эмоции. Образы танатоса в этих произведениях не ориентируют его на осмысление увиденного, не становятся объектом или двигателем рефлексии. Во всех этих «творениях» картины смерти выступают только в качестве зрелища, привлекающего к себе внимание. Никакой другой эмоциональной нагрузки они, как правило, не несут.

Многочисленные книги и телевизионные ленты рисуют сцены техногенных катастроф, вооруженных конфликтов с многочисленными жертвами, кровавых противостояний бандитских группировок, страшных мук жертв психопатов, вырабатывая у потребителя «вкус» к подобным зрелищам. Постепенно у зрителя появляется своеобразная потребность в картинах смерти и разрушения. После убийства президента Кеннеди массу людей, по свидетельству американских авторов, нельзя было оторвать от

экранов телевизоров, пока передавались все детали убийства. Через несколько дней, когда телестудии вернулись к своим обычным программам, многие испытали чувство странной пустоты [3, с. 20].

Почему именно в европейской культуре XX века эти тенденции начали столь стремительно развиваться?

Советский философ Павел Семенович Гуревич, много внимания уделивший осмыслению феномена смерти, также считал, что современная культура заражена разрушительными некрофильскими тенденциями [4, с. 21]. По его мнению, основной причиной такой ситуации являлось развитие процессов индустриализации и технизации современной европейской цивилизации [4, с. 21].

Уже модерн как культура индустриальной эпохи заявляет о своей ненависти к жизни размеренной и тусклой, а также о стремлении к познанию инобытия [6, с. 32]. Для находящегося под влиянием этой культуры мировоззрения был характерен повышенный интерес к смерти. Этот интерес уступал только культу технического прогресса, который определял и форму, и содержание культуры модерна. Обе эти тенденции - и тяга к разрушению, и обожествление техники - нашли свое отражение в программном документе основателя и главы итальянского футуризма Ф. Маринетти «Манифесте футуризма» (1909), о чем свидетельствуют его основные тезисы:

- Да здравствует риск, дерзость и неукротимая энергия!
- Смелость, отвага и бунт – вот что воспеваем мы в своих стихах.
- Старая литература воспевала ленность мысли, восторги и бездействие. А вот мы воспеваем наглый отпор, горячечный бред, строевой шаг, опасный прыжок, оплеуху и мордобой.
- Мы говорим: наш прекрасный мир стал еще прекраснее – теперь в нем есть скорость. Под багажником гоночного автомобиля змеятся выхлопные трубы и изрыгают огонь. Его рев похож на пулеметную очередь, и по красоте с ним не сравнится Ника Самофракийская.

- Мы воспеваем человека за баранкой: руль насквозь пронзает Землю, и она несется по круговой орбите.
- Пусть поэт жарит напропалую, пусть гремит его голос и будит первозданные стихии!
- Нет ничего прекраснее борьбы. Без наглости нет шедевров. Поэзия наголову разобьет темные силы и подчинит их человеку.
- Мы стоим на обрыве столетий!.. Так чего же ради оглядываться назад? Мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир невозможного! Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы живем уже в вечности, ведь в нашем мире царит одна только скорость.
- Да здравствует война – только она может очистить мир. Да здравствует вооружение, любовь к Родине, разрушительная сила анархизма, высокие Идеалы уничтожения всего и вся! Долой женщин!
- Мы вдребезги разнесем все музеи, библиотеки. Долой мораль трусливых соглашателей и подлых обывателей! [7, с. 249].

В этих положениях можно увидеть некоторые тенденции тогда еще не явные, но в дальнейшем во многом определившие особенности деградации культуры. Самыми главными из них являются сакрализация техники и насилия. В этих тезисах мы уже встречаем серьезные элементы некрофилии: обожествление машин и скоростей; прославление агрессии и войны, стремление к разрушению культуры; ненависть к женщине (как к явлению дарящему жизнь); отношение к автомобилям и самолетам как к живым существам. Такое преклонение перед техникой (не говоря уже о воспевании агрессии и стремлении к уничтожению всего и вся) несет в себе некрофильские предпосылки, так как исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому) является одним из основополагающих симптомов мировоззрения, зараженного некрофилией [7, с. 284].

Две мировые войны, прошедшие в первой половине XX века, также оказали большое влияние на формирование некрофильских черт

современной культуры. Уже Первая мировая война морально опустошила Европу, оставила предчувствие катастрофы, гибели, смертельную тоску, безнадежность, отчаяние. Она убила веру, а также здоровую, нормальную волю к жизни. После этой войны, когда человеческое мышление было потрясено до самых своих оснований, проблема смерти выдвинулась на первый план. В культуре этого периода смерть представляла «...то как осознание конечности человеческого существования, влекущее за собой трагические переживания, то как призыв к реализации свободы индивида, призыв к активным действиям вопреки трагической иронии его конечной судьбы» [6, с. 33]. Литературные произведения этого периода пронизаны болезненным интересом к смерти. Причем, внимание привлекала не только смерть отдельного, конкретного человека, но и смерть цивилизации, человечества. Литература, философия того времени буквально изобиловали работами, посвященными гибели Европы, смерти ее культуры. Величайшим из этих произведений является работа О. Шпенглера «Закат Европы», давшая культурно-философское обоснование идее смерти. Цивилизация – посмертная маска умершей культуры, «живое лицо смерти».

Вторая мировая война оказала на европейскую культуру еще более разрушительное влияние. Уже то тотальное ожесточение, с которым она велась, и то количество жертв, к которым она привела, оказали существенное влияние на развитие культуры. В этой войне можно выявить еще ряд аспектов, воздействовавших на развитие некрофильских черт, как в сознании отдельного человека, так и в сознании европейской культуры в целом.

Вторая мировая была первым конфликтом в человеческой истории, в ходе которого огромные массы не только военных, но и мирных жителей были уничтожены с помощью механических средств. При «ковровых бомбардировках» и в газовых камерах смерть приходила не от человека, а от некоего безликого механизма. Жертвы не видели лиц своих палачей, а палачи – жертв. Эрих Фромм, говоря о механизме «автоматизации войны», замечает: «Летчики, которые сбрасывали бомбы, вряд ли думали о том, что за

несколько минут они убивали тысячи людей... Они вряд ли отдавали себе отчет в том, что они имеют дело с врагом, что они убивают других людей. Их задача состояла в том, чтобы обслуживать сложную машину в точном соответствии с планом полета» [7, с. 297].

Результатом такой «автоматизации» является устранение из сознания осмысления результатов сделанного. Убийство при таких условиях становится банальным повседневным явлением, не вызывающим глубоких и серьезных переживаний. Ярким подтверждением этого являются слова Пола Уорфилда Тиббетса-младшего, пилота бомбардировщика, который сбросил первую атомную бомбу на японский город Хиросима в конце Второй мировой войны. Уже зная о огромном количестве жертв из числа мирных жителей и о полной бесполезности с военной точки зрения своей бомбардировки, в интервью, которое он дал в 1975 году, он говорил, что гордится, тем что был способен, начав с ничего, распланировать операцию и привести её в исполнение так безукоризненно, как он сделал, и что он спит спокойно каждую ночь.

Смерть обезличивается и деперсонализируется, как для самого палача, так и для стороннего наблюдателя. В такой ситуации влияние танатоса на формирование особенностей внутреннего мира человека, на развитие того внутреннего накала, который и заставляет человека становиться лучше, умнее, сильнее, практически сходит на нет. *При таких условиях смерть «другого» перестает вызывать сильные чувства и начинает восприниматься только как заволаживающее, яркое зрелище. Возможность своей смерти, в свою очередь, начинает порождать такой ужас, что о ней стараются не думать.* Но такое отношение к смерти очень близко к взглядам, присущим мировоззрению с ярко выраженной некрофильской доминантой.

Еще одним аспектом, оказавшим особое влияние на развитие некрофильского сознания европейской культуры, явилось то, что лидер одной из воюющих сторон, Адольф Гитлер, по определению Эриха Фромма,

являлся «клиническим случаем некрофилии» [7, с. 319]. Его усилиями в культуре Германии того времени начали проявляться некрофильские черты. Эти тенденции можно увидеть, как в доминировании темных цветов, поглощающих свет (например, серая форма штурмовиков и черная форма войск СС), так и в культе техники и разрушения.

После Второй мировой войны разрушительные тенденции в европейской культуре продолжали усиливаться. Связано это с дальнейшим развитием таких процессов, как индустриализация и технизация, окончательно обрывающих связи современного человека с окружающей его природной средой, а также с появлением и распространением такого феномена, как «массовая культура». Эта культура носит отчетливый индустриально-коммерческий характер. Актуализируя и опредмечивая ожидания аудитории, массовая культура, с одной стороны, отвечает на ее потребности в досуге и развлечениях, с другой – сама начинает формировать ее вкусы. Причем вкусы читателя, кино- и телезрителя она не столько развивает сколько деформирует, порождая при этом в зрительской и читательской аудитории не стремление следовать высшим идеалам величия человеческого духа, преодолевая в себе свои пороки и слабости (к чему всегда призывала Высокая культура), а напротив - оставаться рабом своих, под час самых низменных, страстей.

Происходит в массовой культуре и деформация образа положительного героя. Так, кумирами детской и юношеской аудитории становятся созданные «фабрикой грез» «недочеловеки», а именно «человекопауки», «человеколетучие мыши», «болотные твари» т.д. Уже сами перечисленные образы – летучие мыши, пауки, болотные создания - обладают значительным деструктивным потенциалом. Во все периоды европейской истории образы летучей мыши и паука (не говоря уже о болотных гадах) входили в перечень зримых отображений явлений и сил, враждебных человеку.

Помимо этого, эти носители всего «героического», «прогрессивного» и «гуманного» не являются ни зрительно, ни по внутреннему содержанию

людьми и совершают свои подвиги с помощью своих нечеловеческих способностей. За подвигами этих героев интересно наблюдать, но им трудно сопереживать и сочувствовать. Но при этом происходит аксиологическая девальвация человеческого героического поступка. Воспитанный на подобных образах зритель не поймет тех не столь зрелищных доблестных поступков, на которые так богата человеческая история.

Так же для привлечения и удержания внимания зрителей требуются яркие, захватывающие картины. Смерть, в свою очередь, является одним из самых притягательных зрелищ. Поэтому символы и зрительные образы, в той или иной мере связанные с ней, стали заполнять телевизионные экраны и страницы книг, вырабатывая у постоянного потребителя массовой культуры привыкание к сценам, связанным с насилием и смертью. Тем самым она формирует восприятие кончины «иног», другого только в качестве яркого зрелища, не вызывающего глубоких экзистенциальных эмоций. Другой трансформируется в чужого.

По сообщению американской прессы, свидетели мучительной гибели подростка, оказавшегося в зоне тока высокого напряжения, не только не пытались помочь погибающему, но, как впоследствии выяснилось, наблюдали за этим эпизодом и оценивали его так, словно все это многократно развертывалось уже на домашнем экране [4, с. 19]. Отрывая человека от природных корней, не давая ему ничего, кроме ощущения временной сопричастности с бездушной механической цивилизацией, отбирая у него надежду на возможность посмертного существования, «массовая культура» воспитывает у индивида отношение к своей смерти как к абсурдному, ужасному явлению. В результате формируется стремление не думать о собственной смерти, а складывается стереотип восприятия смерти другого как атрибут обыденности.

Одним из главных следствий формирования подобного восприятия танатоса является падение онтологической значимости этого феномена. Смерть перестает оказывать влияние, как на ход культурного развития, так

и на становление особенностей человеческого сознания. Однако танатос является тем явлением, которое во все периоды человеческой истории оказывало значимое влияние как на формирование особенностей духовного мира отдельно человека, так и на процесс развития культуры. О существовании связи между танатосом и развитием культуры было известно уже древнегреческим мыслителям. Так еще Гомер, говоря о ненужности серьезных сожалений по поводу гибели героев, утверждает:

«Им для того ниспослали и смерть, и погибельный жребий
Боги, чтоб славною песнею были они для потомков» [2, С. 579–580].

Наличие этой связи в той или иной степени признавалась Блезом Паскалем, Иммануилом Кантом, Зигмундом Фрейдом. Н.А. Бердяев утверждал, что подлинная культура начинается с культа предков, с почитания могил и памятников, со связи детей с родителями, ушедшими в другой мир. По его мнению, «в культуре нет хамизма, нет пренебрежительного отношения к могилам отцов» [1, с. 249].

Значимость этого воздействия для культуры столь велика, что танатос можно определить в качестве базового элемента бытия культуры. Поэтому снижение уровня влияния смерти на культуру, происходящее во многом под влиянием развития деструктивных тенденций в свою очередь детерминирует дальнейшее развитие кризисных явлений.

Вывод: деструктивные некрофильские явления, начавшие проявляться в европейской культуре еще в начале XX века, во второй половине столетия стали активно развиваться, оказывая негативное воздействие на формирование особенностей имманентного бытия человека и деформируя сам ход становления культуры. Столь стремительное их развитие во многом обуславливается влиянием таких процессов, как дегуманизация и технизация культуры. На резкое ускорение формирования деструктивных явлений оказали влияние также социально-исторические катаклизмы, которых было много в двадцатом веке (две мировые войны, многочисленные локальные войны, революции и т.д.). Однако наиболее определяющее воздействие на

развитие этих тенденций, по нашему мнению, оказало распространение такого феномена, как «массовая культура» - явления, агрессивно вытесняющего «высокую культуру» на периферию культурного ареала, заменяющего вечные высшие ценности суррогатом из псевдоценностей, акцентирующего внимание человека на игре низменных страстей. Взаимосвязь этого явления, с развитием некрофильских тенденций столь тесна, что по-нашему мнению, позволяет определять некрофилию в качестве одного из базисных смыслообразующих оснований феномена «массовой культуры». Современная индустриально-коммерческая «массовая культура» во многом несет ответственность за широкое распространение деструктивного мировоззрения в современном западном обществе. Следует отметить, что такая массовая культура обслуживает идеологические нужды общества потребления. Однако развивающийся на наших глазах антропологический кризис ставит под вопрос сам факт существования такого общества, но при этом дает возможность современной культуре преодолеть проявляющиеся в ней деструктивные тенденции. Возможно, охваченное кризисом общество вновь востребует те вечные ценности, которые постулировала высокая культура и которые стремилась изжить культура массовая.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. — М. : Има-пресс, 1990. — 288 с.
2. Гомер. Одиссея / Гомер. — М.: Правда, 1985. — 374 с.
3. Гурьевич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гурьевич. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.
4. Гуревич П. С. Смерть как тайна человеческого бытия // Токарчик, А. Мифы о бессмертии. — М., 1990. — 240 с.
5. Дудник С. И. Кризис культуры в контексте современных дискуссий и оценок / С. И. Дудник. — СПб. : Санкт-Петербургское филос. об-во, 2001. — С. 128—136.
6. Соловьева В. Г. Смерть и модернизм / В. Г. Соловьева // Фигуры танатоса. — 1995. — № 5. — С. 34 — 42.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности бытия / Э. Фромм. — М. : Республика, 1994. — 447с.

Велічко С.А. До питання формування деструктивного дискурсу сучасної західноєвропейської культури.

У статті розглядаються деструктивні тенденції сучасної західноєвропейської культури, аналізуються деякі з причин їх стрімкого розвитку в другій половині ХХ століття.

Ключові слова: культура, дегуманізація, смерть, технічна культура, некрофілія, масова культура.

Velichko S.A. About the question of forming of modern European culture's destructive discourse.

The article is devoted to exploration of destructive trends of modern European culture. Also some reasons of their splitting development at the second half of XX century are analyzed.

Keywords: culture, dehumanization, death, technological culture, necrophilia, mass culture.

ЦИНИЗМ В ОБРАЗОВАНИИ И СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Зиннурова Л.И.

В статье проанализирован цинизм как социокультурный феномен современности, все более пронизывающий образование и студенчество и разрушающий их недуг формализма; названы предложения, способы противодействия образовательному цинизму.

Ключевые слова: *цинизм, цинизм юношеский, цинизм образования.*

Цинизм в наши дни является серьезным недугом культуры, поразившим буквально все сферы общества. Этот недуг настолько опасен, что его анализом вплотную занялись философы, никогда не терявшие к нему интереса филологи, историки, и все те, кому небезразлична судьба и перспективы общества, его будущее.

Самым впечатляющим и глубоким является исследование цинизма, предпринятое немецким философом П. Слотердайком, и блистательно запечатленное в объемном труде, названном весьма симптоматично: «Критика цинического разума». Название не зря перекликается с Критиками И. Канта, и не только потому, что труд П. Слотердайка был приурочен к 200-летию выхода в свет первой из «Критик» И. Канта. Существенное состоит в том, что явственно обнаружился цинический разум интересный как феномен и зловещий как болезнь культуры.

Согласимся с М.В. Бахтиным, что цинизм культуры – это неспособность к оценке и действию, это кризис культуры, который заключается в кризисе ценностей, наступающем при осознании утраты этими ценностями своего статуса.

Цинизм вообще – это просвещенное ложное сознание, говорит П. Слотердайк; это видение себя несчастным современным сознанием во всей ясности. Более того, цинизм выражается в воздержании от позитивного суждения, в стремлении уравнивать противоположное, в нигилистическом глумлении над общепринятыми культурными нормами. Сформировался

особый цинический ум, лишившийся мужества, *argiōi* считающий обманом все постулаты, и нацеленный только на то, чтобы хоть как-то выжить [1].

Цинический ум сопровождается чувством надломленности, деморализации, усталости от сверхсложных и просто сложных проблем и поэтому избирающий для себя метод отстранения, дистанцирования от неприятностей. Цинизм, в итоге, не что иное, как ложный проект бегства от негативности бытия, попытка ускользнуть от нее в квазипозитивности «просвещенного ложного сознания». Истоком цинизма был античный кинизм, выражающий протест против господской цивилизации. Поэтому цинизм справедливо считается выродившимся кинизмом, «неправильным отрицанием античного кинизма, в котором были отсечены его здоровые и жизнеутверждающие моменты, и, напротив, усилены и гипертрофированы нигилистические, разрушительные тенденции. Кроме источника, в литературе обстоятельно выявлены и причины утверждения и распространения цинизма:

- крушение идеалов, иллюзий в трагичном бытии XX и XXI в.в.;
- негативность общественного бытия и негативность человека;
- безальтернативность социального и экзистенциального одиночества;
- разобщенность людей вследствие возрастания и усложнения функций индивидуального существования;
- разрыв между индивидуальным желанием и общими притязаниями, между делом и чистой теорией;
- повальная поверхностная просвещенность;
- лавина информации;
- властная стратегия по вытеснению интеллектуалов с политического поля;
- девальвация общечеловеческих ценностей.

Совершенно четко нарисовался и портрет современного циника: это пограничный случай меланхолика, шизоидно-расщепленный тип, человек, ко всему относящийся одинаково безразлично, сторонний наблюдатель,

разучившийся испытывать порицание или одобрение к происходящему, конформист, нигилист, человек, живущий прописными истинами, житейскими устремлениями. Можно найти в цинике и скептика, и эпикурейца, но лишь в той мере, в какой это подходит для него, и в той степени, которая значительно превосходит собственно скептицизм и собственно эпикуреизм. Что-то есть у циника даже от стоика, но безразличие циника это совсем не мужественная апатия стоика, а безвольная и трусливая отстраненность, лишенная благородства и высоких целей. Циник – раздувшийся релятивист, перешагнувший границу уместного.

Легко видеть, что цинизм деморализует и разоружает личность как в психическом, так и в интеллектуальном отношении, деактивизирует человека, что противопоказано человеку как активному, неумному, беспокойному существу, обладающему в отличие от всего живого сверхэнергичностью. Цинизм ломает и уродует человека, и если мы хотим сохраниться как люди и не хотим превратиться в программируемых и управляемых сверхлюдей, то мы просто обязаны с цинизмом сражаться.

Прибежищем цинизма традиционно были медицина, война, политика. Однако, в XX веке, особенно к концу его, цинизм успешно прописался во всех сферах жизни и чувствует себя в них как дома. Люди спасовали перед цинизмом, а это опасно и даже губительно для человека и человечества, поскольку цинизм не спасает, а анестезирует гибнущего человека и обреченное общество.

Огорчительно и прискорбно проникновение цинизма в образовательную среду и укоренение цинизма в ней. Казалось бы, что сфера образования обладает достаточным иммунитетом против заразы цинизма, если исходить из того, что приводит к цинизму. В самом деле, образование во всем его объеме и глубине обладает целями, идеалами, отличается позитивностью, обусловленной необходимостью и стремлением к постижению знаний, обогащению ими, что всегда почиталось как благородное занятие. В образовании всегда утверждался культ и почитание истины, как высшей

ценности, с образованием и образованностью связывалось лучшее будущее, надежда на его достижение. Образование спланировало людей, связывало их в процессе и в системе. Образование всегда было сферой специфической, не для всех доступной и не только по причине его дороговизны, хотя это очень существенно, но и в силу существовавшего, почти на интуитивном уровне, понимания, что оно на высших ступенях не всем по способностям доступно. Поэтому всегда существовала селекция, отбор, осуществляющийся в различных формах: испытания на уровень способностей, умственного развития, экзамены, попросту говоря, проводившиеся в несколько этапов, и достаточно надежно отсеивающих недоброкачественных претендентов. Возможно, экзамены не лучший способ, и в них можно найти массу несовершенств, но если общество заинтересовано в обнаружении настоящих, подлинных кандидатов в образованности, то оно обеспечит должную объективность и необходимую достаточность экзаменов. В обществе четко обозначились уровни образования, вполне соответствующие уровням способностей и возможностей людей, которые не у всех одинаковы. Следует уточнить, что под возможностями подразумеваются не материальные или социальные (статус, положение), а личностные, индивидуальные, связанные с тем, что дано человеку от природы, или от Бога. До сих пор мы не обладаем точными критериями и эффективными правилами определения степени развитости человека, а все имеющееся – тесты разного рода – крайне несовершенны и более, чем приблизительны. Существует некий негласный консенсус в обществах любого масштаба, довольно точно выделяющий умных, средних, глупых, достойных и недостойных стези образования.

По мере размывания социальных, имущественных, сословных и прочих границ, прежде строго удерживающих людей в рамках слоя, страта, группы, вызревала некая однородная масса, составленная из человека-массы, человека-толпы, среднего человека, претендующего на все и поддерживаемого в своих претензиях на все, на все достижения культуры, на богатство, комфорт, на высокое положение, славу, известность. Это было

следствием слишком широко трактовавшегося права всех и каждого на наиболее привлекательные и жаждаемые ценности. Торопящееся человечество не задумывалось над тем, что все богатыми могут стать только при наличии безразмерного и все более увеличивающегося общественного богатства, сказочного изобилия, что слава и известность могут существовать на фоне неизвестности и беславия, иначе они просто не проявятся. Столь же общим и общеобязательным представлялось и образование, тем более, что неравенство в образованности оскорбляло и обижало. Разумеется, в прогрессивном движении общества образование становилось необходимым и даже обязательным, но не любое. Во-первых, в обществе не все одинаково способны, во-вторых, нет необходимости постоянного повышения степени образованности для всех, хотя бы потому, что в обществе всегда есть вакансии, не требующие высокого образования: кому-то придется «строить и мечь», стирать и готовить, шить, причесывать, обихаживать больных, выращивать продовольствие, изготавливать всякие нужные вещи, механизмы. Вряд ли стоит уповать на то, что все это можно перевалить на плечи машин, механизмов, роботов.

Иллюзия доступности всего и вся коварна, опасна. Как и всякая иллюзия, она настраивает и направляет на ложный путь. Кроме горьких разочарований, которые непременно постигнут поддавшихся иллюзиям, много потеряет общество, пошедшее не туда.

Уверившись в доступности образования для всех, мы уже пожинаем плоды этой иллюзии. Это и падение, и разрушение образования, образованности, и экономические издержки, выразившиеся в том, что «образованные» не хотят и не считают нужным заполнить обескровленные сферы – производство, обслуживание, особенно если они не престижны.

Некому работать даже в немногочисленных возрождающихся производящих предприятиях, не прельщает ни заработная плата, ни перспективы. Так называемые образованные, а точнее, просто обладающие дипломами люди, прочно и глубоко отравлены ложным сознанием своей

особенности. Перепроизводство «образованных» привело к не востребоваемости их и породило то, что в общем именуется негативизмом общественного бытия и человека.

Все это привело к краху иллюзий, обесцениванию идеалов, что и создало благоприятную почву для укоренения цинизма в сфере образования. «Самым невинным и простодушным из цинизмов знания, – говорит П. Слотердаик, – является цинизм тех, кто сдает экзамены» (1, с. 448), т. е. студентов. Они безразлично относятся к тому, что им следует выучить сдать, т. к. твердо намерены забыть все на следующий после экзаменов день. Менее невинным и простодушным является цинизм курирующих образование политиков и практиков, которые считают, что учиться нужно усердно и хорошо, но лишь для того, чтобы отобрать усердных и лучших, т. к. они справятся и с практическими задачами. Что же касается всяких теорий и знаний, то многие из них, если не все, сильно расходятся с практикой и поэтому не нужны, например, всякие общеобразовательные, гуманитарные. В такой установке, «образование цинически отделяется от своих целей и превращается в абстрактный квалификационный признак», – считает П. Слотердаик (1, с. 449). Единственное, что связывает учебу и профессию, категория оплаты, зависящая от наличия диплома или престижности учебного заведения. Цинически обесценивается содержательная сторона образования, превращающаяся в какую-то бессмысленную тренировку или общий треп. Уничтожаются всякие представления о морали и этике; предметы, связанные с ценностями, или изымаются из образования, или сокращаются в объеме до того, что утрачивают ценностную ориентацию, либо целенаправленно и планомерно технологизируются, что также вытравливает из них ценностный аспект. Все ценности сводятся к деньгам, прибыли, эффективности, успеху. Для внедрения цинизма и рекрутирования циников в студенческой среде этого вполне достаточно.

Цинизм сокрушает и преподавательский корпус. Все малочисленное становится отряд оптимистов-традиционалов, преподавателей старой

закалки, а пополнение осуществляется за счет циничных студентов, получивших дипломы и уже цинизмом пораженными. Множится число преподавателей, безразличных к разрушению образования, к девальвации образованности, к падению престижа образованности, к недоброкачественности выпускаемых «специалистов», равнодушных исполнителей своих функций только ради своего собственного выживания, понимающих трагизм краха образования, но не желающих и пальцем пошевелить, чтобы этому краху воспрепятствовать, механически действующих в сфере образования, не обременя себя угрызениями совести за преступное участие в процессе уничтожения образования, нацеленных только на то, чтобы не выпасть из системы, выжить, абсолютно не верящих в то, что ситуацию не только можно, но и нужно переломить. Цинизм студенчества и цинизм преподавательский дружно сомкнулись и составили прочную и застывшую систему, в плену которой агонизирует современное образование.

Впавшее в кризис общество не в состоянии эффективно бороться с укоренившимся цинизмом, т.к. оно сориентировано на разрешение экономических проблем.

Об опасности цинизма молодых провидчески писал еще в 1929 г. великий философ XX века Бертран Рассел в статье «О юношеском цинизме» [3]. В то время цинизм молодых еще только нарождался, а старшее поколение, к цинизму относившееся весьма настороженно, обладало и желанием, и возможностями позаботиться о защите молодых. Старшее поколение еще было озабочено и нравственным здоровьем молодых, может быть потому, что не предполагало, что цинизм разбухнет в таких масштабах, что его невозможно будет унять, что цинизм превратится в неуправляемую социальную стихию. В первой трети XX века еще не было очевидно, как катастрофично стремление общества производить как можно больше товаров, вызвавшее необходимость потреблять. Меньше чем за 100 лет потребление стало центральной идеей, вытеснило настоящие культурные

ценности, задачи потребляющего общества сделали ненужным воспитание как процесс приобщения к подлинным ценностям. Б. Рассел очень точно подметил, что «правители мира были глупы всегда», и именно поэтому они и не подумали о том, что общество потребления бесперспективно. Более того, правители никогда не были раньше так могущественны, как сейчас, а они могли бы переломить ситуацию, если бы были или стали интеллигентными. Б. Рассел говорил, что стать интеллигентными – обязанность правящих миром, т.к. это и только это может предотвратить опасность гибели общества.

«Каузальность в современном мире является наиболее сложной и разветвленной, чем когда бы то ни было раньше, вследствие увеличения больших организаций, но те, кто контролирует эти организации, суть невежественные люди, не знающие и соотой части последствий своих действий» – утверждал Б. Рассел. Ныне современные организации не просто большие, а глобальные, и степень ответственности их руководителей столь же глобальна, но ответственность не осознается и невежественными, и алчными руководителями, да и не в моде она. Вывод напрашивается совершенно четкий: необходимо возрождение ответственности как основополагающей добродетели. Что касается обязанности правителей быть интеллигентными, то подтолкнуть к этой обязанности могло бы образование, которое было бы устроено так, чтобы «ни один человек, не имел бы права работать на бирже, пока не сдаст экзамен по экономике и греческой поэзии, ... а политики будут обязаны иметь компетентное знание истории и современной поэзии» [2], какими бы несовместимыми казались на первый взгляд столь разные сферы. И в самом деле, только гуманитарная составляющая образования и заставит задуматься, и приучит мыслить вообще и масштабно мыслить тех, кто решения принимает. Б. Рассел считал, что так устроенный мир бы прекрасен. Возможно ли такое? Если озаботиться катастрофичностью современности, хотя воплотить это в жизнь очень непросто. Переориентация мирового сообщества пропорциональна

глобальности его бытия, но она единственный выход. В этой переориентации станет не нужным и вредным стремление правящих вытеснить интеллектуалов с политического поля, а, напротив, появится необходимость в образованных, мыслящих, озабоченных общечеловеческими проблемами людях. Востребованность таких людей естественным образом будет теснить цинизм в молодых, пробудит в них нравственность, задавит безразличие, растормошит творческое начало. Б. Рассел совершенно прав в том, что вылечить цинизм нельзя одной лишь проповедью или путем демонстрации совершенных идеалов. Хотя, учитывая возможности современных СМИ в пропаганде и демонстрации совершенных идеалов, с этого следует начать, но добиться успеха удастся только тогда, когда молодые люди получают и перспективы, и реальные возможности занять себя в деятельном и творческом труде. Только так можно будет проветрить сферу образования до полного избавления ее от цинизма.

Список литературы

1. Слотердайк П. Критика цинического разума – У-Фактория. – М. : АСТ Москва, 2008.
2. Бахтин М. В. Историческое знание в эпоху цинического разума – [rudocs.exdat.com/docs/index – 197655. html](http://rudocs.exdat.com/docs/index-197655.html).
3. Рассел Б. О юношеском цинизме – <http://www.sbiblio.com/forum/>.

Зіннурова Л.І. Цинізм в освіті і студентському середовищі

В статті проаналізований цинізм як соціокультурний феномен сучасності, все більш пронизливе освіту і студентство і руйнуючу їх недугу формалізму; названі пропозиції, способи протидії освітньому цинізму.

Ключові слова: цинізм, цинізм юнацький, цинізм освіти.

Zinnurova L.I. Tsinizm in education and student environment

In the article the cynicism as sotsiokulturniy phenomenon of contemporaneity is analysed, as more piercing education and student and ailment destroying them, and suggestions are adopted methods of counteraction to educational cynicism.

Keywords: cynicism, cynicism the youth, cynicism of education.

ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Кемалова Л.И.

*В данной статье отмечается, что в условиях маргинальности современного общества происходит ломка ценностных ориентаций, что особым образом отражается в настроениях молодежи. Возрастают негативные формы девиантного поведения, на фоне которых происходит углубление разрыва поколений. **Ключевые слова:** маргинальность, маргинальная группа, девиантное поведение, разрыв поколений.*

Актуальность темы определяется тем, что в условиях глубоких трансформационных процессов, охвативших наше общество, когда распадаются социальные связи, разрушаются прежние социокультурные, идеологические, политические и экономические основы жизни, сознание современного человека, представляет собой мозаичную картину с ориентиром на культ потребительства, максимализма и нигилизма, с вектором на акцентуацию и маргинализацию. Маргинализация признается широкомасштабным процессом, с одной стороны, приводящим к тяжелым последствиям для больших масс людей, потерявших прежний статус и уровень жизни, с другой, - ресурсом формирования новых отношений.

Радикальные политико-экономические преобразования влекут за собой изменения ценностно-нормативной базы общества в целом, и отдельных социальных групп, в частности. В первую очередь это касается молодого поколения. Молодежь, не отягощенная грузом предубеждений старых ориентиров, с одной стороны, быстрее адаптируется к новым условиям, и соответственно имеет больше шансов на реализацию активной жизненной стратегии и достижение успеха, а с другой стороны – она более подвержена деструктивному влиянию последствий макросоциальных процессов. Сегодняшнюю ситуацию в стране можно определить как маргинальную, промежуточную, между старой системой ценностей, которая дает существенные сбои, и новой системой ценностей, которая только

зарождается. Это время, когда молодым людям на пороге жизни уже не навязан готовый идеал, а каждому приходится самому определять для себя смысл и направление своей жизни.

Самое опасное в нынешнем состоянии общества переходного периода – усиливающееся ощущение духовной пустоты, бессмысленности, бесперспективности, временности всего происходящего. Ломка ценностных ориентаций особым образом отражается в настроениях молодежи. Нарастает разочарованность в перспективах, формируется психология «ноуви́зма» («здесь и сейчас»), реальностью становится правовой нигилизм, снижаются нравственные критерии.

Молодое поколение оказалось в нелепой ситуации, когда оно, логикой истории призванное развивать унаследованные от предыдущих поколений материальные и духовные ценности, вынуждено вырабатывать новые ценности зачастую самостоятельно, нередко вопреки рецидивам старого мышления своих отцов, их попыткам реставрировать прошлое. В результате естественные противоречия «отцов и детей» в нашем обществе приняли гипертрофированный характер и стали источником конфликтов на фоне маргинализации общества, процессов отчуждения молодежи в обществе, снижения ее социального статуса, возможностей получения образования, работы. Возрастает социальная девиация, которая усиливает межпоколенные противоречия в условиях углубляющейся маргинализации общества[1].

В связи с этим целью статьи является рассмотрение девиантного поведения как фактора усиления противоречия «отцов» и «детей» в условиях маргинальности общества переходного периода.

В условиях трансформационных процессов, происходящих на всем постсоветском пространстве, можно выделить экономические, политические и социальные факторы маргинализации общества. Они тесно взаимосвязаны. Ослабление экономической основы целостности страны, общий спад производства, остановка многих предприятий, ведут к росту безработицы,

росту материальной бедности. Все это, безусловно, сказывается и на политической ситуации в стране.

Особым фактором маргинализации является отсутствие единой шкалы ценностей в условиях переходного периода. В результате отсутствия в украинском обществе единой, генерализирующей системы ценностей, задающей самые общие ориентиры развития общества, личность лишается важнейших образцов социального поведения. Возникает внутренний конфликт, который становится источником характерных для маргинального субъекта установок по отношению к социальному окружению, отмеченных чувством одиночества, тревожности, отчужденности.

Эти процессы наибольшее влияние оказывают на молодежь, поскольку она – специфическая переходная группа, находящаяся на «жизненном перепутье» и относящаяся к группе «запланированных маргиналов».

Маргинализация молодежи определяется вытеснением молодежи на социальную периферию, исчезновением у нее ясных социальных перспектив. Больше половины (56%) украинцев в возрасте от 16 до 26 лет желали бы покинуть страну. Таков вывод украинского Института демографии и социальных исследований имени Птухи, специалисты которого опросили студентов Киева, Запорожья, Ивано-Франковска, Одессы, Умани и Хмельницкого. Эксперты подтверждают, что активизации выездных настроений украинской молодежи способствуют низкий уровень жизни в стране, пессимистичные настроения в молодежной среде. Среди направлений возможной эмиграции самыми популярными являются США (16,25 %) и Великобритания (15,6%) [2].

Высокий уровень безработицы среди молодежи приводит к ее изоляции и отчуждению от общества, а в некоторых случаях - к усилению преступности, наркомании, насилия. Для страны это реальная угроза появления “потерянного поколения” - людей без практических навыков, опыта работы и даже желания трудиться, что может серьезно нарушить воспроизводство рабочей силы, замедлить экономический рост в будущем.

Наиболее актуальные проблемы молодежи связаны с духовно-нравственной сферой бытия о чем свидетельствует: отсутствие мировоззренческих основ смыслоориентации и социально-культурной идентификации молодежи; разрушение механизма преемственности поколений вследствие общей дезинтегрированности культуры; падение престижа образования как способа социальной адаптации; разрыва культурной преемственности; потеря интереса к личностной самореализации; низкая активность молодежи в решении общенациональных, региональных и местных проблем.

На фоне мировоззренческой неопределенности экспансия массовой коммерческой культуры, агрессивно насаждая психологию потребительства и выгоды, приводит к нравственной деградации личности и снижению ценности человеческой жизни, стимулирует асоциальные и противоправные формы самореализации.

Конкретными формами проявления девиантного поведения сегодня называют: алкоголизм, преступность, наркоманию, суицид, проституцию. За первое полугодие 2011 года в нашей стране несовершеннолетние совершили 4551 преступление, что на 3% больше, чем в январе-июне 2010 года. В Украине 90% подростков до 18 лет хотя бы один раз попробовали алкоголь, а 40% употребляют его регулярно. Большинство подростков впервые в жизни попробовали алкоголь в возрасте 15 лет, а 20% признались, что сделали это еще до 13 лет...[3].

Наркомания в Украине увеличивается на 8% в год – тенденция одна из самых высоких в мире. 70% наркоманов – молодые люди до 25 лет. Женская наркомания в Украине в процентном соотношении – самая высокая в Европе. В свою очередь, наркомания оказывает влияние (и в будущем это влияние многократно возрастет) на негативную демографическую ситуацию. Всего на наркологическом учете в Украине находится 618 тысяч алкоголиков, но реальная цифра, по мнению специалистов, в восемь раз больше [4].

С точки зрения самих молодых людей, в иерархии факторов, способствующих наркотизации молодежи, ведущее место занимает естественное стремление людей их возраста искать новые, неизведанные ощущения, а также отсутствие реальных жизненных перспектив (доходов, карьерного роста). Вслед за ними идут факторы социокультурного и социально-психологического порядка: воздействие фильмов и засилье псевдомассовой культуры.

По уровню суицида Украина занимает одно из первых мест среди европейских государств. Согласно данным общеукраинской статистики в конце XX – начале XXI вв. число самоубийств составило 15 тысяч человек (при этом большинство – молодежь возраста от 15-ти до 24-х лет, 188 случаев на сто тысяч юношей и девушек). В среднем по стране – это 30 человек на сто тысяч (в мировой практике высоким признан уровень самоубийств, превышающий 20 человек на сто тысяч) [5, с.15]. Число самоубийств в Украине в 2009 году выросло на 2,7% (или на 259 случаев) по сравнению с 2008 годом.

Девиантное поведение – это сложное явление, в котором обнаруживаются следы влияния как объективных, так и субъективных факторов. Как социальное явление, оно порождается социальной средой и процессы маргинализации, характерные для современного общества, лишь усиливают его. Маргинальность задает своеобразную «зону риска». Поскольку маргинальное поведение – это пограничное поведение, то оно при определенных условиях может смещаться в сторону девиантного.

В результате роста девиантных форм поведения среди молодежи происходит углубление межпоколенных противоречий, своеобразный разрыв поколений. Разрыв поколений (англ. generation gap) — социологический феномен, при котором культурные ценности младшего поколения («детей») сильно разнятся с культурными и прочими ценностями старшего («родителей»). Дети и родители могут воспринимать друг друга как

представителей совершенно чужой культуры, интересов, взглядов и мировоззрений.

В результате изменения системы ценностей, норм, жизненных стандартов, мышления произошло ослабление связей преемственности и даже их разрыв, о чем говорилось выше. Широкое распространение получили новые молодежные субкультуры. Общей причиной образования молодёжных субкультур является недовольство своим социальным положением, а также кризисное состояние общества, неспособного удовлетворить основные потребности молодежи в процессе ее социализации и самореализации. Не все подростки проходят стадию молодежной субкультуры. Существуют и так называемые «нормальные» молодые люди, избравшие традиционный путь социализации. Это не означает, что они не слушают «молодежную музыку», и не носят «молодежную одежду» и т.д. Это означает лишь то, что молодежная культура и ее проявления не становятся для них самоцелью.

Роль молодежной субкультуры возрастает тогда, когда основные социальные институты, обеспечивающие социализацию молодежи (семья, образовательные и культурные учреждения, общественные и религиозные организации, средства массовой информации) пропагандируют весьма разнообразные и отличные друг от друга ценности и модели поведения, что осложняет процесс поиска себя, обретение социального статуса, интеграцию молодежи в обществ. Молодые люди воздвигают границы и обособливаются от других поколений внешним видом и понятным только им сленгом, музыкальными пристрастиями, новым способом коммуникации – Интернет, сотовые телефоны, самоорганизациями в рамках субкультур (не всегда одобряемыми в обществе и нередко – деструктивными).

Существует своеобразная классификация молодежных субкультур. Различают: 1) асоциальные молодежные субкультуры (они стоят в стороне от социальных проблем, но не представляют угрозу для общества). К их числу относят «мажоров» (людей, проповедующих теорию хайлайфизма -

«высокого уровня жизни»), рокеров, хиппи; 2) антисоциальные (они носят ярко выраженный агрессивный характер, ее члены характеризуются стремлением утвердить себя за счет других). К ним относятся так называемые гопники, «банды» (которые, поделив город на зоны влияния, жестоко расправляются с «чужаками»), скинхэды; 3) просоциальные (неформальные объединения, нацеленные на решение социальных проблем культурно-защитного характера – защита памятников, реставрация храмов, экологические проблемы, пропаганда здорового образа жизни).

Особую тревогу вызывают сегодня антисоциальные молодежные субкультуры, приверженцы которых демонстрируют девиантное поведение, своеобразный протест, выражающийся в неприятии существующих норм и ценностей (гопники, панки, скинхэды, демонстрирующие неприятие существующих норм законности, правопорядка, морали).

Так, например, такая молодежная субкультура, как гопники, в которую входит молодежь 14-20 лет, провозглашающая культ силы, агрессивности по отношению ко всему чужому, демонстрируют презрение к органам законности и правопорядка. Или такое довольно устойчивое явление в молодежной субкультуре, как панки, которое возникнув в 70-е годы XX века в Великобритании, приобрело множество приверженцев в том числе и в Украине. Смысл английского слова “punk” – “отброс”, “рвань”, “дрянь”, “шпана”. Во времена Шекспира это слово означало наиболее недорогую категорию уличных проституток. В их стиле всегда присутствует неопрятность и небрежность. Грубый жаргон, непристойное поведение. Их отличает крайняя агрессивность, демонстрация презрения ко всем общепринятым ценностям и нормам, что выражается в крайних формах девиации (наркомания, алкоголизм).

Скинхэды («бритоголовые») появились в 80-е годы под лозунгами крайнего национализма и шовинизма, насаждающего ненависть к представителям других национальностей и религий. Это нефашистские молодежные группировки закрытого типа. Именно скинхэды

совершают преступления на расовой почве, культивируя агрессию, насилие по отношению к «чужим». Часто во главе такой молодежной группировки стоит взрослый человек с профашистскими, неонацистскими взглядами.

Полуподпольная активность молодежи обуславливает увеличение представителей опийной наркотической субкультуры. Наркотики являются частью многих молодежных субкультур, но эта кардинально отличается от них тем, что потребление опийных наркотиков является ее стержнем и главным фактором сплоченности ее представителей. Эта субкультура очень активно развивается на юге, востоке и в центре Украины и за последний год — в Киеве. Исследователи связывают ее существование и быстрое распространение с отсутствием перспектив для молодого человека в современном обществе.

Последним «писком» моды в Украине становится субкультура «автономов», появившаяся у нас недавно, но достаточно активная. Ее «адептами» стали часть поклонников альтернативной музыки и украинской анархистской молодежи, которые реализуют себя в искусстве, в первую очередь плаката, граффити и хеппенингов (импровизационных театрализованных представлений). Основой этой культуры является идея создания автономного, постоянно расширяющегося сообщества людей, противостоящего буржуазной культуре, попытка создать безвластные отношения между людьми. Главный лозунг позаимствован у парижского мая 68-го: «Запрещено запрещать». В Украине основу этой субкультуры составляют студенты. Очевидно, причинами развития «автономов» есть неопределенность будущего для молодых людей, получивших высшее образование, и неудовлетворенность интеллектуальным и эстетическим уровнем массовой молодежной культуры, пропагандируемой сегодня масс-медиа.

Сейчас очень популярны интернет-субкультуры. Есть группа молодежи, которая в качестве своеобразного протеста против тех проблем, которые ее окружают в реальной жизни, предпочитает уйти в виртуальную реальность,

избегая активных контактов с окружающим миром (геймеры, блоггеры). Одна из интернет-субкультур - так называемые пАдонки. Она образовалась в 2000 году. Падонки (искажённое от подонки) — русскоязычная сетевая субкультура, основателем которой считается пользователь из Петербурга Дмитрий Соколовский, создавший ресурс под названием «udaff.com». Главная черта – отрицание всех правил классической орфографии и стилистики. Вся речь тех, кто входит в эту молодежную субкультуру, пестрит орфографическими ошибками. Несмотря на то, что это делается намеренно, все это оседает в мозгу подростка. Все посетители разделяются на «аффтараф» и «каментатараф», которые оставляют свои так называемые «каменты», в которых выражается оценка написанного «креатиффа», типа - «афftar жжет», «афftar адкий сотона» и т.п. Это кажется смешным, если человек владеет навыками орфографии и умеет писать и читать правильно. Но совсем другое дело, когда ребенок воспринимает это как образец классической орфографии и культуры общения. Вот здесь и возникает опасность. Уже сегодня жаргон «падонков» постепенно переходит из виртуальной жизни в реальную. Все чаще его можно встретить в рекламе и на витринах магазинов (не говоря уж про граффити). Но главная особенность «падонков» заключается не в том, что они безграмотны или необразованны и некультурны, а в том, что они не признают все это как ценность. Более того, они отрицают эти ценности и декларируют ненависть к образованию, воспитанию, культуре в целом, признавая ценность только своей субкультуры. В этом и опасность для молодежи. Выражая таким образом протест против существующих норм и правил, они устанавливают далеко не самые лучшие образцы поведения и общения.

Однако негативные формы проявления отклоняющегося поведения отнюдь не являются характерными для всей без исключения молодежи. Помимо вышеназванных, существуют молодежные субкультуры, которые провозглашают здоровый образ жизни, включающий строгое вегетарианство (веганизм), защиту животных, воздержание от алкоголя, наркотиков,

курения, беспорядочных половых связей (например, хардкор — выросшая из движения неопанков субкультура) или представляют собой объединение людей, защищающих окружающую среду от промышленной экспансии, вмешательства человека в естественную жизнь природы (экологическая альтернатива, или экологически-пацифистская альтернатива).

В начале 1980-х годов XX века зародилась субкультура стрейт-эджеров. На сегодняшний день это молодежная субкультура, которая не боится быть трезвой. В данную субкультуру входят подростки, которые сами, без всякого принуждения или поощрения со стороны взрослых, полностью отказываются от алкоголя, табака, беспорядочного секса и наркотиков. Они позиционируют себя как сообщество, активно противостоящее лицемерию мира взрослых, который, с одной стороны, негодует против употребления алкоголя и прочих наркотиков подростками, а с другой стороны, поощряет его через рекламу и сообщения СМИ, «семейные традиции» и невмешательство в дела зарабатывающих на подростках дельцов. В организации нет иерархии, отчетов, выборов, униформы и прочих формальных признаков. Есть просто ряд основополагающих принципов, включающих полный отказ от алкоголя, табака, наркотиков, и объясняется этот выбор тем, что их употребление не только опасно, но и аморально. Выпускаются «самиздатовские» журналы и другие материалы, а в последние годы средством общения стал Интернет.

Еще одна субкультура, не приветствующая девиантные формы поведения молодежи, это - Позитивное Правое молодежное движение. Ее представители провозглашают концепцию Здорового Образа Жизни и Здорового Образа Мысли. В реальной жизни они призывают молодежь прилагать усилия и непрестанно идти вперед к самосовершенствованию и развитию.

Эти примеры еще раз подчеркивают, что не вся молодежь девиантна, что ее представители могут по-разному воспринимать окружающую действительность, демонстрируя разные формы поведения: от деструктивных, выражающихся в разных формах отклоняющегося от нормы

поведения, до конструктивных, демонстрирующих поиск выхода из сложившейся ситуации через позитивные формы самореализации (о чем будет сказано ниже). Некоторые из молодежных субкультур могут создавать платформу для развития негативных тенденций в молодежной среде (проблемы наркотизма, насилия и т. д.), другие скорее имеют позитивное общественное значение (экология и т. д.). Во всех случаях важно, что через субкультурные формы для определенной части молодежи лежит путь к освоению социальности.

Молодежь, как маргинальная группа, может по-разному воспринимать реальность своего бытия:

- молодой человек либо смиряется со своим положением;
- либо живет с чувством неполноценности и разочарования;
- либо стремится изменить окружающую действительность, используя свой творческий потенциал.

И, несмотря на то, что в современных условиях нашего общества возрастает именно деструктивный тип маргинальности (и негативное отношение общества к маргинальности связано с ним), все же он не является определяющим для всего феномена в целом, а представляет собой лишь одну из форм его проявления в мире. Только от самого индивида зависит, сможет ли он воспользоваться предоставляемой ему возможностью реализовать свой творческий потенциал. Пребывая в пограничной ситуации, человек встает на путь саморефлексии, он напряженно ищет выхода.

Итак, рубеж XX - XXI вв. характеризуется как время глубоких трансформационных процессов. Разрушение социокультурных, идеологических, политических и экономических основ жизни, неопределенность создают благоприятную почву для возникновения явления массовой маргинализации.

В особом положении оказывается молодежь, которая сама является маргинальной группой в силу переходности, промежуточности своего состояния. Молодой человек пытается адаптироваться в меняющемся

обществе, но эти попытки зачастую демонстрируют патологический характер. Несоответствие возможностей и естественных потребностей, провозглашенных новых целей и имеющихся средств их достижения – вот одна из главных причин социальной аномии и девиантного поведения в современных условиях, и, как следствие, - разрыв поколений.

Наркотизация молодежи, рост преступности, агрессивности, озлобление в связи с невозможностью в сложившейся ситуации реализовать свои потребности в различных сферах жизнедеятельности, ценностная дезориентация, растущая бездуховность ведут к тому, что возникает негативное отношение к ним со стороны «отцов», недовольных их поступками, взглядами, манерами, различными видами молодежных субкультур, пропагандирующих насилие. В свою очередь «дети» не воспринимают те ценностные ориентиры, которые они унаследовали от своих родителей, считая их устаревшими.

Анализ межпоколенных взаимодействий в условиях социальной транзитивности позволяет разработать стратегию взаимодействия поколений в Украине, рассматриваемую как сотрудничество поколений, основанное на толерантном и гуманном отношении между субъектами межпоколенного взаимодействия, которые будут являться фундаментом преемственности и сохраняют целостность поколений. Для реализации этой стратегии необходима как эффективная социально-экономическая политика, так и целенаправленная молодежная политика, нацеленная на необходимость создать условия для самореализации молодежи.

Список литературы

1. Кемалова Л.И., Парунова Ю.Д. Личность маргинала и возможности её социализации в условиях транзитивного общества. Монография. / Л.И. Кемалова, Ю.Д. Парунова – Симферополь – Керчь, 2010.-298 с.
2. Деловая газета «Взгляд» /<http://www.vz.ru/economy/2012/1/20/555117>.
3. Коваль Л. Що провокує дитячий алкоголізм? //Любомира Коваль. //Урядовий кур'єр. – 27 січня, 2012 р.
4. Интернет-ресурс. - <http://www.eurolab.ua/news/ukraine-news/42827/>
5. Новые демографические тенденции в Украине //Экономика Украины. – 1998. - №5. – С. 15.

Кемалова Л.І. Поведінка молоді сучасного суспільства перехідного періоду.

У цій статті відзначено, що в умовах маргінальності сучасного суспільства відбувається ламання ціннісних орієнтацій, що особливим чином відбивається в настроях молоді. Зростають негативні форми девіантної поведінки, на фоні яких відбувається поглиблення розриву поколінь.

Ключові слова: маргінальність, маргінальна група, девіантна поведінка, розрив поколінь.

Kemalova L. I. BEHAVIOR OF YOUTH OF MODERN SOCIETY IN TRANSITION

In this article it is stated that the break of value orientation happens under the conditions of marginality of modern society, which is reflected in the youth mood. Negative forms of deviant behaviour are increasing, on the background of which the generation gap grows.

Key-words: marginality, marginal group, deviant behaviour, generation gap.

УДК 316.734

ДВИЖЕНИЕ К ВЕРОЯТНОСТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Сафонова Н. В.

Высказывается предположение, что плюрализм мнений и новые принципы в науке приводят к трансформации мировоззрения. Намечается тенденция к вероятностному мышлению. Выбор термина «вероятностное мышление» обосновывается связью многозначных логик и вероятностных процессов приобретает особое значение.

Ключевые слова: правда, истина и ложь, плюрализм мнений, вероятностное мышление, многозначные логики.

В начале XX века Ницше заявляет, что «Истины нет». Несмотря на красноречивый конец жизни этого незаурядного мыслителя, его лозунг подхватывается культурой постмодерна. Оглядываясь на прожитый век, можно констатировать, что знаменитый философ «угадал», ближайшее будущее, то что XX век будет справедливо назван «эпохой тоталитарного вранья и дешевой политической мифологии» [1, с. 41]. Одним из результатов завоеваний демократии и завершения процессов глобализма становятся сформированные представления о необходимости взаимопонимания, а вместе с тем сочувствия и уважения к чужому мнению. Разнообразие культур и верований требует от человека известной толерантности – терпимости к чужим мнениям и верованиям.

Только ли блага несет такая позиция в наше поликультурное общество? Пожалуй, нет. Терпимость к чужому мнению может обернуться и негативной стороной – отсутствием жизненных принципов, политикой соглашательства и, в конечном итоге, отказом от истины.

К началу XXI века для нас становятся привычными слова: «каждый человек имеет право на собственную позицию», и, неважно, какие результаты принесет эта позиция для окружающих. Ложь становится нормой и преподносится как толерантность, плюрализм мнений, определенная свобода в обществе. Плюрализм мнений [от лат. pluralis

— множественность] — демонстрация и реализация различных, инвариантных позиций, мнений, точек зрения в условиях совместной деятельности и общения по поводу вопросов и задач, лично значимых для каждого и принципиально важных для общности в целом. Необходимо специально обговорить, что несовпадение мнений, отсутствие их нивелировки, поверхностного единства ни в коей мере не означает, что в обществе сложилась конфликтная ситуация. Плюрализм преподносится как характеристика доброжелательности и уважения к другому человеку.

Плюрализм, терпимость к чужому мнению, уже укоренные в культуре, по сути своей, становятся факторами, подтверждающими, что общество в своем большинстве принимает ситуацию отказа от абсолютной истины.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл замечательно сказал. «Отличительной чертой постмодерна является идея плюрализма мнений. Нет правды и лжи, нет истины, есть плюрализм мнений. Вводится релятивизм, в том числе и в нравственную систему ценностей. Нет хорошего и плохого, это вопрос вкуса... Если разрушено понятие добра и зла, нет границ... И вы не докажете, что добровольный уход человека из жизни — это грех, что это социально опасно, что это опасно для целостности человеческой жизни. Добро и зло смешивается, постмодерн, нет правды, выбирай, что хочешь» [2].

«Добро и зло смешивается». С одобрением и пониманием воспринимается решение царя Соломона, который выслушав стороны, участвующие в споре, заявил, что каждый из них прав. Интересен тот факт, что практически все студенты (около 200 человек) на занятиях по дисциплине «философия» не смогли ответить на вопрос «почему лгать — плохо?». «Так или иначе, только складывающаяся привычка жить во лжи приводит нас к обыкновению столь изощренного именованья правдолюбия — «наивным» [3, с.117]. Не исключено, что XXI век назовут эпохой

«смешивания добра и зла».

Обусловлен ли заявленный плюрализм мнений и невозможностью определить ситуацию в диапазоне от истины до лжи только лишь ситуацией поликультуры? Пожалуй, нет. Изменение мировоззренческих позиций очень сложный и глубокий процесс. Нельзя процесс трансформации в мышлении объяснить только лишь внешними культурными факторами. На наш взгляд, можно указать еще одну составляющую, повлиявшую на сложившуюся ситуацию.

Цель представленной работы: показать, что плюрализм мнений порожден комплексом причин, в частности, трансформациями в науке от позиции жесткого детерминизма до вероятностного мышления.

До XX века любая научная теория подчинялась законам классической логики, в первую очередь, с ее законами исключенного третьего и непротиворечия. Логическая составляющая теории, задавала следующие концептуальные положения: всякое суждение либо истинно, либо ложно. Два противоположных суждения не могут быть одновременной претензией на истину. Неклассические (многозначные) логики помимо значений «истина» и «ложь», допускают другие значения: «неопределенно», «возможно», «случайно», «бессмысленно», «сомнительно»... Заявленную ситуацию плюрализма мнений, на первый взгляд, можно было бы назвать «многозначным мышлением», но этот термин употребляют психологи, когда говорят об образном мышлении [4]. Термин «вероятностное мышление» в нашей трактовке подчеркивает связь с вероятностными процессами.

Еще в античности категории причины, следствия и случайности становятся важной неоднозначной проблемой, решение которой имеет собственную историю. К XX веку аксиомы причинности в классическом естествознании заявили о себе через принципы детерминизма:

- любое явление имеет некоторую вызывающую его причину;
- одинаковые причины (в одинаковых условиях) вызывают одинаковые следствия;

➤ причина предшествует следствию.

В XX веке складывается альтернатива - причинные связи носят вероятностный характер: любое следствие порождается ансамблем вероятностных событий, поэтому связь порождающих и порожденных обстоятельств может носить вероятностный характер.

Случайность, вероятностные процессы прочно входят в научные теории XX века. О степени адаптации теории вероятности, говорит тот факт, что элементы этой науки изучают в средней школе на уроках математики, задачи этого цикла представлены в экзаменационных тестах.

Термин вероятностное мышление автор предложенной статьи предлагает в несколько другом смысле, отличным от введенного в 1945 г. советским психологом Борисом Михайловичем Тепловым (1896-1965). В трактовке Теплова вероятностное мышление обозначает вид мышления, в структуру которого входят суждения о степени вероятности ожидаемых событий [5]. Наше толкование термина не является противоположным вышеуказанному, а обогащается дополнительным смыслом. Это мышление, которое не работает в рамках аристотелевской двухзначной логики с ее законом исключенного третьего. Суждение, помимо классических значений «истина» и «ложь», допускают другие значения: «неопределенно», «возможно», «случайно», «бессмысленно», «сомнительно», «маловероятно»... Все они занимают не диаметрально противоположные значения «истина» или «ложь» («1» или «0» соответственно), а лежат в диапазоне этих значений с той или иной степенью вероятности.

Достоверным называют событие, которое обязательно произойдет. Вероятность такого события равна единице (обозначают $P(A)=1$). **Невозможным** называют событие, которое заведомо не произойдет. Вероятность такого события равна нулю (обозначают $P(A)=0$). **Случайным** называют событие, которое может либо произойти либо не произойти. Вероятность такого события лежит в диапазоне от нуля до единицы (обозначают $0 < P(A) < 1$) [6, с. 14-20].

Выбор термина «вероятностное мышление» связан с тем, что с середины XX века прошло столетие. За это время произошли существенные изменения в науке и научной картине мира. Вероятностными процессами на сегодняшний день объясняют поведение частиц в микромире. Построения многозначных логик также применяют в теориях микромира (в 1933 году Т. Звицкий обнаружил, что многозначные логики могут быть использованы современной квантовой физикой). Действительно, многозначные логики и вероятностные процессы имеют тесную связь. Попытки осмыслить ситуацию, когда частица ведет себя как волна и как частица, или когда одна и та же частица одновременно проявляются в разном измерении, привели, на наш взгляд, к тому, что современный человек стал достаточно спокойно реагировать на наличие одновременно двух противоположных позиций, и даже соглашаться с ними. О том, что эта тенденция действительно намечается и оказывает влияние, можно косвенно судить по повышенному интересу к даосским притчам среди молодежи. «Достигая своего предела, вещи переходят в свою противоположность». В сети Internet можно наблюдать живые дискуссии, посвященные обсуждению противоречивых высказываний. Особенность восточной логики состояла в отказе от закона исключенного третьего. Как известно, эту особенность интерпретируют по-разному. Европейская логика гласит: «есть черное и есть белое», восточная логика утверждает: «есть еще и серое». Живой интерес к даосским афоризмам и их осмысление в рамках многозначных логик также приводит к трансформации мировоззрения и движения к вероятностному мышлению.

Трансформации мировоззрения можно частично объяснить спецификой образования. В науке нет оценочного мнения в диапазоне от плохого к хорошему, есть только точка зрения, как правило, принципиально лишенная оценки. Современное образование, в котором гуманитарная составляющая занимает минимальную часть, а все внимание уделено естествознанию, накладывает свой отпечаток на мировоззрение человека в целом. Мировоззрение – это сложившаяся система взглядов человека на мир и на

свое место в этом мире. Она определяет в конечном счете, отношение человека к миру и к самому себе. Только гуманитарное образование и воспитание обеспечивает оптимальное решение противоречий между родовой, социальной и духовной сущностью человека, где разнопланово заявляют о себе «воля к жизни», «воля к власти над обстоятельствами» и «воля к власти над собой».

Появляются новые методы исследования, в основе которых особую роль играет случай. Так, в синергетике «фундаментальным принципом самоорганизации служит возникновение нового порядка и усложнение систем через флуктуации (случайные отклонения) состояний их элементов и подсистем. Такие флуктуации обычно подавляются во всех динамически стабильных и адаптивных системах за счёт отрицательных обратных связей, обеспечивающих сохранение структуры и близкого к равновесию состояния системы. В более сложных открытых системах, благодаря притоку энергии извне и усилению неравновесности, отклонения со временем возрастают, накапливаются, вызывают эффект коллективного поведения элементов и подсистем и, в конце концов, приводят к «расшатыванию» прежнего порядка и через относительно кратковременное хаотическое состояние системы приводят либо к разрушению прежней структуры, либо к возникновению нового порядка. Поскольку флуктуации носят случайный характер, то *состояние системы после бифуркации обусловлено действием суммы случайных факторов*» [7].

Пожалуй, не было ни одного периода в истории человечества, когда столь существенную роль отводили случаю. Теория вероятности появляется только в XVII веке и, по мнению А. А. Григоряна[8], это стало возможным только тогда, когда был сломано идущее от Аристотеля представление о том, что «о случайном нет знания через доказательство».

Аристотель в свое время осуществил анализ существующих мнений по вопросу случайности и сделал вывод: «Некоторые сомневаются, существует случай или нет. Они (мудрецы) утверждают, что ничего не происходит

случайно... но, по мнению всех людей, часть событий происходит случайно, а часть – не случайно» [9, с. 54]. И рассуждает далее: «Есть многое, что совершается не по необходимости, а случайно... Если в явлениях нет случая, но все существует и возникает из необходимости, тогда не пришлось бы ни совещаться, ни действовать для того, чтобы, если поступить так, было одно, а если иначе, то не было этого». [9, с. 56].

Случайности Аристотель придает статус объективного существования.

Как известно, для античной философии характерна принципиальная дихотомия между знанием (*episteme*) и мнением (*doxa*). При этом, под знанием понималась система достоверных утверждений, доказанных по образцу евклидовой геометрии. За рассуждениями, которые не удовлетворяли указанным критериям, не признавали статуса научности. Выводы проходили оп реестру мнений.

Аристотель приходит к выводу, что «многое же хотя и истинно и существует, но может быть иным. Ясно поэтому, что о нем нет науки» [9, с.64].

Как было сказано, авторитет Аристотеля в этом вопросе был столь велик, что теория вероятности появляется лишь спустя 2000 лет. Знания о случайном складываются вследствие формирования науки – теории вероятности. Необходимо отметить, что эти знания, в основном, носят количественный характер. Например, «**вероятностью** события А называют отношение числа, благоприятствующих этому событию исходов к общему числу всех равновозможных несовместных элементарных исходов, образующих полную группу» [6, с.19]. Только к XX веку благодаря нуждам квантовой механики, появлению многозначных логик и нового метода синергетики вероятностные процессы становятся частью нашего мышления.

Многозначные логики появились впервые в связи с отрицанием закона исключенного третьего, сформулированного Аристотелем. Любое высказывание в аристотелевой классической логике всегда либо истинно, либо ложно, поэтому такую логику называют двухзначной. В начале XX века

Ян Лукасевич рассматривает трехзначную логику, в которой высказывания могут принимать значения «истина», «ложь», «неопределено». Существует внутренняя связь в теории многозначных логик и вероятными процессами. Так, бесконечнозначная логика была задумана Рейхенбахом в качестве фундамента математической теории вероятностей. Самое существенное, «при построении многозначных логик каждому высказыванию p ставится в соответствии некоторое действительное число $T(p)$ отрезка $[0,1]$; число это называют значением истинности p . Значение истинности p можно понимать, таким образом, как вероятность того, что p истинно, а два высказывания, имеющие одно и то же значение истинности, можно считать логически эквивалентными. Значение истинности 1 означает истинность, а значение истинности 0 означает ложность. Отрицание p' определяется в терминах значений истинности следующим образом: $T(p')=1-T(p)$ » [10, с. 29].

В теории вероятности существует теорема (о том, что сумма вероятностей противоположных событий равна 1; и записывается: $P(A)+P(A')=1$ [6, с. 34]), что совершенно идентично нашей формуле. Указанный подход свидетельствует о наличии тесной связи между многозначными логиками и теорией вероятностей.

Таким образом, вместо слов «многозначное мышление», плюрализм мнений, мы считаем вполне обоснованным употреблять термин «вероятностное мышление», так как он обладает своим дополнительным смыслом. Основной его характеристикой является отказ от законов классической логики – исключенного третьего и непротиворечия, следовательно, это будет мышление в рамках многозначных логик, и которое можно емко выразить фразой «добро и зло смешивается, постмодерн, нет правды, выбирай, что хочешь» [2].

Постепенный отказ от истины является очень опасным моментом в условиях тотальной глобализации мира, когда идет лихорадочный поиск Нового мирового порядка, в условиях торжества общества потребления и трансформации другого в чужого. Это влечет за собой отказ от жизненных

принципов и ценности идеалов. Человек становится управляемой куклой. Неслучайно, Дж. Оруэлл в своем романе «1984» показывает, что формирование мышления человека в тоталитарном обществе начинается с извращения истины, подменой ее ложью. Необходимо переосмыслить блага терпимости к любой точке зрения (блага плюрализма мнений) и возвращаться к истине.

Список литературы

1. Лазарев Ф. В. Оправдание мудрости: монография / Ф. В. Лазарев, М. К. Трифонова. – Симферополь : Синтагма, 2011. - 556 с.
2. Лекция митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла РГГУ в рамках Дней русской политической культуры [Электронный ресурс] / Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. - / Режим доступа : <http://www.interfax-religion.ru/atheism/?act=document&div=454-69k>.
3. Шоркин А. Д. Культурология лжи / А. Д. Шоркин // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология» [Текст] / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь : 2012. – Т. 24 (65), №1-2. – С. 102-122.
4. Ямр-коды трехзначной логики (Биофизические предикторы многозначного мышления) / В. А. Карева, Г. А. Аминев, Э. Г. Аминев, Л. П. Солодухина. – / [Электронный ресурс] / Режим доступа : http://www.psichology.vuzlib.net/book_o003_page_12.html.
5. Вероятностное мышление / [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.medeffect.ru>
6. Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика / В. Е. Гмурман. - М.: Высшая школа, 2003. - 480 с.
7. Синергетика [Электронный ресурс] / Режим доступа : <http://www.wikipedia.org/wiki>.
8. Григорян А. А. Социо-культурные и метафизические круги и их преодоление в развитии математики [Электронный ресурс] / А. А. Григорян - / Режим доступа : www.portalus.ru/.../print.php.
9. Аристотель. Физика / Аристотель. - М.: Соцэкгиз, 1937. – 189 с.
10. Ивс Г. О математической логике и философии математики / Г. Ивс, К. В. Ньюсом. – М. : Знание, 1968. – 48 с.

Сафонова Н. В. Рух до ймовірнісної картини світу.

Висловлюється припущення, що плюралізм думок та нові принципи в науці приводять до трансформації світогляду, а саме: намічається тенденція до ймовірного мислення. Вибір терміну «ймовірне мислення» обґрунтовується зв'язком багатозначних логік і ймовірних процесів і добуває додаткове значення.

Ключові слова: істина та хиба, ймовірне мислення, плюралізм думок, багатозначні логіки.

Safonova N. V. Motion to probability worldview.

It is suggested that pluralism and the new principles of science lead to the transformation of the world, specifically: a tendency to probabilistic thinking. The choice of the term "probabilistic thinking" is justified bond valued logics and probabilistic processes and acquires additional significance.

Keywords: true and false, probabilistic thinking, pluralism of opinions, multivalued logic.

Раздел II

АСПИРАНТЫ И СОИСКАТЕЛИ

УДК 316.183

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Долгов А. Г.

Данная статья посвящена рассмотрению сущности феномена социального времени и изменения его характеристик и способов функционирования в современной массовой культуре.

Ключевые слова: культура, массовая культура, время, социальное время, Эра значимого времени.

Категория социального времени является наиважнейшей в вопросе о сущности личности человека, поскольку личность является общественным образованием, возникает и существует только в социальной среде. Время имеет значение для личности только лишь в том аспекте, что каждая личность есть также и индивид, индивидуальность – представитель определенного биологического вида, который имеет свои параметры продолжительности биологического функционирования. Время биологической жизни принципиально отличается от времени социального бытия.

Биологическое время имеет власть над всеми живыми системами, которые существуют на данный момент во Вселенной, в частности, на нашей планете. Ход внутренних часов задает каждому живому организму свой, индивидуальный, ритм жизнедеятельности, который связан с сокращением сердечной мышцы. Ритм сердцебиения у мыши и у слона различен [3], и, поэтому, можно сказать, что биологическая жизнь мыши специфична, отлична от той, которую проживает слон. Точно таким же образом специфична и биологическая продолжительность жизни человека, которую

задает ритм его сердцебиения. Человек на уровне индивида и индивидуальности, на уровне своего биологического существования, остро чувствует и переживает свою конечность, временность своего присутствия в этом мире, понимая его как единственно данное и возможное. Человек, как индивид, всецело подчинен биологическому времени, все его поступки, связанные с этими уровнями существования, носят отпечаток времени на себе. Добыча пропитания, обеспечения своей жизнедеятельности, продолжение рода – все эти функции несут на себе отпечаток биологического времени.

Но человек не сводится лишь к своему биологическому существованию, у человека появляется новое измерение, новое качество бытия – возникает человеческая личность, которая есть интегративным социальным образованием. На уровне личности происходит качественное изменение временного потока, течения времени – оно становится социальным. С этих пор, именно социальное время становится властелином личности, подчиняя его себе полностью и без остатка.

Казалось бы, в этом процессе на первый взгляд нет ничего плохого, человек всё больше и больше осознает себя как самость, становится экзистенцией в самом полном смысле. Это не так хорошо, как кажется на первый взгляд...за абсолютизацией здесь-и-сейчас теряется «после» и «до», теряется «там», границы реальности сужаются, мир человека сжался до тиканья часов, возвещающих о конце рабочего дня.

Время сыграло в происходящих событиях немаловажную роль. После того, как на городских ратушах в Европе установили часы, а после они появились в каждом доме, жизнь человека безвозвратно изменилась, наступила новая эра - Эра значимого времени. Само появление механизмов для измерения времени не имело такого пагубного воздействия на человека, как их усовершенствование, совершенствование технологии измерения и фиксации бесконечно малых промежутков времени. Человек во всем стремится к совершенству, в этом его дар и его проклятие, поскольку,

совершенствуя свои творения, всё больше загонял себя в рамки, ставил самого себя на колени. Господин раба стал рабом раба. [2.с.103-106] Как только у человека появилась возможность фиксировать бесконечно малые промежутки времени, человек стал перестраивать в соответствии с фактом их существования всю совокупность техники, стал вносить поправки, основанные на вновь полученных, уточненных данных, в научные теории, стал перестраивать свою повседневную жизнь таким образом, что секунда и её доли стали столь же значимы для нас, как значимы были когда-то века и тысячелетия, тогда как ранее никому бы и в голову не пришло строить сообразно с ней свою повседневную деятельность.

В бытие человека начали встраиваться новые системообразующие элементы, которые инициировали реорганизацию пространства бытия. Это самый яркий из примеров проявленности категории социального времени в мире повседневного общественного бытия личности. Можно сказать, социальное время определяет социальное бытие личности, если перефразировать известный тезис марксистской философской традиции.

Также, интересной особенностью социального времени является его двойственный характер. С одной стороны, социальное время, в котором существует личность, является сублимированным в культурно-релевантных образах биологическим временем существования человека как представителя особенного вида живых организмов. Биологическое время сублимировано во множестве форм, наиболее распространенными из них являются обрядовые действия, сопровождающие праздничные или значимые социальные события – такие, как свадебные обряды, празднества, сопровождающие различные события в природном или социальном окружении. Простейшей формой сублимации биологического времени, о которой уже говорилось, являются механические часы (или любой другой вид измерительного прибора, фиксирующий изменение времени), которые отсчитывают биологическое время, задавая ритм социальной деятельности личности.

Личность, человек не может существовать, не сверяясь со всезнающим оракулом времени, который отмеряет секунды и часы его бытия. Сублимированное биологическое время продолжает быть значимым для человеческого существа, какие бы формы оно не принимало, социальная жизнь буквально заякорена в определенных точках, которые определены для каждой культуры в своих местах временного континуума. Однако основная особенность сублимированного биологического времени все же остается, какие бы формы оно не принимало – оно имеет тенденцию заканчиваться. Что-то издевательское видется за севшей батареей в наручных часах, потому что в этот момент человек буквально выпадает из временного потока, находится вне времен, и, чем дольше это состояние продолжается, тем неуютнее чувствует себя человек. При отсутствии других факторов, которые могли бы подсказать человеку, в каком временном отрезке он находится, человек может существовать довольно долго, его организм адаптируется к условиям среды с неявным течением времени. В пример этому утверждению можно привести поведение организма спелеологов, долгое время пребывающих в пещерах, где нет точных указателей на временные отрезки.

С другой же стороны, находясь в социальной среде, но оказавшись выхваченным из временного потока, человек начинает испытывать когнитивный диссонанс, который выражается в чувстве потерянности и желании как можно скорее купить батарейку, чтобы вновь запустить своего карманного оракула. И как только стрелка часов вновь начинает свой бег, человек присматривается к каждой секунде, которая является теперь для него значимой. Человек ныне живет в Эре Значимого Времени, когда дорога каждая секунда.

На этом этапе происходит интересная трансформация потока сублимированного биологического времени – появляются настолько малые отрезки времени, являющиеся социально значимыми, что они не имеют никакого смысла относительно биологического времени самого по себе. Возникает дополнительная смысловая нагрузка, имеющая социальное

происхождение. Минимальные отрезки времени значимы лишь социально, для живого организма не существует понятия пол-секунды или две секунды – для него важна продолжительность биологического существования, задаваемая природными и организмическими ритмами. Живой организм погружен в естественную ритмику бытия. Социальный же организм, личность, погружена в искусственную ритмику бытия, которая задается общественным бытием. Налицо процесс формирования системы с псевдозамкнутым циклом – человеческое бытие в социуме требует постоянного совершенствования чувства важности все более малых временных отрезков, которые включаются в ткань социального бытия, изменяясь и преломляясь в нем, чтобы снова породить запрос на совершенствование системы временного реагирования личности.

Минимальные отрезки времени имеют лишь социальный смысл. Социальный смысл появляется при оперировании концептами бесконечности времени. Максимально малые и максимально большие отрезки времени являются социально значимыми, они не имеют значения для биологической системы. Такое понятие, как бесконечность времени не имеет смысла для живой системы, замкнутой в рамки своего бытия, определяемого ударами сердца. Жизнь биологической системы конечна, жизнь всех подобных систем имеет универсальную характеристику конечности, завершенности. Поэтому понятие бесконечности или пролонгации времени не имеют для живой системы никакого смысла.

Бесконечность времени проявляется как социальная категория, призванная удовлетворять социальные аспекты бытия человека как личности. Вопрос о характере физического времени как таковом остается открытым, но есть несколько примеров, которые доказывают и демонстрируют, что бесконечность и пролонгация времени являются социальными категориями. Простейшим примером пролонгации времени будет являться тот труд, который развернется на этих листах. Любая деятельность человека, имеющая под собой в основании опредмечивание, так или иначе направлена

на пролонгацию времени, каким бы нелогичным ни казалось данное словосочетание. Развертывающаяся деятельность по опредмечиванию мыслительной активности в форме электромагнитных взаимодействия ячеек памяти накопителя информации является, в своей конечной форме, попыткой пролонгации социального бытия личности за рамки биологической смерти. Любое творчество, любое опредмечивание, любая деятельность человека, является попыткой пролонгации своего социального бытия. Если говорить языком М. Хайдеггера, присутствие продолжает себя в акте самоовеществления. В этом акте преодолевается биологически сублимированное время, преодолевается его смысл, время получает новое качественное измерение. Оно продолжает содержать часть сущности личности после её биологической смерти.

Авторство книги или картины есть попытка продолжения социального бытия личности за тот момент, когда в часах кончается батарейка. В этом аспекте, часть сущностных характеристик личности, выраженных в её творчестве, продолжает существовать в социальном плане, репрезентирова личность в целом. Данный механизм был описан, и известен под названием партиципация – часть целого, которая представляет само целое. В классическом виде, понятие партиципации раскрывается как понятие, введенное Л. Леви-Брюлем для обозначения основного закона пралогического мышления, которое обнаруживает полное безразличие к логическому закону противоречия, допуская сочетание противоположностей в одном представлении. Руководствуясь законами партиципации, архаическое мышление устанавливает сопричастность и тождество по сущности между индивидом и тотемом (прародителем племени), между материальными предметами и духовными явлениями, между существами и силами. Установление такого рода сопричастностей формирует важнейший признак пралогического мышления – его мистический характер. С развитием общества, накоплением эмпирических знаний и усилением логических структур мыслительной деятельности закон партиципации утрачивает,

согласно Леви-Брюлю, господствующее положение, что становится условием свободы и прогресса мышления, ослаблении в сознании мистических компонентов. При этом, однако, партиципация не устраняется целиком и при определенных обстоятельствах действует в коллективных представлениях развитых обществ. [1.с.250]

Однако, не является ли чтение книги «разговором» с автором, пусть имеет место порождение и продуцирование тех смыслов, которые не были первоначально заложены тем автором, не является ли созерцание картины созерцанием части души художника?..Даже кресло и табуретка, выполненная рукой ремесленника, является претензией на подобную пролонгацию, продолжение бытия личности за рамки индивидуального существования. Личность или части личности продолжают присутствовать в социуме благодаря наличию смысловых структур, смысловому и ценностному измерению. Каждая личность имеет ориентацию на определенный набор ценностей, вырабатывает определенной набор смыслов и смысловых структур, в рамках которых происходит интерпретирование социальной реальности.

Смыслы и ценности тесно связаны с временным фактором существования человеческой личности. Без относительности ко времени ценности и смыслы не имеют своего существования. Можно сказать, что ценностное и смысловое измерение соотносится с особым типом времени, которое существует наряду с минимально значимым. Такой тип можно назвать бесконечным временем, максимально значимым. С одной стороны, такая категория, как бесконечность времени появляется в рамках философских и естественнонаучных изысканий, и успешно используется при построении различного рода теорий, но свой подлинный смысл категория бесконечного времени получает в сопоставлении с социальной реальностью, приложением к социальному бытию личности. Все ценности и смыслы, которым приписывается высшее место в иерархии, напрямую связаны с

понятием бесконечности, существуют только в соотношении с данной категорией.

Социальная бесконечность, бесконечное социальное время, находит свое выражение в культурных смыслах и образах, ценностях, которые выступают как регулятивы. Поставленный перед бесконечностью, человек заполняет её пустоту различными феноменами, наполняя время бесконечности, точнее, бесконечность времени, социальным смыслом. Первоначальное, сублимированное биологическое, время уже не имеет точек соприкосновения с бесконечностью времени, которое существует лишь в рамках социальной системы, точнее, её подсистемы духовного производства. Следовательно, существует сублимированное в культурно-релевантных образах биологическое время, присутствующее в ткани социальной реальности, и существует специфическое социальное время, которое представлено минимально значимыми и максимально значимыми промежутками времени, которые выступают как регулятивно по отношению к социальному бытию личности, упорядочивают его.

Кроме этого, не стоит забывать о том, что, как и физическое время имеет свои три модуса – прошлое, настоящее, и будущее, так и социальное время во всех его формах также имеет указанные три модуса.

Что касается сублимированного биологического времени, то данные три модуса имеют практически то же самое значение и смысл для социального бытия личности, что и модусы физического времени. Прошлое, настоящее и будущее составляют единый архитектурный ансамбль театра, внутри которого ставится пьеса индивидуального бытия личности, заключенного в этих рамках. Обряды и праздники формируют те реферные точки, вокруг которых стягивается паутина индивидуального бытия каждого человека. От рождения до смерти, жизнь каждого человека наполнена такими моментами, выраженными в различных формах. Звонок будильника и Масленица имеют один и тот же универсальный смысл, упорядочивая социальное бытие личности в соответствии со структурами, которые сделали её возможной

первоначально. Каждый день напоминают личности, что она есть также и биологическое существо, подчиняющееся законам этого несовершенного мира, призванное выживать здесь.

Т.о., сублимированное биологическое время выступает в качестве социального времени, существующего в качестве минимальных и максимальных значимых отрезков времени. На уровне социального времени имеет место проекция личности на все три модуса времени. Данная проекция учитывает все те особенности социального времени, что были описаны выше.

Проекция личности на социальное прошлое наполнена смыслами опыта духовной и практической деятельности, выраженной в культурно-релевантных образах, который был осуществлен личностью на всем протяжении её существования. При этом такая проекция будет учитывать минимально значимые отрезки времени, вмещающих в себя минимальные опыт и знания, приобретенные личностью в процессе своей жизнедеятельности.

Проекция личности на социальное настоящее выражена в соблюдении норм и правил, законов социального бытия в каждом конкретном обществе, выраженных в законодательных актах, нормах позитивного права, морали и нравственности. На данном уровне учитываются как минимально, так и максимально значимые отрезки времени.

Проекция личности на будущее в большей степени включает в себя ориентацию на ценности и идеалы. Эта сфера заполнена желаниями и надеждами, чаяниями и стремлениями конкретного человека. Здесь он постигает идеалы и ценности в их сущности, которая отчасти репрезентируется их вневременностью, включенностью в бесконечность. Однако не стоит полагать, что идеалы и ценности не освещают путь человека и в настоящем, нет. Проявляясь в настоящем, ценности и идеалы раскрываются только во взаимосвязи с бесконечным. Эта зависимость вечных идеалов от преходящего настоящего вечно будоражила умы философов на протяжении многих столетий...

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что, социальное время не только имеет три модуса, но и обладает такими параметрами, как институционализация – точное измерение и определение социального времени и его значимых отрезков в различных регионах мира, конвенционализация – существует единый стандарт социального времени, который реализуется на практике всеми человеческими существами, населяющими планету Земля, и конституированность – определенные промежутки времени располагаются во временном потоке только строго определенным образом.

Однако в современном мире социальное время начинает претерпевать некоторые изменения, которые нельзя не отметить. Переместясь из плоскости чисто физического существования в плоскость социального функционирования, время стало уязвимым для всех пертурбаций, которые происходят в социальной среде.

Прежде всего это выражается, как уже говорилось, в Эре значимого времени – каждая секунда и микросекунда существования человека на этой земле теперь на вес золота. Если проследить логику зарабатывания денег в современном мире, если проследить логику и сущность зарабатывания денег как поддержания своего собственного существования, то, выходит, что человек расплачивается вовсе не за товары, а за время. Человек или экономит время, покупая и изобретая все боле совершенные способы и средства передвижения и коммуникации, либо берет его в кредит, покупая или добывая продукты питания для поддержания своего существования.

За деньги человек покупает только время своего собственного существования в этом мире. Товары и ценности – лишь тени от солнца Времени на песке пространства. На банковских билетах следует печатать не стоимость национальной валюты, которая, зачастую, не подтверждается материальными благами, а единицы времени, которые человек экономит или берет в кредит. Такая валюта, как время, не зависит от колебания мировых цен на нефть и от золотовалютных запасов той или иной страны, ей

невозможно перенасытить рынок. Не бывает слишком много времени, бывает только, что его не хватает...

С другой стороны, социальное будущее и социальное прошлое отодвигаются все дальше и дальше от личности. В массовой культуре, в современном мире, прошлое постоянно переписывается, а будущее – неопределено. Зато настоящее постоянно заполняется сиюминутными образами, которые поддерживают производство, основанное на принципе конвейера – все больше нового, каждый раз нового. Человеческое, слишком человеческое уже перестало быть пугающей альтернативой. Новое, слишком новое – уже призрак современности, за которым стоит отчаяние и пустота, заполняемая потоком бесконечных образов, которые оставляют такой же след на памяти и внимании человека, как след от ядерной частицы в Камере Вильсона – почти никакой и моментальный.

Социальное прошлое постоянно переписывается, поскольку является совокупностью не констант, а человеческих поступков. Так, понятую историю легко переписывать каждый раз под себя, изменяя её до неузнаваемости. Человеческие поступки так легко забыть и так легко представить в нужном свете.

Будущее же конструируется по принципу, который существовал ещё «до начала времен», на рассвете человеческой цивилизации – оно заполнено хаосом и химерами. Атомная война, голод, обледенение, очередной апокалипсис, эпидемии, наводнения и землетрясения населяют социальное будущее, составляя здоровую конкуренцию идеалам и ценностям. Человеческий взгляд отвращается от социального будущего, заселенного образами смерти под разными личинами.

Социальное время все больше выворачивается наизнанку – прошлое и будущее постоянно отодвигаются от человека, и выходит так, что взгляд человека, рыскавший ищущим взором по просторам будущего в поисках надежды, и по просторам прошлого, в поисках опоры, отвращается от них, и погружается в трясину существования здесь-и-сейчас, в плену сонма

навязчивых сиюминутных химер, которые нельзя упускать из виду в Эре значимого времени...

Список литературы

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». И.Т. Касавин. 2009.;
2. «Феноменология духа». Г.В.Ф.Гегель, СПб.: "Наука", 1992
3. <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=12486> - «Долгожительство – это форма рабства».

Долгов А.Г. Феномен социального часу и його трансформация в глобальному світі

Дана стаття присвячена розгляду суті феномену соціального часу і зміни його характеристик і способів функціонування в сучасній масовій культурі.

Ключові слова: культура, масова культура, час, соціальний час, Ера значимого часу.

Dolgov A.G. The phenomenon of social time and its transformation in global world

This article is devoted to consideration of essence of the phenomenon of social time and change of its descriptions and methods of functioning in a modern mass culture.

Keywords: culture, mass культура, time, social time, Era of meaningful time.

УДК 008:792.2 «1853 / 1856»

КРЫМСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЗРИТЕЛЯ: ТЕАТР, ИГРА, СОЛДАТСКАЯ ПЬЕСА (1853 – 1856 гг.)

Первых Д. К.

В статье анализируются театральная жизнь, драматургия периода Крымской войны (1853 – 1856 гг.) с точки зрения своеобразия, художественных и исторических особенностей, специфики появления новых театральных постановок, эстетической и этической природы театральной сцены военных лет.

Ключевые слова: театр, Крымская война, игра, солдатская пьеса, драматургия, гастроли, зритель.

Истории театрального искусства посвящены монографии, статьи, энциклопедические издания. Работы эти касаются истории театра [7], анализа драматургии [4], художественных особенностей постановок, истории украинской театральной культуры в Крыму [2] и др.

Актуальность исследования. Театральная жизнь периода Крымской войны не становилась предметом отдельного исследования, хотя публикуемые нами материалы дополняют историю отечественного и зарубежного театра и дают возможность судить о динамике культуры кризисного времени.

Цель работы: доказать на примере театральной жизни России и Европы в период Крымской войны, что искусство в период кризиса не только может сохранять свое назначение, функцию, но и продолжать развиваться независимо от политической, социальной и экономической ситуации.

Задачи: изучить специфику работы театра в период Крымской войны в России и в Европе; проанализировать художественные и исторические особенности появления тех или иных театральных постановок; понять историческую и этическую природу военного театрального искусства.

О театральной жизни периода Крымской войны сегодня можно судить по свидетельствам очевидцев, воспоминаниям, отзывам критиков, опубликованным в отечественной и зарубежной периодике (1853 — 1856 гг.): журналах «Современник», «Военный сборник», «Journal de St-Peterbourg», газетам «Times», «La Presse» и др. Пресса позволяет увидеть в масштабе и охарактеризовать

историческую, политическую ситуацию, создавая панораму социально-культурной жизни России и Европы в период войны.

Журнал «Современник», как до Крымской войны, так и в ее разгар, подробно писал о жизни Петербурга, Москвы, Парижа, Лондона, приводил выдержки из заграничной прессы, анализировал и комментировал европейские литературные, научные достижения, театральные постановки, концерты, часто проводя параллели с культурной и научной жизнью России. Публикации выражали политическую, эстетическую позицию журнала, формируя мнение российского читателя. В период войны информации из-за границы в журнале не становится меньше, но подается она избирательно. Пьес, посвященных непосредственно военным событиям не много, поэтому мы сосредоточим внимание в целом на театральной сцене военных лет.

В 1853 г. событий, тревожащих публику нет, не пришла пора «очевидцев». Столицы живут привычной жизнью. Из театральных премьер в России пользуются успехом постановки А. Н. Островского, руководил которыми сам автор. Внимание прессы привлекают не столько военные действия, сколько в целом обстановка в стране. Из культурных новостей сообщается о пожаре в Большом Московском театре, о смерти актера В. А. Каратыгина, о назначении драматурга П. С. Фёдорова начальником репертуарной части петербургских театров, о гастролях французской актрисы Элизы Рашель. Война набирает обороты, и уже в сентябре 1854 г. автор рубрики «Современные заметки» напишет, что возвратившись из России, Рашель было холодно встречена французской публикой за то, что побывала у «*aboninables Russes*», этих «гадких русских». В защиту актрисы выступил писатель Жюль-Жанен: «Возвращение m-lle Рашели со всеми прекрасными качествами ее таланта должно увеличить нашу признательность к чистому вкусу людей, живущих там (в России – Д. П.)». Он ненавистно относился к «затеявшим войну с русскими» и отдавал должное русской культуре: «Москва и Петербург <...> – истинные столицы. Там умеют говорить чистейшим, изящнейшим французским языком» [8, т. 47, с. 48].

Только в разгар войны, в репертуаре театров появляются патриотические пьесы. Не все они были удачны: «Если бы количеству соответствовало качество, было бы недурно», – отмечают критики. Всего в течение театрального сезона 1854 г. в Петербурге было сыграно 68 пьес, пять из них посвящены событиям Восточной войны: «Ветеран и новобранец» А. Ф. Писемского – дана семь раз с успехом, «За Веру, Царя и Отечество» – дана пятнадцать раз, что, «как нельзя более, выражает степень общего патриотического одушевления», «Подвиг матери» – шесть раз, Взятие Карса в пяти действиях – шесть раз, несмотря на «отрицательные ее достоинства», «Русские в 1854 г.» дана четыре раза без успеха», – конкретизирует «Современник» [8, т. 47, с. 143].

Говоря об уровне этих произведений, остановимся на пьесе П. И. Григорьева «За Веру, Царя и Отечество», которая имела огромный успех, так как ее содержание «заимствовано из современных событий». Это народное драматическое представление в прозе и стихах с русскими национальными песнями, плясками и военными куплетами. Песня выборного в первом действии, «Наберем охапками вражеских голов! Закидаем шапками всех своих врагов <...>», вызывала громкие рукоплескания, повторяясь по единогласному требованию публики, – передавали впечатления зрителей критики. Еще более восторженно зал подхватывал куплеты:

«Англичанам ни на шаг
Не уступит наш моряк.
Мы наловим – ай люли! –
Красных раков на мели».

Сказка об английском флоте, которую мастерски рассказывал сам Григорьев, играющий роль старого моряка Бориса Непогоды, и вовсе приводила зрителей в восторг. Она напоминала знаменитую песню, сочиненную еще в 1812 г.: «За горами за долами Бонапарте с плясунами» и т. д. [8, т. 46, с. 170].

Постановка и само содержание, как видим, не слишком убедительное, тем не менее, пьеса имела успех. Серьезных произведений о войне с драматическим сюжетом и глубокой фабулой, похоже, не ждали ни зрители, ни критики. Все

понимали: у драматургов на это не хватало времени. Главным на тот момент было не столько содержание, сколько настроение, ради которого создавались произведения: поднять дух, настроить на победу.

Патриотическая пьеса в стихах на немецком языке «Der Feind vor Odessa» («Неприятель под Одессой») драматурга Ф. Е. Мейера имела не меньший успех, но не благодаря своему «довольно случайному» содержанию, – подмечает критик, – а благодаря исключительно «патриотическому одушевлению», и Мейер «был единогласно вызван» [8, т. 46, с. 170 – 171].

Объективности ради, скажем, что патриотические пьесы почти не вошли в классику отечественного театра. Большинство из них были поставлены, сыграны и благополучно забыты. Это говорит о том, что писали их наспех, к сроку, и, скорее всего, по госзаказу. Такой вариант исключать нельзя, так как примерно в это же время, в январе 1855 г., Великий князь Константин Николаевич попросит В. И. Даля издать «в огромном числе экземпляров» лубочные картинки на тему войны с юмористическими подписями и разослать по всей России «для продажи по самой ничтожной цене», чтобы «имена Нахимова, Корнилова, Закройки и других стали народными, чтобы их повторяли в избах крестьян так же, как и в жилищах нашего дворянства» [3, с.111–112]. Вполне может быть, что подобные заказы коснулись и драматургии.

Были случаи, когда театр становился своеобразным политическим «рупором». Так, в апреле 1854 г. в Париже, в театре «Порт Сент-Мартен», была поставлена пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор», переведенная Эженом Моро. На французской сцене она именовалась «Русские, сами себя изображающие». Пьеса, кстати, не имела успеха, однако цель, ради которой ее разыграли, очевидна: «разоблачить» русские порядки, высмеять противника с помощью его же классики [6, с. 27].

Несмотря на политическое противостояние, в России по-прежнему гастролировали зарубежные артисты: итальянские, английские, французские. Русско-французские связи несколько охладели, но окончательно их не разорвала даже война. Похоже, что с помощью искусства страны пытались наладить

дипломатические отношения. В 1854 г. французскими артистами в Петербурге было разыграно 92 новые пьесы, а в итальянской опере представлено 19 оперетт. В Париже «на Лирическом театре» тем временем с грандиозным успехом давали две новые комические оперы г. Голеви и г. Обера. Успеху одной из них содействовали дебюты бывшего актера Михайловского театра г. Монжоза. В свою очередь французская сцена Петербурга на роли первых любовников приобрела нового артиста Поля Бондуа, ранее игравшего в Лондонском театре, – пишут «Иностранные известия» [8, т.46, с. 173]. Переплетение актерского состава, равно, как и обмен актерами, воспринимается как своеобразный дипломатический ход.

Во время боевых действий в Севастополе давала спектакли передвижная труппа украинского актера, антрепренера, Даниила Жураховского. Актерский состав был слабым, – отмечали современники, – но сам Жураховский слыл великолепным комедийным актером, славился игрой в украинских ролях [5, т. 2, с. 706 – 707]. Труппа Жураховского впервые попала в Севастополь в 1840 г, гастролируя в большом амбаре Артиллерийской слободки. Благодаря широкому интересу публики и большим сборам Жураховский задумал остаться в Севастополе, и в 1842 г. на свои деньги он выстроил в городе настоящий каменный театр на Фонтанной площади, которую после этого стали именовать Театральной. Театр представлял красивое двухэтажное здание с четырьмя колоннами на фасаде. Зрительный зал был рассчитан на 150 мест, имелось два яруса лож, галерея и большая сцена. Во время первой бомбардировки Севастополя в октябре 1854 г. театр серьезно пострадал, однако спектакли продолжались. Весной 1855 г. представления шли трижды в неделю. По окончании войны от театра остались только стены, вход сберег «ресторатор, повесивший тут доску с надписью «Café du Théâtre».

У противников был свой театр. Его детальное описание находим в очерке «Из Крымских заметок» писателя, переводчика Н. В. Берга, которые посвящены послевоенным событиям и впечатлениям, когда после заключения мира бывшие противники несколько месяцев «сосуществовали» вместе в Крыму, встречались, общались, путешествовали. В заметках находим множество уникальных описаний послевоенного Крыма. Среди них – занимательная история о французском театре,

построенном в Камышах за шесть недель. Спектакли в нем шли ежедневно, но «вследствие отбытия некоторых полков во Францию, не стало доставать музыкантов», и директор театра мсье Шово, был вынужден исключить из репертуара два дня.

Любопытно описание самого здания: партер с комфортными лавками со спинками, обитыми крашеной холстиной, разделялся на две части – для офицеров и солдат. Внимание привлекала деревянная люстра, украшенная церковным паникадиллом, над сценой – герб Франции с орлом и буквой N. «Театр был довольно велик и устроен хитро. <...> Места для зрителей шли покато сверху вниз <...>. Передние ложи отличались некоторым особым убранством». Это были ложи маршала, первого коменданта и офицеров Главного Штаба. Маршал в театре никогда не бывал, поэтому Шово «решался иногда, при недостатке мест», пускать в нее офицеров. Зрительный зал вмещал до 1200 человек, и «всякий день был полон», хотя билет стоил довольно дорого – пять франков. Вечерами в театре собирались и союзники, и противники: «Третьего дня были здесь все нации: французы, англичане, русские, сардинцы – *voilà quatre nations!* Мне очень приятно вспомнить этот день! – восклицал Шово, – Русские – о, какой это любознательный народ! Говорят на всех языках, на каких угодно». Берг смотрел музыкальную буффонаду «Двое слепцов и потом Капрал и Крестьянка»: «Все это в лагерном духе и пересыпано такими каламбурами, каких не услышишь ни в одном театре. Актеры сносны. Между ними мне понравились особенно двое: M. Pinson и M. Ludovic. Из актрис – играющая лучше других – M-me Palmerine». В звуках оркестра Бергу слышались звуки войны: «траурное покрывало накидывалось на меня в иные минуты, на весь этот блеск и сияние» [8, т. 58, с. 136 – 138].

Кроме профессионально театра, не покидавшего Севастополь, театральные постановки разыгрывали сами солдаты в период затишья между боями. В «Севастопольских записках» писателя, участника обороны, П. И. Степанова находим рассказ о полковом празднике днепровцев: «После обеда полковые фокусники, плясуны и маскарад; как водится, тут парадировал мишурный генерал на поддельной лошади, и солдат верхом на старухе, и мельник, колдун, и русская

девка с усами, и непременно шайка разбойников с их удалой песней "Вниз по матушке по Волге". Давали бессмысленную пьесу неизвестно когда и кем сочиненную на эти случаи». И далее: «Не исключая Горчакова, все помирали со смеху. <...> Офицеры и даже генералы пустились в пляс, должность дам исполняли юнкера». [9, с. 39 – 40]. Похоже, эта же пьеса была реконструирована фольклористами в 1975 г. и вошла в коллекцию документальных фильмов «Русский народный театр» режиссера-постановщика Л. С. Купершмидта (СССР, 1975 г., ч.3): «Народная драма (опыт реконструкции) «Балаган».

В середине 1855 г. в журнальных обзорах отчетливо прослеживаются новые интонации в освещении заграничных известий. Журнал уходит от развлекательной информации, упоминая лишь о важных событиях: о смерти французской писательницы Дельфины де Жирарден; вскользь – о новых ролях Рашель, подробно – о французской выставке. Автор, не скрывая восхищения французскими достижениями науки и искусства, пытается установить связь между развитием искусства и социально-экономической формацией и прослеживает безусловный прогресс художественного творчества во Франции в следующий за феодализмом период, когда ремесленники получили свободу. Невольно выстраивается ассоциация с крепостным правом в России, на что, думается, подцензурно рассчитывали редакторы. Особое внимание уделяется гастролям в Петербурге французской актрисы Роже Солье и итальянской балерины Фанни Черрито. Обмен гастролями представляется «Современнику» образцом международных отношений [8, т. 52, с. 227, 231].

Несмотря на сравнительно богатый театральный сезон в журнальных заметках то и дело встречается критика отечественной сцены. Русские таланты гибнут из-за нехватки русского репертуара, «задыхаясь в переводах и переделках с французского». «Каждый русский даровитый писатель, работающий сию минуту для сцены, оказывает величайшую услугу театру. Как же быть требовательным к таким писателям? – пишет в начале 1856 г. И. И. Панаев, – Откуда брать великих, художественных произведений для сцены?» [8, т. 55, с. 108].

Критикуя русскую сцену, «Современник» беспощаден и к промахам европейского театра, к пошлым комедиям с «дешевой» моралью: «Жалкими фарсами наполнены современные пьесы бульварных парижских театров (гг. Скриба, Альфреда Мюссе, Фелье)» [8, т. 57, с. 71]. Критика – резкая, но ожидать лояльности не приходилось: в марте 1856 г. подписан мирный договор – война проиграна Россией. В то же время, «Современник» нельзя обвинять в необъективности. Критический анализ Н. А. Некрасова брошюры Е. Вердеревского и Н. Дункель-Веллинга «Шамиль в Париже и Шамиль поближе» (Тифлис, 1855) начинается как раз с истории о невежестве французов. В одной из парижских драм о российской истории Петр Великий появлялся на сцене «в чалме с пером и в бархатном халате с галунами» и жаловал Меньшикова «не только в князя, но даже в Долгорукие». Французская публика «не только не находила нелепым подобное представление, но внимала ему с радостным сожалением о северных варварах!».

В Крымскую войну французы, не вникая в историю, нашли себе нового кумира, отдаленного союзника, — кавказского горца Шамиля, ведущего борьбу против России. О нем во Франции писали книги, диссертации, создавали театральные постановки. Авторы брошюры опровергли «вымысел о Шамиле», ибо «каждому просвещенному» претит «самонадеянное незнание России» [8, т. 51, с. 65]. Как видим, журнальные обзоры под видом культурных новостей, умело актуализировали для читателя наиболее важные и тревожные политические вопросы.

Английские театры в 1856 г. не отличались богатством репертуаров. Кроме привычной классики англичане поставили на сцене «Геймаркета» пьесу «Альмский часовой» (Альминский — прим. авт.), но «несмотря на патриотический характер, пьеса была освистана». «На театре Астеля также всякий вечер представляют Альмскую битву с содействием английской конницы, которая здесь многочисленнее, чем кавалерия крымской экспедиционной армии», – иронизируют критики. «Наконец, Альмскую битву разыграют, но уже без лошадей, на маленьком театре Странда» [8, т. 58, с. 92]. В России в год окончания войны успехом по-прежнему пользовалась драматургия А. Н. Островского, А. В. Сухово-

Кобылина, оперы А. С. Драгомыжского и Р. Вагнера; состоялось официальное узаконивание монополии императорских театров; Александр II издал резолюцию, запрещающую заводить «в столицах частные русские театры».

Обязательным требованием времени на сцене стала «актерская правда», без фальши, притворства и прикрас, когда актер мог «приблизился» к зрителю. Этому способствовало в целом развитие реалистических тенденций в европейском театре и привело к необходимости ставить персонаж в связь со временем. Характерностью образов выделялись М. С. Щепкин, В. В. Самойлов, А. Е. Мартынов. Актеров старой школы критики презрительно называли «рутинистами» [8, т. 51, с. 105].

К своеобразным театральным постановкам военного периода имеет смысл отнести детскую игру. Дети, не зная правил и принципов театрального действия, сами, как могли, создавали свой, детский, наивный театр. От обычной игры он отличался, прежде всего, сюжетом: событийность задавалась временем, тема – историей, мастерство – копированием происходящего. Дети мастерили декорации, театральный инвентарь, прототипами героев становились реальные люди. В записках участника Севастопольской обороны, корреспондента П. В. Алабина, находим: «Здесь дети знают только одну игру – в войну. На всякой площадке построены маленькие батареи с траншеями; красная тряпка играет роль флага, бревешки – роль пушек, круглые комки грязи исполняют должность ядер». Игры проходили ежедневно, в них участвовали ребята со всей округи: «Ведут траншеи, строят батареи, бомбардируют крепость; осажденные делают вылазки, дают полевые сражения – на кулачки. Наконец, бомбардирование в один прекрасный день усиливается, и с криком «Ура» осаждающие бросаются на приступ и всегда берут крепость». Любимой игрой маленьких севастопольцев стали Синопское и Инкерманское сражения. Храбрейшему мальчишки давали «славное имя Нахимов, он руководитель боя» [8, т. 46, с. 134 – 135].

Выводы. Приведенные факты свидетельствуют о том, что театр периода Крымской войны не переставал развиваться, несмотря на кризис, войну, создавая новые театральные постановки, сюжеты и образы. Он становился своеобразным

проводником национальных идей, политическим «рупором», как в России, так и за границей. Театр стремился успеть увековечить историю: исторические факты стали темой художественных произведений, реальные лица – прототипами сценических персонажей. Не все произведения вошли в историю мировой культуры, многие остались забыты. Однако можно утверждать, что искусство (литература, живопись, театр) в Крымскую войну выполняло одну из главных задач военного времени: поднять дух, воспитать патриотизм, настроить на победу.

Список литературы

1. Ерасов Б. С. Социальная культурология. Изд. 3-е, дополненное и переработанное / Б. С. Ерасов . – М. : Аспект Пресс, 2000. – 590 с.
2. Киричок П, Киричок М. Крим і українська театральна культура (Посібник. Наукове видання) / Петро Киричок, Максим Киричок. – Симферополь: Атлас-компакт, 2005. – 128 с.
3. Мазилкина И. Батальные сказки / Мазилкина И. // Родина. – М. : «Родина-пресс», 1995. – № 3 – 4. – С. 111–114.
4. Марков М. В. Искусство как процесс. Основы функциональной теории искусства / М. В. Марков. – М.: Искусство, 1970. – 239 с.
5. Марков П. А. Театральная энциклопедия / Гл. ред. П. А. Марков. В 5-ти томах. – М: «Советская энциклопедия», 1963.
6. Орехов В. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853 – 1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса / Л. А. Орехова, В. В. Орехов, Д. К. Первых, Д. В. Орехов. – 2-е изд, перераб. и доп. – Симферополь: Симферопольская городская типография, 2010. – 480 с.
7. Пилюгин А. А. Реформы в Императорских театрах. 1882 г. Из истории организации творческого процесса в русском театре / А. А. Пилюгин. – М. : ГИТИС, 2003. – 128 с.
8. Современник. Литературно-политический журнал, издаваемый с 1847 г. И. Панаевым и Н. Некрасовым. – СПб. : Типография главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, 1853 – 1856.
9. Степанов П. И. Севастопольские записки 1854, 1855 и 1856 годов / П. И. Степанов // Военный Сборник. – СПб. : Типография департамента уделов, 1905. – № 9. – С. 37 – 48.

Первих Д. К. Кримська війна очима глядача: театр, гра, солдатська п'єса (1853 – 1856 рр.)

У статті аналізуються театральне життя, драматургія періоду Кримської війни (1853 – 1856 рр.) з точки зору своєрідності, художніх і історичних особливостей, специфіки появи нових театральних постановок, естетичної і етичної природи театральної сцени військових років.

Ключові слова: театр, Кримська війна, гра, солдатська п'єса, драматургія, гастролі, глядач.

Pervikh D. K. The Crimean War through the eyes of spectator: theater, acting, a soldier's play (1853 – 1856)

The article analyzes the theatrical life, dramaturgy of the period of the Crimean war (1853 – 1856) in terms of its originality, artistic and historical features, specificity of the appearance of new theatrical performances, aesthetic and ethics nature of the theatrical stage of war years.

Keywords: theater, Crimean war, acting, a soldier's play, dramaturgy, tours, audience.

Раздел III

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИИ 2012 ГОДА

Международная интернет-конференция «Интеллигенция, духовность и гражданское общество в условиях глобализации мира» состоялась 12 апреля 2012 года на базе Таврического национального университета имени В.И. Вернадского.

Участники конференции поставили «диагноз» по заявленным проблемам и приняли Резолюцию о том, что в условиях постсоветского пространства социальная жизнь трансформировалась в «недожизнь». Люди не живут, а выживают в условиях экономической нестабильности и социально-политической неопределённости. Сложившаяся ситуация заявила о себе как исторический вызов, который ждёт достойного ответа. Это своеобразный переходный период, который три раза повторялся в становлении и развитии новоевропейской цивилизации, о чем свидетельствует история эпохи Эллинизма, Ренессанса и Постмодерна. Несмотря на свою социальную детерминацию в каждом конкретном случае, для всех трех переходных периодов характерна общая ситуация: старая шкала ценностных ориентиров, как регламент жизнедеятельности людей в обществе, уже не работает, а новая ещё не сложилась. За этим тезисом стоят три этапа переходного периода от «устаревшего » общества к новому обществу; от декларации «построим человеческое общество и воспитаем общественного человека» до попыток её осуществления. Путь непростой. В условиях Постмодерна он отягощён:

- состоянием объективных условий и наличным субъективным фактором общественного развития;
- факторами внешнего влияния и внутренними коллизиями;
- антропологическим и экологическим кризисом;
- разрывом культуры и цивилизации;
- потерей связи поколений;

- «торжеством» общества потребления;
- трансформацией другого в чужого;
- процессом тотальной глобализации мира и поиском Нового мирового порядка.

Объективные условия – это та реальность, которая на социальном уровне обеспечивает стабильность и надежду на пролонгацию сложившихся общественных отношений с ориентиром на их совершенствование, но это может быть и дисгармония общественного бытия, которая заявляет о себе как проблема исторического вызова, требующая своего достойного ответа усилиями субъективного фактора.

Состояние объективных условий определяется уровнем развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Производственные отношения обеспечивают не только функциональную связь между средствами производства и человеком производства, но и являются предпосылкой становления определённой социальной структуры общества как механического конгломерата больших и малых социальных групп, где индивид через механизм социализации включает проекцию, идентичность и символизацию; осуществляет поиск своих с надеждой на автономию и равенство, солидарность и справедливость в процессе осуществления своих интересов через призму ключевых ценностей. Поиск оптимизируется в условиях добротного гуманитарного образования и воспитания. Составляющие этого процесса усилиями интеллигенции превращаются в «два крыла», обеспечивающие становление человека как чела своего времени, способного к творческому полету и самовыражению.

Ключевые ценности (жизнь, свобода, равенство, солидарность и справедливость) индивид осваивает и усваивает через гуманитарное образование и воспитание. Отмеченные ценности определяют правоспособность человека, его дееспособность и деликтоспособность в определённой системе координат общественного развития.

Вертикаль власти и горизонталь коммуникаций в этой системе обуславливает конкретную жизнедеятельность общества в интервале от «человек человеку - Бог» до «человек человеку – волк», в зависимости от состояния его духовности. Духовно нищий народ не может стать экономически богатым, политически независимым и законопослушным. Эта аксиома не исчерпала свой потенциал и в XXI веке.

Через институт государства и институты гражданского общества: интеллигенция, средний класс, местное самоуправление, складываются предпосылки субъективного фактора, как органического единства лидера и системы его социальной поддержки. Это те лица, которые разделяют и принимают программу лидера, а также обеспечивают ее осуществление.

Структура субъективного фактора включает интеллектуальное меньшинство и рутинное большинство, а также личность лидера с определенным набором атрибутов и модусов, проявляющихся в его повседневной практике, которая предполагает:

- способность адекватно мыслить;
- генерировать дееспособную идею выхода из очередного тупика;
- выстраивать модель механизма адаптации этой идеи массами;
- обеспечивать ее осуществление;
- определять оптимальную стратегию и тактику;
- организовать массы на конструктивное обустройство общества.

Лидерство изначально укоренено в природе человеческого общества. Его основанием является унаследованная из животного мира воля к жизни с последующей трансформацией в волю к власти над обстоятельствами и волю к власти над собой. Лидеру присущи: физическая сила, уверенность в себе, психологическое равновесие, сила воли, харизматичность и суггестивность. Под воздействием социальной среды лидер формирует в себе психосоциальные качества: влияние и доверительность, которые позволяют ему доминировать и управлять, осуществляя власть авторитета.

В системе координат современного общества лидер включен в вертикаль власти через институт государства. Если представление о лидере в традиционных религиозно-философских учениях Востока переплетаются с образом мудреца, то античная философия создает уже образ лидера, как политического деятеля, с претензией на субъект упорядочивания социального хаоса. Теологи Средневековья наделяют лидера божественными качествами, создавая абстрактный портрет идеального лидера, который управляет государством на основе веры и разума, обладая мудростью, настойчивостью, последовательностью и следуя заповедям Бога.

Смена традиционного общества индустриальным меняет представления об образе лидера и его роли, как носителя субъективного фактора. Мыслителей эпохи Модерна интересует в основном, политическое лидерство и личность вождя, как субъекта власти. Феномен лидера рассматривается через включенность в вертикаль власти бюрократической элиты, управляющих под знаком «короля делает свита». Впервые обращается внимание на соотношение объективных условий и субъективного фактора в общественном развитии, на их взаимосвязь и взаимообусловленность. Критерием выдающейся личности считаются масштабы деятельности лидера. Лидер трансформируется в вождя, а вождь в социального бога. Идеал, как правило, уступает место идолу.

Смена исторических эпох на всех ступенях человеческой истории: добывающей, обрабатывающей, технологической, информационной ведет к смене типов лидера, сохраняя непрерывность и прерывность истории на этапе особой транзитивности (общество переходного периода).

Эпоха Эллинизма – это первый транзитивный период в истории европейской культуры, в ходе которого сложилась концепция традиционного общества. Однако, смена мировоззренческой парадигмы «космоцентризма» на «теоцентризм» не привела к коренному изменению образа лидера. Лидер по-прежнему опирался на систему незыблемых нравственных установок, сложившихся ценностных ориентиров и институтов, их разделяющих и поддерживающих.

В условиях второго перехода, от традиционного общества к индустриальному, Ренессанс предложил новую концепцию лидерства. Субъект власти выступает как авторитарный тип лидера, который руководствуется в своей деятельности ориентиром на преобразование мира в соответствии с законами абсолютного Разума.

Третий, современный транзитивный период востребует «ситуативного лидера». Его рациональность формирует новые ценностные ориентиры, среди которых особое место занимает не только знание и информация, человечность и профессионализм, но и светская духовность в формате ноосферной. Только духовность может обеспечить ту дееспособность лидера, которая в сложном и динамическом мире тенденций и ситуаций ведет к осуществлению человеческого общества и общественного человека. Духовность - это сердце общественного организма, связующее звено поколений, «компас и парус» человека.

Те концепции развития мировой цивилизации постиндустриального общества, которые абсолютизируют технологический принцип, как правило, демонстрируют свою ограниченность. В результате возникает необходимость поиска выхода из тупиковой ситуации и активизации философии по формированию постмодернистского мировоззрения, как базового основания новой концепции лидерства.

Обусловленность лидера объективными условиями не исключает, а предполагает «печать» личности самого лидера, которая может быть незаурядной и бездарной, больной и здоровой, адекватной и девиантной, но всегда - многомерной. Эту многомерность можно расшифровать, но только через гносеологический принцип конкретности истины.

В статусе лидера общества переходного периода личность заявляет о себе на первом этапе как дестроер, на втором этапе – как собиратель дееспособных идей, и только на третьем этапе – как созидатель.

Статус лидера – «короля» делает не только личность самого лидера, но и его окружение – «свита», которая предполагает и наличие королевского «шута». Сегодня – это оппозиция, подлинная или мнимая. Подлинная оппозиция с

ориентиром на конструктивную критику и осуществление Общего дела или псевдооппозиция - с ориентиром исключительно на решение вопроса о власти в свою пользу после очередных выборов.

«Свита» - это система, которая делает «короля», существенно расширяя его дееспособность и обеспечивая полноценное функционирование системы координат общества. В условиях, когда новая шкала ценностных ориентиров еще не сложилась, для «свиты» складывается благоприятная ситуация трансформации из системы обеспечения жизни общества в систему самообеспечения. В конечном итоге «свита» превращается в «свору», которая включает механизм персонификации общественных отношений и деперсонификации как личности «короля», так и того социума, который в глазах «своры» проходит по реестру «биомассы». Складывается тотальное отчуждение всех от всего и от самих себя. Бал правит формула «обмани ближнего, пока ближний не обманул тебя».

Отмеченная тенденция развития общества усугубляется в условиях трансформации «человека разумного» в ипостась «человека-потребителя», когда ориентиры на производство, труд и общение сменяются ориентиром на «раскрученные знаковые стоимости»; когда свет реального мира уступает место сумеркам симулякров виртуальности.

Есть проблема и ее нужно решать, принимая во внимание переход индустриального общества в информационное. Этот переход осуществляется в условиях тотальной глобализации мира. Глобализация с «запахом» американизации несет в себе собственную проблемность, что заставляет вспомнить слова Редьярда Киплинга из его поэтического наследия «Общий итог»: «Далеко ушли едва ли мы от тех, что попирали пяткой ледниковые холмы?..»

Решение проблемы оптимальной модели системы координат общественного развития может обеспечить только новая парадигма и новая философская картина мира, скорее всего, в рамках осуществления идей В.И. Вернадского о ноосфере. Новая парадигма ориентирована не на очередные обещания осуществить глобальные или региональные реформы, а на поиск и обоснование связующего звена поколений. В качестве такого звена может быть только единство

духовности и мировоззрения, которые имеет свою историю становления, развития и результата.

Это единство прошло свой путь от мифологической до светской духовности, включая религиозную с ориентиром на ноосферную интегративную духовность. В далеком вчера, оно выступало основанием формирования протокультуры и становления подлинной культуры, сохраняя за собой статус стержня культуры сегодняшнего дня и оберегая ее от эскалаций со стороны псевдокультуры. Это средство несет в себе надежду на перспективу завтрашнего дня.

Беда подстерегает общество и личность в нем, если игнорируется единство духовности и мировоззрения, как базовое основание преемственности культуры и преемственности поколений.

Резолюция
интернет-конференции «Интеллигенция, духовность, гражданское
общество в условиях тотальной глобализации мира»

Обсудив заявленные вопросы, участники конференции обращаются ко всем главам государств и правительствам с просьбой принять во внимание выводы:

1. Страны постсоветского пространства находятся в состоянии переходного периода. Шкала ценностных ориентиров индустриального общества, основанного по формуле «товар-деньги-капитал» уже не работает, а новая шкала ценностей информационного общества еще не сложилась.
2. Производство материальных и духовных благ уступает место виртуальному производству симулякров, где девиантность воспринимается как норма, а образование замыкается исключительно на рынок, освобождаясь от гуманитарной составляющей.
3. Реальностью стали антропологический кризис, разрыв связи поколений и духовная нищета.
4. Агония социума продолжается по старой схеме: придуманные внешние и внутренние враги, провоцирующие психологическую напряженность и

нервозность как на уровне жизни конкретного общества, так и на уровне жизни в этом обществе.

5. Все это усугубляется тем, что кризис общества и кризис личности протекает в условиях тотальной глобализации мира, стоящего перед выбором Нового мирового порядка XXI века.

В этих условиях участники конференции рекомендуют:

- обеспечить благоприятные условия для развития институтов гражданского общества от семьи до местного самоуправления;
- стимулировать формирование светской духовности, препятствуя «разгулу» заказных средств массовой информации;
- принять меры, направленные на разрешения антропологического кризиса, профилируя противоестественную активность масскультуры;
- возродить преемственность поколений как ведущего фактора, определяющего благожелательную перспективу общества;
- реформировать систему просвещения с учетом приоритета гуманитарного образования и воспитания;
- упразднить дефицит человечности и профессионализма;
- возродить первоначальный статус Учителя, Врача тела и Целителя духа;
- придать силу Закона гуманитарной экспертизе любых социальных проектов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Александрова Елена Станиславовна** - доктор философских наук, профессор (Киев)
- Буряк Виктор Владимирович** - кандидат философских наук, доцент (Симферополь)
- Величко Сергей Анатольевич** - кандидат философских наук, доцент (Симферополь)
- Горбань Александр Владимирович** - доктор философских наук, профессор (Симферополь)
- Грива Ольга Анатольевна** - доктор философских наук, профессор (Симферополь)
- Долгов Андрей Геннадиевич** – аспирант (Симферополь)
- Зиннурова Людмила Ивановна** - кандидат философских наук, доцент (Симферополь)
- Кальной Игорь Иванович**- доктор философских наук, профессор (Симферополь)
- Кемалова Лиля Исметовна** - кандидат философских наук, доцент (Керчь)
- Когай Евгения Анатольевна** - доктор философских наук, профессор (Курск)
- Колесников Вадим Вячеславович** - доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)
- Лазарев Феликс Васильевич** - доктор философских наук, профессор (Симферополь)
- Лопушанский Игорь Николаевич** – кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
- Марков Борис Владимирович** - доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
- Муза Дмитрий Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор (Донецк).
- Первых Диана Константиновна** – аспирант (Симферополь)
- Сафонова Наталья Вячеславовна** - кандидат философских наук, доцент (Симферополь)
- Трифонова Маргарита Константиновна** - кандидат философских наук, доцент (Симферополь)
- Чукин Сергей Георгиевич** - доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
- Юрченко Сергей Васильевич** – доктор политологии, профессор (Симферополь)

Оглавление

Раздел I. Глобализация мира, гражданское общество, духовность

1. Муза Д.Е. Глобализация и опыт дифференциации гражданской самоорганизации
2. Юрченко С.В. Противоречия глобализации и взгляд в будущее
3. Чукин С.Г. Поворот к добродетелям: миссия философии в разделенном мире
4. Буряк В.В. Гражданское общество в эпоху глобальных трансформаций
5. Лопушанский И.Н. Гражданское общество: проект или прожект
6. Когай Е.А. Гражданственность как проектная альтернатива
7. Горбань А.В. Притязания среднего класса на обустройство постсоветского общества
8. Александрова О.С. Ахіллесова п'ята середнього класу суспільства перехідного періоду
9. Колесников В.В. О «новациях» уголовно-правового регулирования экономических отношений в обществе риска
10. Лазарев Ф.В. Основные стратегемы выживания человечества в постиндустриальном обществе
11. Марков Б.В. Образ чужого в сознании нации
12. Кальной И.И. Интеллигенция в обществе риска
13. Грива О.А. Дихотомия «духовность-бездуховность» в теории и практике современной цивилизации
14. Трифонова М.К. Наука и духовность в постиндустриальном обществе
15. Величко С.А. Деструктивный дискурс современной европейской культуры
16. Зиннурова Л.И. Цинизм в образовании и студенческой среде
17. Кемалова Л.И. Поведение молодежи современного общества переходного периода
18. Сафонова Н. В. Движение к вероятностной картине мира

Раздел II. Аспиранты и соискатели

1. Долгов А. Г. Феномен социального времени и его трансформация в глобальном мире
2. Первых Д. К. Крымская война глазами зрителя: театр, игра, солдатская пьеса (1853 – 1856 гг.)

Раздел III. Информация о конференции 2012 года